

Юлиус Эвола

ЯЗЫЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ



Москва, из-во «АРКТОГЕЯ», 1990 перевод А. Дугина (1980)

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. МЫ, АНТИЕВРОПЕЙЦЫ	2
УПАДОК ЕВРОПЫ	2
НОВЫЙ СИМВОЛ	3
СОЛНЕЧНАЯ НОРДИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ	5
МЫ, ЯЗЫЧЕСКИЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ	8
ЧАСТЬ II. УСЛОВИЯ ДЛЯ ИМПЕРИИ	10
ВЫРОЖДЕНИЕ ИМПЕРСКОЙ ИДЕИ	10
ПРОТЕСТАНТСКОЕ ИЗВРАЩЕНИЕ И НАША АНТИ-РЕФОРМАЦИЯ	13
ВОЛЯ К ИЕРАРХИИ	16
ЧАСТЬ III. ОШИБКА ДЕМОКРАТИИ	18
ИСТИННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ	18
ИЕРАРХИЯ ЧЕРЕЗ МОГУЩЕСТВО – ПОКОРЕНИЕ ГОСУДАРСТВА	20
НЕВОЗМОЖНОСТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	23
АНТИ-ГЕГЕЛЬЯНСТВО	25
АНТИ-ИСТОРИЦИЗМ	28
ИНДИВИДУУМ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО	31
ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ РАВЕНСТВА	33
ОТ КЛАНА К ИМПЕРИИ – НАШЕ РАСОВОЕ УЧЕНИЕ	35
ЧАСТЬ IV. КОРНИ ЕВРОПЕЙСКОГО НЕДУГА	38
КАСТОВАЯ ДЕГРАДАЦИЯ – ДЕНЬГИ И ТРУД	39
НАУКА ПРОТИВ МУДРОСТИ	43
ТЕ, КОТОРЫЕ ЗНАЮТ, И ТЕ, КОТОРЫЕ ВЕРЯТ	47

МЕХАНИЧЕСКАЯ СИЛА И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ МОГУЩЕСТВО	48
АКТИВИЗМ И ГУМАНИЗИРОВАННЫЙ МИР	50
ЧАСТЬ V. НАШ ЕВРОПЕЙСКИЙ СИМВОЛ	55
НИЦШЕ, НЕПОНЯТЫЙ	55
ИСТИННАЯ ПАН-ЕВРОПА	57
МИФ О ДВУХ ОРЛАХ	61
ГИБЕЛЛИНСКОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	69
ПОСЛЕСЛОВИЕ. ЮЛИУС ЭВОЛА, ЯЗЫЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИСТ	70
ПУТЬ КИНОВАРИ	70
ЯЗЫЧЕСКИЙ...? ИМПЕРИАЛИЗМ...?	74
ЯЗЫЧЕСКИЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ И ПРАВЫЕ АНАРХИСТЫ	75
МИССИЯ ЭВОЛЫ	78

ЧАСТЬ I. МЫ, АНТИЕВРОПЕЙЦЫ

УПАДОК ЕВРОПЫ

Современная «цивилизация» Запада нуждается в кардинальном перевороте, без которого она рано или поздно обречена на гибель. Эта «цивилизация» извратила всякий разумный порядок вещей. Она превратилась в царство количества, материи, денег, машин, в котором нет больше воздуха, свободы, света.

Запад забыл о смысле приказания и повиновения. Он забыл о смысле действия и размышления. Он забыл о смысле иерархии, могущества духа, человеческих богов. Он больше не знает природы. Природа для западных людей перестала быть живым телом из символов, богов и ритуалов – блистающим Космосом, в котором, как «царство в царстве», свободно движется человек: она стала мутной, роковой поверхностью, и ее тайны профанические науки стараются обойти с помощью своих ничтожных законов и ничтожных гипотез. Запад больше не ведает мудрости: он не знает благородного безмолвия тех, которые преодолели самих себя, не знает светлого покоя тех, «которые видят», не знает гордой «солнечной» реальности тех, в ком возродились идеи крови, жизни, могущества. На место мудрости вступила риторика «философии» и «культуры», мир профессоров, журналистов, спортсменов – схема, программа, лозунг. На ее место вступила сентиментальная, религиозная, гуманистическая скверна и плеяда возбужденных болтунов, которые опьяненно восхваляют «становление» и славословят «практику», потому что боятся молчания и раздумья. Запад больше не знает Государства.

Государство как ценность, как Империя, как синтез духовного и королевского, как путь к «сверхмиру», каким оно было во всех великих культурах древности – от Китая до Египта, от Ирана до Рима, до Священной Римской Империи Германских Наций – потонуло в мещанской убогости общества рабов и торговцев. Что такое война, война по своей собственной воле, как высшая ценность (будь то в победе или в поражении), как священный путь духовной реализации; почему доступ в небесную обитель Одина, Валхаллу, открыт героям, павшим на поле битвы; почему в Исламе «священная война» (джихад) есть синоним «божественного пути»; почему в арийской Индии воин всегда уподобляется аскету, и почему в классической древности он символизировал собой *mors triumphalis* (победу через смерть) – что означает такая война, не знают больше трусливые европейские «активисты». Они не знают больше воинов, они знают только солдат, и достаточно небольшой стычки, чтобы привести

их в ужас и вызвать у них поток гуманистической, пацифистской и сентиментальной риторики. Европа потеряла свою простоту, она потеряла центр своей деятельности, она потеряла свою жизнь. Демократический недуг и семитский яд пропитали ее вплоть до самых корней, они везде: в праве, в науке, в мышлении. Вождей – существ, которые выдвинулись не посредством насилия, не из корыстолюбия, не как ловкие угнетатели рабов, а в силу своих неоспоримых трансцендентных жизненных достоинств, – почти не осталось больше. Европа сейчас – это огромное шарлатанское месиво, сжимающееся и трясущееся от страха, о котором никто не смеет заявить открыто, с деньгами вместо крови, с машинами и фабриками вместо плоти и с газетами вместо мозгов – бесформенное тело, беспокойно бросающееся из стороны в сторону, движущееся под влиянием сомнительных и неизвестных сил, которые превращают в порошок любого, кто осмелится им противостоять или хотя бы попытается уклониться от их воздействия. Все это – плоды столь восхваляемой западной «цивилизации». Все это – прославленные результаты суеверной веры в «прогресс», которая противоречит римской королевской власти, противоречит дорической Элладе, противоречит всем остальным формам великой арийской традиции. И все плотнее смыкается кольцо вокруг тех немногих, которые способны к великому отвращению и великому возвышению.

НОВЫЙ СИМВОЛ

Возможно ли еще в этом сумрачном мире освобождение и обновление?

Есть ли у Европы силы, достаточные для осознания своей задачи, и есть ли у нее воля для ее решения?

Не следует предаваться иллюзиям: только при осознании возможно действие.

Надо отметить угрожающую реальность процесса духовного распада, уходящего корнями в недра Предыстории, высшей точкой которого является как раз то, что современные люди прославляют как свою высшую культурную ценность и который затронул все области мысли и действия. Компромисса не существует. Приспособление невозможно. Нам необходимо могущество нового Средневековья. Нам необходим радикальный, глубокий переворот – восстание варварской чистоты как во внутреннем, так и во внешнем. Философия, «культура», повседневная политика – ничего из этого. Не следует поворачиваться на другой бок на этом смертоносном ложе. Надо, наконец, проснуться и встать на ноги. Повсюду еще остались те, которые помнят о древнем благородстве, те, которые осознают всю серьезность невыносимой болезни и понимают, что все отдельно взятые области культуры слишком тесны для противодействия.

Пока еще не стало слишком поздно, надо призвать этих разрозненных людей к осознанию основной линии – вне всех ограничений и частных интересов, сдерживающих сегодня их силы. Должно свершиться неумолимое действие, требующее развертывания всех их чистейших сил. Оно должно быть всепобеждающим, готовым уничтожить грязную корку риторики, сентиментализма, морализма и религиозного лицемерия, которой покрыто и гуманизировано на Западе все. Тот, кто проникает в храм – пусть он будет даже варваром – обязан изгнать оттуда всех осквернителей, сделавших в «цивилизованной» Европе из «духа», из добра и зла, из науки и божественности монополию и спекулирующих этим всю свою жизнь, тогда как на самом деле, они не знают ничего, кроме материи и того, что на эту материю наложили людские страхи и суеверия. Всему этому надо сказать – хватит! – и при этом некоторые люди снова будут готовы к этому долгому пути, к долгому риску, к долгому созерцанию и к долгому молчанию; при этом снова повеет ветер далекого – ветер древней нордической традиции – и спящие Запада проснутся.

Анти-философия, анти-гуманизм, анти-литература, анти-«религия» – таковы предпосылки. Хватит! – надо сказать эстетизму и идеализму, хватит! – душевной жажде, создавшей семитского бога для молитв и упований, хватит! – «потребности», которая держит нищих людей в оковах общества, чтобы, связав их взаимной зависимостью, дать им то, что не достаёт каждому. Надо всем этим должно возвыситься с чистыми силами. И тогда появится задача, намного превосходящая «политику» и социальные предрассудки, делающая незначительными все трагические позы горя и внешние эмоции; задача, поставленная таким образом, что материальная сила, увлекающая за собой всех людей, все вещи, не сможет более иметь какой-либо вес. В тишине, в строгой дисциплине самообладания и самоопределения мы должны с холодным настойчивым усердием создать из единиц элиту, возрождающую солнечную мудрость: то мужество (*virtus*), о котором не следует говорить вслух, и которое исходит из глубин души и сознания, доказывается не в спорах и книгах, а в творческом действии.

Мы должны снова проснуться для обновленного, одухотворенного, терпкого переживания мира, но не отвлеченного и философского, а вибрирующего в нашей крови: для переживания мира как могущества, для переживания мира как ритуала жертвоприношения. Такое переживание мира создаст крепкую, жестокую, активную форму, существо чистой силы; такое переживание мира откроет то чувство свободы и величия, то космическое дыхание, даже самого слабого дуновения которого еще не знали «мертвые» Европы. Вместо профанической, демократической и материалистической науки, относительной и условной, являющейся рабой непонятых законов и явлений, глухой к глубинной реальности человека, мы должны – в этой элите – воскресить священную, внутреннюю, тайную, творческую науку духовной реализации и «самооблагораживания»; науку, которая способна управлять невидимой силой, повелевающей нашими существами и соединяющейся с тайными корнями рас и вещей; и при этом она воссоздаст, но не как миф, а как самую позитивную реальность, людей как существ, принадлежащих не к «жизни», а к «более-чем-жизни», способных к трансцендентному действию. И тогда появятся вожди, род вождей. Невидимые вожди, которые не говорят лишних слов и не стремятся показываться на публике, но чьи действия не знают преград, вожди, могущие все. И тогда опять возникнет центр на Западе – на Западе, лишенном центра. Это глубокое заблуждение считать, что обновление возможно без восстановления иерархии, т.е. без установления в низших формах, связанных с землей и с материей, с человеком и с человеческим, высшего закона, высшего права, высшего порядка, которые могут быть оправданы только живой реальностью вождя.

Это глубокое заблуждение считать, что государство может быть чем-то иным, нежели *civitas diaboli* («дьявольская организация»), если оно не восстановлено как Империя; но так же ошибочно желать установления Империи на основе научных, милитаристских, промышленных, «идеальных» или национальных факторов. Империя – в традиционном понимании – есть нечто трансцендентное, и осуществить ее может только тот, кто обладает достаточной силой для преодоления ничтожных жизней ничтожных людей вместе с их аппетитами и сентиментами, вместе с их убогим национальным чванством, вместе с их «ценностями», «фобиями» и идолами. Это понимали люди древности, когда чтити во главе иерархии существ, королевская природа которых была сплавлена с сакральной и временная власть которых была пронизана духовным авторитетом «более чем человеческой» природы – таинственных носителей могущественных и грозных сил «Победы» и «Счастья». Это понимали люди древности, когда в любой войне они переживали «священную войну», нечто универсальное, торжествующее, все разрушающее и организующее заново, – с чистотой и неизбежностью, свойственными всякому исконно великому могуществу. Понимают ли это также те, которые еще могут и хотят оказать сопротивление? Понимают ли они, что нет иного духа, который должен быть разбужен, – хотя, быть может, в других формах и образах? Понимают ли они, что это является условием для того, чтобы каждая их «революция» не осталась незначительной случайностью в рамках отдельной нации, а стала бы универсальным началом, первым лучом света в плотном тумане

«темных времен» – западной Кали-юги, началом истинного восстановления и единственно возможного оздоровления?

СОЛНЕЧНАЯ НОРДИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Мы говорили о древней нордической традиции.

Это не миф – это наша истина. Уже в древнейшие времена Предыстории, там, где позитивистские суеверия предполагают обезьяноподобных пещерных жителей, существовала единая и могущественная пракультура, отголоски которой слышатся во всем великом, что дошло до нас из прошлого – как вечный, вневременной символ. Иранцы знают о айгуанет ваежо, стране, лежащей на крайнем Севере, и видят в ней первое творение «Бога Света», место, откуда пошел их род. Это также обитель «Сияния» – hvareno – той мистической силы, которая связана с арийской расой и, в особенности, с ее божественными монархами; они видят в ней – символически – то «место», где впервые Заратустре открылась его воинственная религия. В традиции индийских ариев также говорится о Света-двипа, где находится обитель Нараяны, того «Кто есть Свет» и того «Кто стоит над Водами», т.е. над случайностью происходящего. В ней говорится и об «уттаракура», нордической прарасе; под словом «нордический» там понимается солнечный путь богов – «дэваяна» – и, в описании «уттара» преобладает идея всего благородного, всего возвышенного, всего того, что можно назвать «арийским» в высшем смысле и что отождествляется с идеей Севера. Предками ахейско-дорического племени также считаются мифические северные гипербореицы: оттуда пришел почитаемый этим племенем бог или герой солнечный Аполлон, победитель Пифона. Оттуда Геракл – союзник олимпийских богов в их борьбе с титанами, истребитель амазонок и существ стихий, «Прекрасный Победитель», аватарой которого считали себя позже многие греческие и римские цари, – принес оливковое дерево, и его листвою с тех пор венчают всех победителей (Пиндар).

Эта нордическая тема отождествлялась в Элладе с темой Туле, таинственной северной страны, называемой иногда «Островом Героев», «Страной Бессмертных», где правит белокурый Радамантис, и «Солнечным Островом», – *thule ultima a sole nomen habens* – лат. – воспоминания о котором долгое время оставались настолько живыми, что в преданиях говорится, что Констанций Хлор выступил со своими легионами в Британию не столько ради воинской славы, сколько для того, чтобы в своем апофеозе власти приблизиться к месту, являющемуся «более святым и более близким к небу», чем любое другое. В нордическо-германских традициях часто Асгард, обитель Асов и преображенных героев, является образом именно этой северной страны, и нордические короли, считавшиеся полубогами и Асами, – *semidios id est ansis*, – и их народы, добивающиеся победы за счет своего мистического могущества «счастья», видели в той божественной стране истоки происхождения их династии. Северным или северо-западным считается в галльской традиции Аваллон, откуда берет свое начало род Туата де Дананн, героических покорителей доисторической Ирландии, среди которых герой Огм точно соответствует дорическому Гераклу, – Аваллон, отождествляющийся иначе с Тирнамбео, «Страной Живых», царством Боадога, «Победителя». И ацтеки помещают свою прародину на севере в Ацтлане, который называется также «Белой Землей» или «Страной Света», откуда они вышли под предводительством бога войны Хуитцилопохтли.

Тольтеки тоже считают изначальным местом происхождения своего рода Тлалокан, Толлан или Тулу, так же, как и греческая Туле, обозначающую «Солнечную Страну», тождественную «Раю» королей и героев, павших на поле битвы. Таковы ссылки, которые можно найти в различных традициях как воспоминание о нордической родине и нордической культуре, где трансцендентная, нечеловеческая духовность тесно связана с героическим, королевским, триумфальным элементом: в победоносном превосходстве формы над хаосом; в победе сверхчеловеческого и небесного надо

всем человеческим и земным; в «солнечности» как в основном символе трансцендентного мужества; в идеале достоинства и благородства, который на материальном уровне по логике сакральных соответствий сопряжен с фигурами властелина, героя, господина.

И когда мы говорим о том, что следы передачи традиции ведут с Севера на Юг и с Запада на Восток, тем путем, которым двигались сохранившие духовность расы, то лишь потому, что уже в новое время великие арийские народы доказали, что они являются прямыми наследниками этой силы и этой культуры, доказали своими чистейшими ценностями и культурами, своей явной божественностью и своей организацией, а также своей борьбой против ничтожных южных рас, связанных с землей и с духами земли, с «демонической», иррациональной стороной бытия, погрязших в смешении, коллективизме, тотемизме, «титанизме» и хаосе.

Кроме того – как уже явствует из всего сказанного выше – то, что было историей, стало сверх-историей: «Страна Живых», «Крепость Героев», «Солнечный Остров», с одной стороны, являют собой тайну происхождения, а с другой – тайну пути к новому рождению, к бессмертию, к сверхчеловеческому могуществу: пути, который может привести к высшему королевскому достоинству. И при этом исторические факторы становятся духовными факторами, реальная историческая традиция – Традицией в трансцендентном смысле, стоящим над временем Вечным Присутствием. Символы, знаки и сказания говорят нам о подземных путях этой Единственной Традиции и свидетельствуют о единственной подлинной «ортодоксии», где навсегда достигнута высшая точка, и где «солнечная» духовность вечно властвует над низшими силами. В соответствии с этим, в более поздние эпохи, когда уже началось роковое затемнение «божественности» (*ragna-rokkr*), в рассеянных силах и в вождях арийских племен «нордический» расовый элемент, отделившись от собственно «духовного» элемента, с которым он был изначально связан, стал особой категорией, определенным архетипом культуры.

Именно он определял в дальнейшем специфику и характер отношения к сверхчеловеческому уровню даже там, где уже не осталось никаких конкретных этнических взаимоотношений между различными арийскими ветвями. Именно этот общий тип мог бы снова объединить различные культуры при восстановлении духовной организующей силы, воздействовавшей ранее, в эпоху Пратрадиции, на низшие элементы и различные материальные формы.

Именно таким мы видим языческий Рим – последнее великое творческое деяние нордического духа, последнюю универсальную, и наиболее удачную в течение всего цикла, попытку восстановить силы мира в форме героической, солнечной, мужественной культуры: культуры, свободной от декадентского мистицизма, основывающейся на арийско-аристократическом типе господ Копий и Жертв, таинственно утверждающейся в нордических символах Волка, Орла и Топора, живущей в олимпийских воинственных культах Зевса и Геракла, Аполлона и Марса, в чувстве обязанности своим величием и своим бессмертием (*aeternitas*) Божественному, в свершении действия как ритуала и в свершении ритуала как действия, в ясном и могущественном переживании сверхъестественного в самой Империи, достигающем своей кульминации в символе Цезаря как божества (*numen*). Падение языческого Рима было падением величайшего традиционного солнечного оплота, и в силах, приведших к этой катастрофе, нетрудно узнать все то, что открыло путь последующим заблуждениям и последующему вырождению, вплоть до ситуации, сложившейся в современной Европе. Мрачная, варварская волна семитов, враждебная как себе самой, так и всему миру, с ее непримиримой ненавистью к любой иерархии, с прославлением всего слабого, неблагородного, лишённого традиции, с ее злобой ко всему тому, что является силой, достаточностью, мудростью и аристократией, была истинным ядом для Великого Рима, а также гальванизирующей субстанцией для всех южно-

азиатских элементов разложения, уже ранее проникших в структуру романского мира; и эта волна явилась главной причиной упадка Запада.

Семитизация греко-романского, а впоследствии и всего нордического мира, произошедшая по большей части за счет распространения христианства, в действительности была восстанием низших слоев той расы, благодаря покорению которой арийско-языческие народы создали свою блистательную культуру. Дух Израиля, предопределяющий коллективное чувство «вины» и стремление к «искуплению», явно проявившийся во время упадка аристократической традиции древних патриархов, вызвал к жизни самые низшие силы эгейско-пеласгийского теллуризма, ранее подавленные ахейскими племенами; он вывел на арену борьбы касту шудра, так называемую «темную» касту (кришна) и демоническую касту асурья, над которыми в Индии, как форма над хаосом возвышается иерархия трех высших каст дваждырожденных – двиджа – вплоть до типа брахманов и королей, почитаемых там «великими богами в человеческом облике». Этот самый дух объединил силы, представленные в мифах в образе северных ринтурси или орд Гогов и Магогов, которым Александр Великий преградил путь символической Железной Стеной.

Эти силы, духовно воплотившиеся в раннем христианстве, уничтожили Дух. Если, с одной стороны, в своей смягченной форме, они воссоздали в лице католической церкви лунную духовность, т.е. духовность, архетипом и центром которой являлся более не «Герой», не сакральный король и не солнечная инициация, а святой, смиренно склоненный перед Богом, и идеалом которой являлась более не воинственно-сакральная иерархия и «слава», а братское общежитие и любовь к ближнему (*caritas*), – то, с другой стороны, в Реформации и в гуманизме мы видим уже откровенно анархическую, разрушительную, анти-традиционную и анти-духовную природу этих сил.

И в политических революциях, и в «либерализме», и в коллективизации действуют те же силы, ведущие человечество от катастрофы к катастрофе. Во всех формах современного общества – в науке, в праве, в миражах технического прогресса и во всемогуществе машин – как это ни парадоксально – открыто проявляется именно этот дух, торжествует именно эта нивелирующая воля, воля к количеству и ненависть к иерархии, к качеству, к различию. И все крепче становятся коллективные, безличные оковы, порожденные полным отсутствием самодостаточности у мятежного рода рабов. Когда семитско-христианский мистицизм столкнулся с тем орфическо-дионисийским пафосом, (который для дорическо-нордической Греции уже означал извращение древних олимпийских культов) и с народным мистицизмом Изиды, пришедшим в Грецию после падения солнечной египетской традиции, то в этом смешении мессианизма и хилиазма с верованиями имперского плебса и образовался элемент «пассионарности» и оргазма – вместо возвышенного спокойствия Цезаря, вместо ровного величия героев Гомера, вместо очищенной духовности и автаркийного идеала языческого «философа» и посвященного тот элемент, который является корнем любого современного извращения, в романтическом и иррациональном смысле.

После секуляризации этот же самый мистицизм породил мифы «активизма» и «фаустизма», современную суеверную веру в прогресс, семитскую мистику инстинктов и «*elan vital*» – даже в такой степени, что они вынуждают отдельных индивидуумов и целые народы двигаться в направлении, в котором сами они уже двигаться не хотели бы.

Из этой катастрофы против еврейско-христианского потока еще раз поднялась иная сила для того, чтобы выдвинуть решительную альтернативу дальнейшему ходу духовной истории Запада. Это была традиция иранских ариев, возникшая в форме воинственного культа Митры, аватары древнего арийского бога светлого Неба, «Господина Солнца», «Убийцы Быка», героя с Факелом и Топором, символа нового рождения «через могущество», которого синкретический (но от этого не менее значитель-

ный) миф отождествляет с гиперборейским богом Золотого Века. Однако более определенные невидимые силы задушили и эту «солнечную возможность». Это было последним великим противодействием: Священная Римская Империя Германских Наций. В так называемых «варварах» мы встречаем в действительности расы близкие к ахейской, палео-иранской и палео-романской и, в целом, нордическо-арийские расы, сохранившие себя в состоянии предысторической чистоты. И хотя нашествие «варваров» для материальной стороны уже азиатизированной и семитизированной Империи может показаться разрушительным, однако, если посмотреть с более высокой точки зрения, это объясняется просто живительным потоком героического духа, контактом с силой духовно близкой к той, которой языческие римляне обязаны своим солнечным величием. Так в мире снова возродился древний римский символ, защищенный непосредственно силами Севера.

Вселенскую культуру имперского феодального Средневековья, несмотря на ее чисто номинальное христианство, мы должны, в первую очередь, рассматривать именно таким образом. В ней говорила нордическо-римская духовность, войском которой было рыцарство, сверхполитическим центром которой был имперский идеал гибеллинов, ритуалом которой было деяние крестовых походов – скорее как возвращение к языческой идее *mors triumphalis*, нежели как ответ на чисто внешнее религиозное побуждение – и тайной душой которой, противостоявшей христианству и верной более древней и более высокой традиции, было все то, что скрыто продолжало жить в легендах, мифах и воинственных рыцарских посвящениях от тамплиеров и рыцарей Грааля до *fideli d'amore*. После падения средневековой культуры, после потопления сияющей европейской весны в ее молодой крови, после освобождения от оков тех сил, которые вели к секуляризации, партикуляризму и разрушительному гуманизму, пути к последней катастрофе были открыты.

Сила Традиции из видимой превратилась в невидимую, стала тайным наследием, передаваемым по тайной цепи от немногих к немногим. И сегодня о ней догадываются только единицы, сквозь неясные предчувствия, еще слишком человеческие и слишком материальные. Это – те, которые, следуя своему внутреннему инстинкту, как знакам Великого Противодействия приносят присягу символам Свастики, Орла и Топора.

Это люди, – подчас совершенно неизвестные, а подчас сверкающие, как трагический метеор Фридрих Ницше, – не выдерживающие тяжести истины, которая слишком тяжела и огромна для них. Она ждет других – тех, кто сумеет ее понять и настолько проникнуться ею, чтобы заново, жестоко и холодно, предстать перед своими врагами в великом возвышении – в великой битве: это от них скоро снова будет зависеть – погибнет ли Запад окончательно или ему посчастливится пережить новый Рассвет.

МЫ, ЯЗЫЧЕСКИЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ

Круг замыкается, и то, что в древнем мифе – вначале иранском, а позже ставшим еврейским – представлено символом «Страшного Суда», стремительно приближается. Наступает время отделения «избранных» от тех, кто погибнет в конце «мира», т.е. в конце нашего мира, в конце нашей культуры.

Мы призываем к решительному безусловному, интегральному возврату к нордическо-языческой традиции. Мы должны покончить со всякими компромиссами, со всякой слабостью и со всякой снисходительностью по отношению к тому, что, произрастая из семитско-христианских корней, заразило нашу кровь и наш разум. Без возврата к этой традиции не существует никакого освобождения, никакого истинного восстановления; без возврата к этой традиции невозможно обращение к истинным ценностям духа, могущества, иерархии и Империи. Эта истина вне сомнений. Анти-Европа, анти-иудейство, анти-христианство – таковы наши лозунги.

Совершенный безумец тот, кто отождествляет язычество с материализмом и развратом, и кто, напротив, считает все созданное экзотерической, анти-арийской религией, возникшей во времена нашего упадка, чистейшим и исключительным синтезом всего духовного, синтезом, которым исчерпывается вся культурная история Запада. И как глубоко и крепко этот предрассудок укоренился в современном «научном» мышлении! Нет! Живого и имманентного духа, деятельного духа как нечеловеческой мудрости и могущества, как славы королей и победителей не знала семитская скверна – его знало наше язычество, наша традиция несла его в великом передвижении народов с Севера на Юг, с Запада на Восток: и тот, кто сегодня восстает против европейского недуга и европейской религии, является не отрицающим, а утверждающим, единственным, кто знает – что означает утверждение. И мы признаем сегодня свою принадлежность к нордическо-языческой традиции и призываем к восстановлению ее ценностей в языческом Империализме. Наши личности, индивидуальности всех тех, кто присоединится к нам в этой духовной реальности – всех одиноких и мужественных людей, остающихся неисправимо благородными в этом мире торговцев, уголовников и сумасшедших – исчезают перед величием той силы, которая через нас обращается ко всем несокрушимым и непобежденным воинам Европы, к тем, кто еще продолжает оказывать сопротивление, к тем, кто принадлежит Утру.

Сознаете ли вы, что это не слова, не утопия или романтическая абстракция, а позитивнейшая и могущественнейшая реальность, ждущая только того, чтобы ее разбудили существа, способные решиться на все в действии, перед величием и могуществом которого слово «сопротивление» просто не имеет смысла? Сознаете ли вы, что тысячи сил собрались в сумерках и ожидают только того, кто поможет им освободиться? Смешивать нашу традицию с какой-либо новой фантастической псевдо-традицией или с каким-либо новым западным идейным течением, неизбежно зараженным семитским духом, было бы абсурднейшим из заблуждений.

Древние силы нашей расы в последний раз ставят нас сегодня, в этой решающей стадии истории Запада, перед дилеммой: Верность или Предательство.

Наша реставрация останется пустым словом, если она не будет прежде всего «солнечной» реставрацией, реставрацией языческой духовности. Было бы очевидным противоречием призывать к защите нордической или римской традиции и, в то же время, не помнить о тех силах, которые в большей степени, нежели все остальные, способствовали их падению; было бы очевидным противоречием присягать идеалу Империи и не замечать того, что все семитско-христианское мировоззрение, если сорвать с него маску, означает для Империи полное отрицание всякой духовной предпосылки. Помимо всех случайных целей, помимо всех эмпирических интересов, помимо всех пристрастий и всех личных или партийных привязанностей – кто из числа тех, кто на германской и римской земле уже готов к возвышению, достаточно мужествен, чтобы нести дальше факел нордическо-языческой традиции? Мы призываем, потому что мы должны призывать, сами мы ни надеемся, ни сомневаемся. То, что есть, не может быть опровергнуто тем, чего нет.

Ценности, которые мы защищаем, есть. Тот факт, что находятся люди и складываются обстоятельства, благодаря которым станет возможным на определенный период в случайности временных и преходящих вещей придать этим ценностям форму и содержание, нас касается намного меньше, нежели тех, для которых истина исчерпывается только сферой случайного.

ЧАСТЬ II. УСЛОВИЯ ДЛЯ ИМПЕРИИ

ВЫРОЖДЕНИЕ ИМПЕРСКОЙ ИДЕИ

Как живое тело пребывает в органическом порядке только тогда, когда в нем присутствует душа, которая им управляет, так и социальная организация, не коренящаяся в духовной реальности, является поверхностной, несостоятельной, не способной сохранить себя здоровой и неизменной в борьбе различных сил, и в этом случае она является более не организмом, но чем-то составным, агрегатом, неживым механизмом.

Истинная причина вырождения политической идеи на современном Западе состоит в том, что те духовные ценности, которые некогда пронизывали общественный порядок, исчезли, и до сих пор их место остается незанятым. Все проблемы спустились до уровня хозяйственных, промышленных, чисто милитаристских, управленческих или, в лучшем случае, эмоциональных факторов, причем никто не отдает себе отчета в том, что все это – только материя, необходимая, если угодно, но никогда не достаточная, материя, решительно не способная установить здоровый и разумный, сам себя оправдывающий порядок – подобно тому, как не могут прийти в движение механические силы без участия живого существа.

Неорганичность и поверхностность суть основные признаки современной социальной организации. Она строится начиная не сверху, а снизу, таким образом, что ее закон и порядок, вместо того, чтобы иметь оправдание в аристократии, в качественной дифференциации и в духовной иерархии, основываются лишь на случайном сплетении нивелированных интересов, на алчности анонимной, лишенной всех высоких чувств толпы, – вот глобальное заблуждение, на котором основывается вся эта организация.

Корни этого вырождения уходят в глубь времен, в те эпохи, когда процесс упадка солнечной нордической традиции еще только начинался. Этот процесс связан с разделением двух типов могущества, с секуляризацией чисто королевского элемента социальной иерархии, с дуализмом, противопоставляющим, с одной стороны, чисто материальную мужественность, – светское государство, царя как чисто временную и, можно сказать, почти люциферическую ценность, – а с другой стороны, немужскую духовность, анти-нордическую и анти-аристократическую духовность чисто «жреческого» и «религиозного» типа, притязавшую, тем не менее, на верховную власть.

Образование жреческой касты как особой и господствующей с необходимостью привело к осквернению, секуляризации и материализации политической идеи: все остальное – только следствие этого факта. Первой антитрадиционной революцией была та, в которой жрец вытеснил «божественного короля», в которой «религии» заняли место элит, носительниц всепобеждающей, солнечной, аристократической духовности.

Явления подобного рода случались еще в доисторические времена в дохристианском и нехристианском мире: однако они почти всегда наталкивались на противодействие, ограничивавшее их распространение и препятствовавшее возможности дальнейшего распада. Даже в Индии, где каста брахманов часто становилась жреческой кастой, несмотря ни на что сохранились отголоски высшей духовности касты кшатриев, и сам Будда – как и Заратустра принадлежал к королевской крови.

Только на Западе с распространением семитской религии и семитского духа произошла окончательная и бесповоротная катастрофа.

Раннее христианство с трансцендентальностью своих ценностей, тяготевшее к ожиданию того «Царствия», которое «не от мира сего», с характерной семитской волей к покорности Богу и к смирению, разрушила тот «солнечный» синтез духовного и политического могущества, синтез королевского и божественного, который знал древний мир.

Само по себе галилейское учение, со своим глубоким презрением ко всем мирским заботам, могло привести лишь к тому, чтобы сделать невозможным не только государство, но и общество вообще. Но с исчезновением того, что было основной пружиной раннего учения, с отдалением перспективы наступления «Царствия», в котором предполагалось смешение всех ценностей и в котором «униженные должны были возвыситься», проявился истинный дух самого этого учения, его непримиримость. Однако новые силы восстали, чтобы подготовить уже в «мире сем» место тому, что «не от мира сего». Была достигнута нормализация. Было принято компромиссное решение. Но семитский элемент пошел дальше и узурпировал универсальный символ Рима. Возникла Католическая Церковь – смешанная организация, в которой романизация, т.е. паганизация, некоторых сторон изначального учения, не смогла воспрепятствовать тому, чтобы центральным стал «лунный», жреческий, женственный идеал духовности – голос «верящих» и «любящих», голос «детей и рабов Божьих», голос признающих высшее право за своим «фратерналистским», почти гинекократически понимаемым обществом (Матерью Церковью).

Мы утверждаем, что нужно отличать христианство от католицизма. Христианство как таковое, в его изначальном семитском аспекте, находится в мистическом соответствии с Французской Революцией и сегодняшними социализмом и коммунизмом. Христианство как Католическая Церковь, напротив, частично переняло формы языческо-римского строя: как нечто в высшей степени противоречивое эти формы были наполнены содержанием, системой ценностей и верований, абсолютно противостоящей римскому духу.

В этом внутреннем противоречии кроется главная причина краха притязаний Церкви на гегемонию, причина ее неспособности стать истинной наследницей того, что было уничтожено азиатско-семитским восстанием – мирового господства Рима.

В действительности, Католическая Церковь была не настолько языческой, чтобы полностью преодолеть внутренний дуализм: и она отделила духовную область от политической, а заботу о «душе» от мирских забот. Тщетно пыталась она позднее снова объединить эти две стороны. Теперь уже она оказалась в тупике.

Следствием этого была ориентация гвельфов, не допускавших возможности автономии светского государства по отношению к Церкви и требовавших полного подчинения Орла Кресту. Что в этом случае осталось в Церкви собственно христианского? Что могло бы оправдывать теперь ее происхождение от того, кто проповедовал отречение, тщету мирских забот и равенство людей, которые по своей природе слуги Бога; от того, чье царство не от мира сего? Как может быть установлено истинное господство и истинная иерархия, если не через возвращение к языческим ценностям утверждения, имманентности и качественного различия? Так и произошло в Церкви в ее золотое время, в Средние века, когда она, на одно мгновение оживляясь нордическо-германским и, можно также сказать, истинно римским духом, казалось, уже была готова снова объединить народы Запада во вселенском единстве. Но, однако, это была лишь фата-моргана – нечто не имеющее длительной реальности – в сущности, лишь постановка вопроса в форме его решения, решение противоречия *de facto*, а не *de jure*.

Кроме того, несомненно, что та Империя, которая действительно является Империей, не может терпеть над собой Церковь как особую организацию. Империя, чье господство чисто материально, может допустить наличие Церкви и даже предоставить ей

заботу о духовных вопросах, которыми она сама не интересуется. Однако такая Империя будет лишь видимостью Империи. Империя является Империей, лишь представляя собой имманентную духовность, но тогда она не может более признавать никаких организаций, обладающих преимуществом по сравнению с ней самой в духовных вопросах. Она уничтожит и вытеснит все церкви и при этом лишь себя объявит единственной, не допускающей ничего другого, Церковью: и тем или иным путем, сознательно или бессознательно, она возвратится к языческому и арийскому пониманию, к солнечному синтезу королевского и жреческого, к «*Sacrum Imperium*», «Священной Империи».

Если мы взглянем внимательней, то именно такой мы увидим чисто имперскую идею, противостоявшую в Средние века Церкви, и в первую очередь, благодаря Гогенштауфенам: мы увидим в ней не восстание светского могущества против духовных властей, а борьбу между двумя видами чисто духовной власти, каждый из которых защищает свое сверхъестественное происхождение и предназначение и свое универсальное сверхполитическое право. С одной стороны, в Империи возродилась, хотя и не без смягчений и компромиссов, языческая идея божественного короля, сакрального властелина, *lex animata in terris* («Живой закон на земле» – лат.), центра притяжения для преобразующей, воинственной верности (*fides*), воплощенного мужского, героического полюса. С другой стороны, в Церкви воплотился принцип духовной кастрации, «жреческой» истины, лунного духовного полюса, и те, кто проводили эту линию, не гнушались никакими средствами для поддержки и благословления рабов и торговцев в их восстании против Империи (сравни противопоставление коммуны государству), и старались предотвратить возможную реставрацию и сохранить главенство за собой.

В борьбе между этими двумя великими идеями, как мы уже сказали, и состояла последняя вспышка духа на Западе. Затем начался период обессиливания и прогрессирующего кризиса. И если современное государство, в конце концов, осталось автономным, то лишь потому, что оно опустилось от универсального принципа Империи до плюралистского и плебейского принципа «нации»; потому что оно забыло, что означает царская власть в ее традиционном понимании; потому что оно не помнило более, что политические проблемы неотделимы от религиозных, и оставалось безучастным ко всему, что выходит за материальные интересы и притязания отдельных рас или наций; и предоставив свободное поле действия гуманизму и так называемому «свободомыслию», оно превратилось в чисто светскую временную власть. Итак, мы приблизились к современным горизонтам, на которых, с одной стороны, мы видим действительно светское и анти-аристократическое государство, исчерпываемое решением хозяйственных, милитаристских и управленческих вопросов и напроочь лишённое всякой компетентности в духовных проблемах, а с другой стороны, терзаемую расколом лунную религию, не интересующуюся политикой и якобы довольствующуюся, – как Католическая Церковь, – великим интернациональным объединением веры, а на самом деле способную лишь на вербальное пасторство в хвастливом и бесцельном стремлении к благу народов – которые, в действительности, уже давно идут своими собственными путями, не следуя никаким религиозным побуждениям, – или к заботе о «душе», уже давно утратившей внутренний, живой, конкретный, мужественный инстинкт духовной реальности.

Такое положение дел не может продолжаться дольше. Кто хочет серьезно говорить о противодействии и не желает оставаться в положении того, к кому относится ироническое изречение – «*Plus ça change, plus c'est la même chose*» («Чем больше это меняется, тем больше это остается тем же самым» – фр.) – не должен более мириться с подобным отречением и с подобным распадом.

Выход из кризиса западного мира возможен только при восстановлении абсолютного синтеза двух видов могущества – политического и сакрального, материального и

духовного: на основе арийско-языческого мировоззрения и кристаллизации высших форм интересов, жизни и личности – как принципов новой универсальности.

Нас нельзя упрекнуть в анахронизме. Единому духу можно присягнуть и в новых формах. Суть в том, чтобы преодолеть мировой распад политической идеи, чтобы вернуть государству его сверхъестественный смысл и сделать его символом полной победы формы над хаосом.

Мы тяжело больны от абстрактной «религиозности» и политического «реализма». Эта парализующая антитеза должна быть полностью отброшена во имя оздоровления нашей традиции.

ПРОТЕСТАНТСКОЕ ИЗВРАЩЕНИЕ И НАША ANTI-РЕФОРМАЦИЯ

Мы уже упоминали о том обстоятельстве, что мессианско-галилейское учение по своей первоначальной природе не было предназначено для создания особой формы общественной жизни или религии. Оно несомненно имело анархический, антиобщественный, пораженческий характер, который должен был разрушить любой разумный порядок вещей. Оно было пронизано, одержимо одной заботой: спасением человеческой души для якобы приближающегося начала «Царствия Божьего».

Но когда перспективы этого «Царствия» потускнели и почти исчезли совсем, поддерживаемые надеждой силы распались, и чисто индивидуалистический аспект этой семитской религии перерос в социалистический аспект. «Экклези́я», сообщество верующих, понимаемое как безличная мистическая среда, основанная на взаимной потребности – любить, служить, «соучаствовать», – потребности во взаимной поддержке и взаимной зависимости тех, кому не достаточно одиночества, заменила собой ускользающую реальность «Царствия Божьего».

«Экклези́ю», о которой мы здесь говорим, следует отличать от католической организации. Эта организация выросла из последовательной романизации «экклези́и» в ее первоначальной форме: и эта романизация в значительной мере изменила духу «экклези́и», подчинила ее семитскую сторону принципу иерархического авторитета и символически-ритуальному аспекту. Важно понять изначальную реальность «экклези́и» первых христианских общин, уже вышедших из-под непосредственного влияния Иисуса и потерявших ощущение начала «Царствия Божьего». Именно в них скрыт зародыш той силы, которая должна была привести к типу современного евро-американского общества.

Имперский принцип – это иерархия, порядок, идущий сверху. Принципом христианской экклези́и было равенство, братство. В Империи существовали персонифицированные отношения зависимости: там были господа и были слуги. Там существовал кастовый режим в совершенной форме. В экклези́и эти отношения обезличились: экклези́я стала союзом одинаковых существ – без вождей, без классов, без традиционных различий, поддерживаемым лишь взаимной зависимостью и одинаковыми душевными потребностями. Иными словами, в экклези́и зародилась социальность, форма общежития, объединения в нечто коллективное и уравнивающее солидарное. И как мы сказали: дух проявил себя как разрушитель Духа.

И это привело прямо к Реформации.

Реформация – это великая катастрофа нордического человечества. Она есть вырождение, деградация до негативного и семитского уровня силы, вдохновлявшей ранее германских императоров на борьбу против римского ига. В идеале Гогенштауфенов в действительности мы видим принципы свободы, независимости и индивидуальности, принадлежащие к изначальной этике германского племени. За эти ценности в Сред-

ние Века боролись, но боролись духовно, и они, по своей природе, оправдывались идеалом Империи. В сущности, они выдвигались как притязание на высшую, более солнечную и более мужественную и совершенную иерархию, нежели иерархия, которую Церковь в своем компромиссе когда-либо могла предложить. В Реформации мы видим как раз противоположное: мы видим в ней утверждение якобы нордических сил, отказавшихся от цепей Рима, чтобы уничтожить при этом последние остатки иерархического могущества, которые еще представляла собой церковь. Вследствие этого снова произошло оживление сил, наполнявших ранее первые христианские общины и жизнь «экклезии». В Реформации произошел возврат к раннему христианству в его низшем «социалистическом» аспекте, в противоположность римскому церковному фактору. Протестантская непримиримость положила конец католическому компромиссу, но не в пользу обращения к Империи, а в пользу обращения к анти-империи.

Однако германские народы сохранили в своей крови еще слишком много нордических факторов для того, чтобы этот переворот оказался для них решающим. Вопреки всему, вопреки расколу, германские народы оставались вплоть до вчерашнего дня, вплоть до начала Мировой войны, теми народами, в которых – более, чем в каких-либо других – поддерживался имперский и почти феодальный режим, живое ощущение мужественных нордических ценностей чести, верности, иерархии.

Иначе дело обстояло в англо-саксонских странах, и особенно после того, как религиозная революция перешла в политическую; после того, как падение авторитарного принципа в духовной области распространилось на социальную, а потом и на моральную сферу, и после того, как волнения и разрушительное влияние якобинской революции распространились по всему свету.

При таком положении дел мы видим в действительности, что Реформация – изначально бывшая религиозной революцией – привела к перевороту самой политической идеи. Освободясь от оков римского авторитарного сознания, Церковь социализировалась и сделалась имманентной, а в дальнейшем приняла форму, – как более или менее секуляризированная политическая реальность, – ранней экклезии.

Место иерархии после Реформации заняло свободное общество верующих, освобожденное от цепей авторитета, где каждый был «сам себе судья», и где все были равны. Другими словами, это было началом европейского «социалистического» упадка: имперскому идеалу протестантская религия преградила путь организацией, управляемой не вождями, а группой обычных людей, организацией снизу, исчерпывающейся безличным объединением в чисто коллективную, сама собой управляющую и сама себя оправдывающую социальную структуру.

Это движение быстро охватило англо-саксонские народы, и сегодня они склоняются к «католизации», т.е. к такой универсальности, которая полностью противоречит как всему римскому и имперскому, так и всему тому, что в ограниченном смысле можно назвать собственно позитивно церковным: как в рамках отдельной нации они суммируют индивидуумов, уничтожая их различие, в чисто социальном союзе, так эти народы все более склоняются к тому, чтобы уничтожить разделение и привилегии наций, взятых в целом, и предоставить всем им одинаковый ранг в анонимном универсализме «Лиги Наций». Одновременно с этим религиозность все более «очеловечивается» и все более тяготеет к тому, чтобы слиться с социальностью. Доказательствами этому служит новейшая тенденция, распространившаяся в протестантских странах, к созданию «религии социальных служб», «религии труда» и т.д., а также все возрастающий перевес моральных интересов и моральной нетерпимости надо всем идеальным и метафизическим.

Если сложить все эти факторы вместе, то мы получим следующую картину: Реформация способствовала последовательному отделению от христианско-языческого зер-

на, еще сохранившегося в католических странах, собственно христианского аспекта (в его умеренной форме идеала простого общежития) и привела к созданию нового типа общества: к демократическому государству, к анти-империи, к самоуправлению масс, к нивелированию отдельных людей в анархической солидарности, с призрачными правителями – слугами слуг, которые как простые «представители» зависимы от масс и ответственны перед массами – вместо того, чтобы массы были ответственны перед ними, вместо того, чтобы как высшие вожди являться принципами абсолютного авторитета.

Естественно, этим исчерпывалось еще далеко не все. Скрытыми «подземными» путями секуляризованное восстановление экклесии снова призывало семитов, и именно в протестантских странах капитализм и плутократия развились в особенно явной форме, и именно в протестантских странах за кулисами демократической «свободы» снова появился всемогущий «еврей», господин сил и людей в оскверненном не имеющими отечества финансами мире. И одновременно с этим дала знать о себе последняя катастрофа, начало чистого коллективизма, соответствующего пролетарскому мифу «третьего интернационала» и «профетической» миссии Советов.

Совокупностью этих фактов мы поставлены перед решающим ИЛИ-ИЛИ.

Бесполезно бороться со следствиями, не зная их тайных и глубинных причин. Бесполезно мечтать о политическом противодействии, не коренящемся в соответствующей духовной революции.

Церковь – это нечто половинчатое. Церковь – это слишком мало для нас. Нам нужно намного больше. Нам нужна истинная Анти-реформация. И эта Анти-реформация состоит в возврате к изначальной арийской этике, к чистым силам нордическо-римской традиции, к имперскому символу Орла.

Это – первый этап восстановления. Это вопрос времени, но наши нации должны решить: либо реально стать жертвами смыкающихся сил протестантизма и еврейства и окончательно организовать общество по примеру англо-саксонских стран, выбрав присущую религии социальность, – в которой духовность является только средством для осуществления временных действий, а подчас даже слугой ариманической мистики безликого «коллективного человека», – либо они должны договориться между собой и выступить за новое оздоровление и восстановление, т.е. за революцию в ином смысле, за осуществление идеала иного государства.

Как протестантская революция преодолела католический компромисс и привела Запад к формам и ценностям демократического общества, так и мы, со своей стороны, вопреки Реформации должны преодолеть тот же компромисс, утвердив, однако, при этом иное решение альтернативы: ту возможность, которая проявилась в борьбе германских императоров за Священную Римскую Империю. На основе центрального нордическо-римского восстановления мы должны создать государство одновременно и старое и новое, основывающееся на ценностях иерархии, организации сверху, аристократии, господства и мудрости, т.е. на тех имперских ценностях, которые после двух тысячелетий экспериментов Церкви, открыто, просто, без масок и смягчений, должны быть утверждены людьми, не стыдящимися своего изначального благородства и могущими, наконец, решиться – в своей верности древним силам благородных ариев, уранически-солнечной духовности и героическим символам – перед лицом всей падающей, социализированной и семитизированной Европы назвать себя подобно нам : языческими империалистами.

ВОЛЯ К ИЕРАРХИИ

Ниже, говоря о корнях европейского недуга, мы назовем те принципы, посредством которых необходимая Анти-реформация сможет осуществиться конкретно.

Здесь же мы хотим остановиться на одном вопросе – на вопросе о смысле принципа иерархии, являющегося предпосылкой новой идеи государства. Мы не берем в расчет здесь лозунги, партийные программы и произнесенные речи, нас интересует только решительный и твердый порыв, достаточно сильный для того, чтобы раз и навсегда покончить с привычками, ставшими второй природой современных людей, и которые еще долго будут ими править, сколько бы их языки ни утверждали противоположного.

Сегодня часто говорят об иерархии – но одновременно, потворствуя гражданским и анти-аристократическим настроениям, противоречащим самой этой идее, многие готовы пойти в этом вопросе на уступки. Естественно, прежде всего надо полностью освободиться от пережитков демократической и «представительской» системы, а также от всего, что тем или иным образом выдает «социалистический» или «коллективистский» дух. Все отношения должны стать более жесткими, более живыми и более мужскими посредством воинского самообладания, верности, чести и мужественного усердия в службе. Верность (*fides*), бывшая одной из древних римских богинь, о которой Титус Ливиус сказал, что обладание ею отличает римлянина от варвара; верность (*fides*), которую можно увидеть в индийских бхакти и в преданности не только в действиях, но и в мыслях и в глубинах личной воли, которую иранские воины клялись соблюдать в отношении своих обожещаемых вождей, – эта верность (*fides*) была также духовным цементом для отдельных феодально-политических единиц и, позднее, для их объединения в *unum quod non est pars* (единство, не имеющее частей – лат.), в сверхполитический и сакральный центр средневековой Империи.

В такой верности (*fides*) мы нуждаемся и сегодня, и сегодня более чем когда-либо.

В подчиненных должна проснуться гордость в служении вышестоящим. Акт служения должен быть снова осознан как свобода и преодоление, как преображающая преданность, не унижающая, а, напротив, возвышающая – во всем, как в делах мира, так и в делах войны, как в частном, так и в общем.

На этой духовной основе должна образоваться структура, проходящая перпендикулярно сверху вниз, в которой вожди будут единственными центрами, а центры низших организаций, в свою очередь, будут подобны офицерам среди солдат.

Естественно, такая система, в первую очередь, требует создания элиты, истинной элиты, в которой не авторитет соответствует должности, а, напротив, должность авторитету, а тот, в свою очередь, проистекает из реального превосходства. Всякая иерархия, строящаяся исходя из иных предпосылок, является лишь видимостью и искусственным образованием, таящим в себе несправедливость, а, следовательно, анархию.

Кроме того, надо твердо понять, что иерархия никоим образом не может исчерпываться тем уровнем, который сегодня называется «политикой». Более того, эта политика – как хозяйственно-промышленная, административная и в материальном смысле правомочная часть государства – должна быть подчинена ценностям более высокого порядка и служить лишь средством для определенных сверхполитических установок, реально соответствующих дифференцированным формам жизни и интереса, поэтому вся сфера политической жизни должна признавать за вождями истинный и неоспоримый авторитет, неподверженный влиянию всего временного и случайного.

Этот идеал требует не только утверждения идей и прав аристократии, но и идей и прав Монархии. Если рассмотреть все республиканские государства, еще номинально монархические государства, и государства, управляемые диктаторами (которые, с традиционалистской точки зрения, являются не более, чем народными трибунами), – то во всем, что касается реальной Монархии, вся Европа представляет собой сейчас почти пустое место. Там, где еще сохранилась Монархия, она стала простым пережитком, онемевшим символом, функцией, потерявшей свой истинный смысл и утратившей реальность.

Конечно, это лучше, чем ничего – но тем, кто не только по имени, но и по духу принадлежит к королевской крови, следует пожелать мужества, чтобы покончить с сомнительными компромиссами и соглашениями. Им следует пожелать либо отказаться от королевских титулов, которые ничему или почти ничему более не соответствуют, либо решиться снова стать центром и главой государства, чтобы положить конец всем «легальным» узурпациям, произошедшим за последние столетия, и снова сделаться вождями народов в абсолютном и трансцендентном смысле.

Там, где Монархия поставлена на колени кознями черни, «евреев» и торговцев, там, где она находится в руках, которые более не могут держать скипетр, державу и меч, там она должна быть восстановлена заново. Там, где она продолжает существовать лишь в силу инерции, ее необходимо обновить, укрепить и сделать динамичной, как органичную, центральную, абсолютную функцию, воплощающую в себе одновременно могущество силы и свет Духа. И вместе с этим она должна стать реальным деянием целого рода и точкой, возвышающейся надо всем, что обусловлено землей и кровью. Только тогда можно с полным правом говорить об Империи. Только тогда, когда она проснется для славной, священной, метафизической реальности, вершины воинственной политической иерархии, – только тогда Монархия снова приобретет то место и те функции, которыми обладала до узурпации кастой жрецов.

Прежде чем, следуя этим направлением, удастся приблизиться к истинному традиционному идеалу, естественно, еще предстоит проделать долгий путь. В остальном же мы достаточно ясно выразились, чтобы четко дать понять, что объединение двух видов власти (духовной и светской) есть не только риторическая фраза или суеверное обожествление существа, достигшего высшей точки в чисто материальной организации – как это было уже не раз в предшествующий период в случаях теократии. Мы настаиваем на реальном синтезе, где дух есть не просто слово, а позитивная реальность преобразования самого себя, которое, свершившись, устанавливает между существом и массой других людей такую же дистанцию, как дистанция между самими этими людьми и животными. Мы не хотели бы использовать понятие «сверхчеловек», ставшее сегодня затаканным и риторическим, но мы надеемся, что кое-кто поймет нас, если мы напомним о значении ритуала инициации в различных древних государствах, если династии сами по себе не были «уже божественной крови», – ритуала, который должен был сакральным образом удостоверить реальность политической власти. Мы утверждаем в этом случае, что дистанцию, отделяющую вождя от всех остальных, нельзя свести до чисто «морального», «идеального» или «религиозного» уровня, до уровня чисто человеческих достоинств или пороков. Она основывается на ином Качестве Бытия, достигнутом в результате субстанциальной трансформации сознания.

Итак, мы утверждаем, что именно это реальное, конкретное превосходство даст смысл понятию «духовность», и именно оно должно стать тем центром, из которого истекает достоинство, атрибуты и особая функция королевской власти. Это превосходство, в свою очередь, будет утверждаться в Империи как то, что – в согласии с арийско-языческой традицией, в которой короли были королями в силу сошедшего с небес огня, hvareno, -выдвинуло королей, сделало их «бессмертными» и засвидетельствовало их право Победой.

И вместе с этим появился бы центр трансцендентной стабильности, «Присутствие», принцип любой истинной иерархии, зерно всякой верности, всякой чести в службе и всякого героического действия, высшая уравнивающая сила Сверху.

ЧАСТЬ III. ОШИБКА ДЕМОКРАТИИ

ИСТИННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Принципом и здоровым основанием нового государства должна быть идея органичности.

В предыдущей главе мы указывали на то, что конкретная идея организма противоречит идее составного механизма, представляющего собой совокупность атомически свободных элементов, которая поддерживается лишь безличной и абстрактной связью, не индивидуализируется ни в каком высшем принципе и не основывается на реальной и истинной дифференциации элементов. Различие между имперским и либерально-демократическим идеалом тождественно различию между организацией (в этимологическом смысле этого слова, происходящего от слова «организм», т.е. «живое, цельное и качественное существо») и составной композицией (слово «композиция» этимологически означает искусственное сложение разрозненных элементов в единое целое).

Наш Империализм требует универсальности и единства, но не в смысле абстракций, подчиненных безличному закону или иррациональной «коллективной воле» и интернационалистскому пацифистскому коллапсу, а универсальности и единства, наглядно представленных реальностью высшего индивидуума, в которой воплощается смысл трансцендентного как изначальный принцип всякой дифференциации и всякого качественного различия.

Наш Империализм возвышается над национализмом: если демократический сверхнационализм есть смягчение и сведение к минимуму национального утверждения, объединяемого со многими другими, не важно какими, национальными утверждениями, то имперский и римский сверхнационализм есть сверхнационализм того национального утверждения, которое через группу господ осуществляется уже вне их самих, в высшем синтезе, будь то по отношению к своей или к какой-либо иной возглавляемой ими нации.

Как это ни странно, но может показаться, что наш Империализм основывается на ценностях, которые могли бы служить предпосылками либеральным формам демократии. Ценности свободы и независимости действительно стоят в центре лучших арийских традиций. Понятие благородства в древнегерманской традиции, а позднее и в самой структуре средневековой культуры, отождествлялось с понятием свободы. Первые римские законы основывались на идее патрициев, жрецов, вождей и высших судей своего народа как свободных существ, в селенных во Вселенной. Фридрих II сказал: «Пока я -король, я свободен». – Схожесть в словах, радикальное различие в духе.

Разница состоит в том, что в либерализме эта ценность утверждается родом рабов, не осмеливающихся додумать эту мысль до конца и возжелать свободу для индивидуума и в индивидууме и неправомочно и обезличенно сводящих ее к «обществу» и «человечеству», где она уже полностью теряет свое первоначальное значение и становится заблуждением.

Согласно его собственному утверждению, этот род – род рабов, следуя своему «вечному закону», провозгласил эру свободы. В действительности это только слова. Этот род не знает, что такое свобода. Если бы он знал это, он знал бы также, что стремление к свободе есть то же самое, что и стремление к иерархии.

Разберемся в этом подробнее: свобода не терпит компромисса – либо ее утверждают, либо нет. Если утверждают, то надо бесстрашно утверждать ее до конца – т.е. как безусловную свободу.

Это вполне поймет тот, кто согласен, что свободным себя может называть только один. Если бы существовало больше свободных существ, то они лишь взаимно ограничивали бы друг друга, – в этом случае внутри каждого из них был бы установлен закон, подчиняющий его действия некой предопределенной гармонии. И несмотря на то, что этот закон был бы внутренним, он от этого, однако, не переставал бы оставаться законом, и, кроме того, при этом существовало бы некое условие, стоящее над областью сознания каждого из индивидуумов, поэтому в данном случае наличествовала бы лишь видимость истинной свободы.

Итак, напрашивается следующая альтернатива: либо умерить свои притязания, фальсифицировать смысл этой высшей ценности и отрицать свободу, настаивая на многих отдельных, атомических свободах, прирученных и механизированных во взаимном самоограничении (либеральная демократия) – либо остаться непреклонными и выступить за идеал существа, в силу своего внутреннего превосходства прекратившего быть одной из многих сил в динамической системе, – которую представляет собой социальная действительность, – реализующегося как установитель законов самой этой действительности в свободе от закона и являющегося законом и авторитетом для всех остальных. Это означает, что свобода только тогда реальна, когда реальна Империя.

Империя, понимаемая таким образом, соответствует по вышеприведенной аналогии телу, ставшему единым в силу господствующего над ним синтеза души. Единство такого тела – в отличие от бездушного трупа – состоит в высшем принципе, который есть начало и конец, который является не потребностью тела, а, напротив, заставляет само тело служить ему инструментом, и который не исходит из тела, а, наоборот (в том смысле, что душа есть конечная цель), представляет собой глубочайший принцип самого тела, без которого оно распалось бы (Аристотель).

В соответствии с этим следует сказать, что правитель как носитель ценности свободы не будет простым представителем масс (демократический тезис), безличным символом мифической самоорганизации, на которую массы якобы способны, а, напротив: массы приобретут порядок и форму лишь благодаря высшей силе, качественно отличающейся от всех других и несопоставимой с ними. И эта сила, существующая отнюдь не для масс, подчинит тем далеким горизонтам, которые только она может наметить, интересы масс, не представляя никому права подтверждать свой закон, так как он является законом не потому, что он правилен, а потому, что он является законом, ее законом (в прямой противоположности демократическому принципу санкций народа и преклонения перед абстрактными «правилами» или перед тем, что считается «общественными интересами»). В противном случае глава государства будет не свободным существом, а первым из слуг, не выражением духовности, а голосом тела.

К сожалению, сегодня уже почти никто не знает, что означает свобода, и почти никто не осмеливается додумать эту мысль до конца. К сожалению, сегодня почти не осталось никого, кто умел бы приказывать и повиноваться. Риск абсолютной ответственности и абсолютной преданности почти полностью исчез за посредственностью коллективного механизма.

И они еще осмеливаются воспевать эру свободы и либерализма и славить уничтожение рабства, не понимая того, что свобода возможна тогда, когда существуют господа и рабы, когда существуют гордые вожди и массы, отважно и великодушноверяющие этим вождям свою жизнь и судьбу; не понимая того, что уничтожения рабства могут хотеть только рабы, которые остаются рабами, даже освободившись от цепей и разрушив иерархию, поскольку их потребность служить и быть зависимыми создает им нового и намного более страшного тирана: с одной стороны, семитский Бог-судья, Бог «провидения» и «благодати», а с другой – деньги и «общественное мнение» – инструменты еврейского заговора, фетиш безличных социальных законов, моральная нетерпимость протестантских наций, всемогущий человек толпы большевизма.

ИЕРАРХИЯ ЧЕРЕЗ МОГУЩЕСТВО – ПОКОРЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

То, что дух есть могущество, и то что могущество есть дух в нерушимом синтезе, – является основной идеей «солнечного» языческого мировоззрения.

Возвращаясь к нашим предыдущим соображениям, мы утверждаем, что могущество есть мера свободы.

Как душа – на которую, согласно вышеприведенной аналогии, ориентируются различные части и функции тела, тогда, как сама она имеет свою конечную цель в себе самой – рассматривает свойства и ограниченность тела как нечто несовершенное и, не принимая его таким, как оно есть, стремится преодолеть его и, при своем абсолютном господстве, превратить в полностью соответствующий духу организм, так и властелин должен относиться к свойствам масс или высшая раса к остальным расам, которые ей предстоит организовать во вселенском единстве.

Свобода властелина, его право, ценность его бытия – как конечная цель – простираются в той мере, в какой он обладает достаточным могуществом для того, чтобы выполнить то, что он хочет. Его действие не достигнет своей цели только в том случае, если некто обладает еще большим могуществом. Лишите властелина его могущества, и он потеряет свое право, которое перейдет к тому, кто сможет установить свой закон над ним и против него. Поэтому иерархия будет не данностью, а заданием. Она будет построена не через абстрактное соответствие трансцендентным законам Добра и Зла, Права и Преступления, Человечества, Национальности или Традиции в строгом и эмпирическом смысле, – она станет практическим самовосхождением в ситуацию, самовыравниванием, подчинением или самоподчинением индивидуализированных сил, и лишь этот процесс приведет к выяснению того, кто более достоин находиться на той или иной ступени иерархии. При этом мы утверждаем, что без Могущества Империя – и, соответственно, вершина свободного бытия – не имеет основы, и если она все же продолжает существовать, то лишь случайным и преходящим образом, опираясь не на свойственную ей как таковой силу, а на чуждую ей слабость и малодушие.

Но эти утверждения требуют пояснить то, что конкретно мы понимаем под «могуществом», а иначе, без сомнения, возникает непонимание, которое в этой связи ни в коем случае не должно возникать.

В первую очередь, мы заявляем, что для нас могущество вовсе не означает чисто материальную силу, и что господство и Империя для нас вовсе не являются синонимами насильственной власти и подчинения, которое могло бы быть достигнуто с помощью такой власти. Этот вопрос тем более следует осветить, что многие умышленно смешивают эти вещи, чтобы потом с вызывающей риторикой *ad hominem* («Взывая к человеческим чувствам» – лат.) выступать против «человеческой бестии», против «*homo homini lupus*» («Человек человеку волк» – лат.), против «нечеловеческого повелителя», против «тиранов» и т.д. Насильственная власть – это слишком мало.

Могущество – это не насильственная власть, так как последняя представляет собой «нахождение напротив чего-либо» (и, следовательно, на том же уровне), а не «над чем-либо». Допускать возможность сопротивления и признавать за ним смысл и оправданность, т.е. допускать, что иная воля может сопротивляться – это поверхностно, полемично и случайно, это не истинно иерархические, властные отношения. Ненасильно движется свободное тело. Тот, кто действительно может, тот не знает насильственной власти, тому она не нужна, так как у него нет антитезы, и он утверждается невидимо, прямо, никогда не испытывая ни малейшего сопротивления в силу своего внутреннего, индивидуального превосходства над теми, кому он повелевает.

Все это сказано с абсолютной точки зрения. Но, однако, этим отнюдь не оспаривается полезность насильственной власти, а лишь утверждается, что она еще не есть истинное могущество; там, где мы наталкиваемся на затвердевшие, ставшие безжизненными образования, которые можно преодолеть, только уничтожив их, там где еще нужен акт первичного, направленного, организующего вмешательства в хаос различных материальных, бунтующих сил – там насилие всегда остается необходимым как предварительная, подготовительная стадия.

В подтверждение этого можно привести следующее соображение: весьма вероятно, что освобожденные от оков и достаточно живые силы смогут поставить человека во главе многих, если даже не всех. Но для этого необходимо, чтобы он мог вначале освободить эти силы, а потом их направить, а этого возможно добиться не посредством новой, и также только чисто материальной силы, а лишь посредством силы убеждения или внушения.

И при этом мы попадаем на более тонкий уровень, где действие и господство осуществляются с помощью идей. С помощью идей – и это следует особо выделить не как абстрактных понятий, а как идей-сил, мифов (в том смысле, в котором понимал их Сорель), т.е. как принципов, направленных на пробуждение энергий, социальных движений и течений посредством различных моральных, эмоциональных, религиозных и традиционных видов внушения, могущих воздействовать на массы. Но здесь надо выделить два пункта. Во-первых, сам властелин должен всегда оставаться господином этихидей и мифов, ни в коем случае не предаваясь иллюзиям и не становясь одержимым, рабом тех духов, которых он сам же и вызвал. Он не должен придавать им никакой абсолютной ценности и хладнокровно использовать их как средство, как гипнотический инструмент, с помощью которого он – при достаточном знании психологии масс – будет оказывать на них нужное ему влияние, пробуждая и направляя при этом слепые силы замкнутого коллектива. Второй пункт, тесно связанный с первым, состоит в том, что необходимо понимать абсолютно позитивную сторону этой точки зрения, которая далеко превосходит как идеологию чистой силы, так и идеализм «ценности», идею «вечного закона» и т.д. То, что одной чисто материальной силы самой по себе недостаточно, то что она должна всегда служить инструментом идеи – это очевидный факт. Но и самой идее нельзя приписывать никакой иной ценности, кроме ценности, определяющейся непосредственно вышеназванным фактором, т.е. ценности гипнотизирующего, измеряемого практическими последствиями принципа. Другими словами, идея ценна только тем, как широко и как долго она действует, а вовсе не тем, что она «правильна», «истинна», «хороша» и т.д.. Все это – только чад по отношению к реальности ее как идеи-силы. Выравнивать, отличать, составлять, использовать, уничтожать или подрывать «гипнотический потенциал», которым обладают различные идеи – это высшее, невидимое, опасное искусство господства, которое следует рассматривать как область «магии» в высшем смысле этого слова.

Поэтому исключительно наивными следует считать все те течения, которые ратуют только за действие (в вышеназванном ограниченном смысле) и считают все идейные конфликты и любую работу с идеями пустой тратой времени. Мы никак не можем с

этим согласиться, но не из «идеализма», от которого мы очень далеки, а из-за того, что такая установка, даже с точки зрения самого действия, является абстрактной и недостаточной. Хладнокровный властелин, пробуждающий идеи-силы, в первой же схватке выбьет таких апологетов чистого действия из седла, отняв и направив против них же самих ту силу, которая их поддерживала.

Эту предварительную ступень следует полностью преодолеть. Она не ведет никуда выше уровня народных трибунов. Она остается внутри того порядка, к которому применимы даже психоаналитические теории «коллективного подсознания» и рудиментов архетипов «праплемени».

Она с необходимостью заключает в себе компромисс. Различные «мифы» и «идеи-силы» не могут служить властелину поддержкой или условием. Он один должен быть условием для всего остального. Такие идеи – и в основном идеи «нации» и «отечества», так как они прямо касаются темы данной работы – содержат в себе нечто трансцендентное, безличное, не имеющее никакого отношения к случайности и ограничивающее их инструментальную ценность, о которой мы говорили выше. С тем, чье господство основывается исключительно на строго определенном комплексе идей, всегда может случиться, что он столкнется с кем-то другим, кто станет апеллировать к тем же идеям и кто – если он окажется в таком положении, что эти идеи будут ему более соответствовать, нежели идеи его собственной партии – сможет победить его как раз посредством привлечения силы, на которую тот ставил. Поэтому необходимо понять, что важна не столько идея-в-себе, а важно кто эту идею утверждает. Не идея придает индивидууму ценность и могущество, а, напротив, индивидуум придает идее ценность, могущество и оправданность. Это понимал Вольтер, когда в отношении французского короля он сказал, что некоторые жесты ценны только тем, что именно он их делает.

Итак, остается совершить последний великий шаг – освободиться от суеверного демократического и безличного отношения к «отечеству» и к «нации». Властелин, медленно передвигая центр от абстрактного к конкретному, в конце концов откажется от самой идеи «отечества», перестанет искать в ней поддержку, сделает ее имманентной, а самого себя – центром для любой ответственности и для любых ценностей, и только тогда он сможет по праву сказать: «Нация, государство – это Я».

Это уровень, на котором может находиться не тот, чье превосходство согласно использованному ранее выражению – покоится на могуществе, а, напротив, лишь тот, чье могущество покоится на превосходстве.

Потребность в могуществе означает бессилие, и кто понимает это, тот, возможно, поймет и то, в каком смысле путь истинного отречения (мужественного отречения, которое покоится на «отсутствии необходимости» и на «самодостаточности») может быть условием для пути к верховному могуществу, и тогда, быть может, он также постигнет тайную логику (в соответствии с традицией, большинством совершенно неоправданно считаемой мифом), по закону которой аскеты, святые и посвященные могут внезапно проявить гипнотическое и сверхъестественное могущество, намного превышающее могущество людей и вещей.

Если всякая потребность, всякая алчность и всякая страсть обессиливает, грабит человека, то НЕТ, сказанное всему, интегрирует, потенцирует, возвышает его, ведет к высшей центральной и солнечной жизни.

И вместе с этим исчезает всякая видимость титанизма, которая могла бы быть присущей идее абсолютно централизованного, освобожденного от всяких условий принятия на себя полноты могущества одной единственной личностью. Здесь индивидуальное есть сверх-индивидуальное. Действительно, оба эти элемента смешиваются, и свойственные им тенденции здесь так же мало отличаются друг от друга и так же

мало противоречат друг другу, как ручейки в момент своего впадения в море. Здесь властелин не столько особое смертное существо, сколько универсальный элемент, космическая сила. И теперь, в свете этого, понятно, почему короли в некоторых восточных традициях прекращали носить свое прежнее человеческое имя в момент коронации. И из мифологического символа становится ясным, почему древние жители Севера могли считать своих вождей воплощением крови Одина, Фрейра, Тиу; почему египтяне и иранцы видели в своих царях земные подобию солнечных божеств; почему римляне и греки почитали своих властелинов как откровение неизменного «героического» потока, утвержденного в образах Геракла и Аполлона.

«Постоянно присутствуют в великом жилище мира; постоянно утверждают на прямом троне мира; шагают вперед по великому пути мира, и когда это достигнуто, народ разделяет добытые блага». – «В ширине и глубине своего мужества (*virtus*) подобны Земле; в высоте и блеске его подобны Небу; в протяженности и длительности его подобны пространству и вечности: и образуют третье Могущество между земным и небесным» – так говорит о подлинных властелинах Традиция.

Истинный Властелин, истинная имперская натура – это тот, кто обладает этим высшим бытием – таким его количеством, которое непосредственно означает иное бытие – качество: мужество (*virtus*), перед которым – до известной степени даже при отсутствии прямого желания – все остальное сжигается, упраздняется и подавляется. Он есть тот, кто утверждает как Нечто: как всеобъемлющее грозное сияние, которому ничто не может противостоять, как спокойное хладнокровное величие, останавливающее руку с занесенным мечом, или прыжок хищного зверя. Он есть тот, кто невольно внушает уважение, кто пробуждает желание повиноваться, жертвовать, искать в этой всеохватывающей жизни смысл особого, истинного Бытия. В Нем как в действии пылает весь род, вся традиция, вся история, – они прекращают быть абстракцией, бескровной идеальностью и становятся индивидуализированной реальностью, становятся Жизнью – абсолютной жизнью, самодостаточной, чистой свободой – становятся Духом, становятся Светом.

И только Он, в своем апогее, может сказать: «Я есть Путь, Я есть Истина, Я есть Жизнь». И только Он дает несметному числу людей, всей системе низшего детерминизма жизни Единство, Смысл, Оправданность, которых они никогда не имели ранее. Потому что низший никогда не может жить полно и совершенно, если он не знает, что центр и цель находятся в конкретном Высшем; потому что часть ощущает себя элементом целого организма только тогда, когда она видит смысл своего существования не в себе самой, а в душе (в душе, которая является реальностью, а не чистым идеалом или абстрактным законом).

Все это – план основных этапов завоевания государства и Пути к могуществу. Наивность грубой силы, риторика идеальности и «Вечного Закона», относительность и двусмысленность динамической игры идей-сил, мифов «отечества» и «нации», необходимость в поддержке власти снизу – все эти различные ограничения – подобно восходящему солнцу, разгоняющему туман и ночных призраков – должны быть рассеяны могущественной реальностью высшего и в действительности более чем человеческого индивидуума, который, в конце концов, станет тождественен могуществу самого «Сверхмира».

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Но вернемся к либерализму.

Мы вскрыли тот компромисс, которым определяются его жалкие попытки утвердить «вечный закон» свободы. Компромисс, превращающийся в чистое противоречие когда, при передвижении проблемы от индивидуума к обществу, вслед за законом сво-

боды утверждается другой «вечный» закон: закон равенства. Как можно не понимать, что при равенстве не может быть никакой свободы? Что нивелирование возможностей, идентичность прав и обязанностей, деспотизм закона, основывающегося исключительно на количестве, делают свободу немислимой? Повторим еще раз: истинная свобода существует только в иерархии, в различии, в непреложности индивидуальных качеств. Она существует только там, где социальные проблемы решены таким образом, что ситуация благоприятствует полной реализации человеческих возможностей, основываясь на идеале дифференциации и, следовательно, неравенства, чему античная кастовая система служит совершенным образцом. Кроме того, истинная свобода существует только тогда, когда смысл верности, героизма, жертвы сможет возобладать над мелкими ценностями материальной, хозяйственной и политической жизни.

Но рассмотрим подробнее поверхностно-бессмысленный характер анти-имперских установок.

В них утверждается, что демократия есть самоуправление народа. Суверенная воля – это воля большинства, находящая свое свободное выражение в выборах и в символе представителя, преклоняющегося перед общественными интересами.

Но если настаивать на «самоуправлении», то нужно проводить различие между теми, кто правит, и теми, кем правят, так как еще нет ни одного государства, в котором воля большинства не концентрировалась бы в отдельных личностях, назначенных для «управления». Эти личности, и это очевидно, выбираются не случайно: ими становятся те, в ком признаются большие способности и также истинное или мнимое превосходство над остальными, и, следовательно, они рассматриваются не просто как рупор масс, а как люди, содержащие в себе принцип автономии и законодательной инициативы.

Так в лоне самой демократии обнаруживается анти-демократический фактор, который она тщетно пытается скрыть через принципы избирательного права и санкций народа. Мы говорим «тщетно», потому что превосходство превосходящих выражается в том, что они могут признавать истинную ценность и даже иерархизировать различные ценности, т.е. устанавливать подчинение одних другим. Только вышеназванный демократический принцип ставит все дело с ног на голову, потому что решение (будь то в выборах или в санкциях) в определении того, что является высшей ценностью, предоставляется массам, т.е. условной совокупности тех, кто менее всего пригоден для такой оценки, и чье решение с необходимостью будет ограничиваться ничтожными ценностями повседневной жизни. И поэтому при демократическом режиме можно быть уверенным, что те, кому удастся предложить наилучшие перспективы (пусть даже химерические) в отношении чисто практически полезных сторон государственной деятельности, будут обладать фатальным преимуществом по сравнению со всеми остальными. В этом заблуждении – напоминающем ситуацию, в которой слепые, согласившись быть ведомыми зрячими, настаивают на том, чтобы этих зрячих отбирали бы они сами – следует искать основную причину современной деградации политической действительности до эмпирического, утилитарного и материального уровня.

Остается, правда, еще одно возможное возражение, состоящее в том, что материальное благосостояние, контролируемое со стороны народа, может способствовать установлению высшего порядка. Но об этом еще можно поспорить. Дело в том, что в моменты социального кризиса высшие ценности и реинтегрированные силы могут появиться именно там, где «изнеженность Капуи», периоды хозяйственного изобилия способствовали часто лишь замутнению и опошлению духовной жизни. Это – отражение того, что случается в жизни отдельных индивидуумов, когда некоторые высшие ценности всплывают из глубин печали, отречения и неоправданности, и когда определенная степень напряжения в «риске существования» становится лучшей

закваской для пробуждения духовной готовности. Мы не хотим, однако, на этом настаивать и лишь ограничимся вопросом: каким критерием должны руководствоваться массы при выборе тех, кто в дальнейшем, кроме всего прочего, сможет заботиться и о высших ценностях, хотя бы и на материальной основе?

В действительности демократия существует лишь за счет условной оптимистической предпосылки. Она не отдает себе отчета в абсолютно иррациональном характере массовой психологии. Как мы уже замечали выше, говоря об идеях-силах, массы приводятся в движение не рассудком, а воодушевлением, страстями и внушением. Так самка последует за тем, кто сумеет больше ее очаровать, пугая или привлекая средствами, в которых в самих по себе нет ни малейшей логики. Так самка непостоянна и переходит от одного к другому, без всякого соответствия какому-либо разумному закону или прогрессивному ритму. И, особенно, убеждение в том, что «прогресс» человечества характеризуется не только тем, что с материальной точки зрения вещи становятся лучше или хуже, а тем, что развитие переходит от материального критерия к высшему, сверхматериальному критерию, является глубочайшим западным предрассудком, зародившимся в якобинской идеологии, против которого еще никто не выступал достаточно энергично. На самом деле говорить о самоуправлении масс и о предоставлении им прав выбора и санкций можно было бы лишь в том случае, если бы народ можно было рассматривать как единую интеллигенцию, как отдельное огромное существо, живущее особой, единой, сознательной и разумной жизнью. Но это – лишь оптимистический миф, который не подтверждается ни одним социальным или историческим фактом, и который был выдуман родом рабов, не терпящих истинных вождей и придумавших маску для своего гнусного стремления делать все самим, в согласии со своей мятежной волей.

Из демократизма этот оптимизм перешел большей частью в анархические доктрины. А в своей рационально-теологической форме он проявляется также в основе исторических течений и в теориях самого «Абсолютного Государства».

АНТИ-ГЕГЕЛЬЯНСТВО

Говоря о Новом времени, мы часто используем выражение «множество», вместо таких выражений, как «народ» или «человечество», доставшихся нам в наследство от Французской Революции. Причиной этому служит то, что подобные выражения уже несут в себе демократический и коллективистский дух. Другими словами, мы не хотим и не можем держаться за те навязчивые пережитки схоластических воззрений, в которых подобные концепции наглядно представлялись в виде «универсалий» или их составляющих.

Мы хотим пояснить это. К примеру, то, что существует «человек» помимо конкретного человека, сперва еще надо доказать. Действительно, мы можем знать нечто о конкретном человеке, но о «человеке» вообще мы не знаем ничего, или, вернее, мы знаем, что он есть ничто, так как это не более чем понятие, используемое для того, чтобы посредством прагматической абстракции, уничтожить своеобразие конкретного индивидуума и потом растворить его в бессмысленном сравнении с несуществующим «средним». «Человек» как таковой есть нечто, что имеет место исключительно в нашем мозгу и не может соответствовать ничему реальному.

По аналогии мы утверждаем, что «нация», «народ», «человечество» и т.д. суть не реальные категории, а лишь простые метафоры, и их «единство», с одной стороны, чисто вербально, а с другой стороны, оно является отнюдь не единством организма, с присущим ему разумом, но единством системы, состоящей из многих индивидуальных, бьющихся друг о друга и компенсирующих друг друга сил и, вследствие этого, являющейся динамичной и непостоянной. Поэтому мы настаиваем на использовании выражения «множество», «многие», которое дополняет уже выясненный нами ирра-

циональный характер «масс» еще одной существенной чертой – множественностью. С этой точки зрения, основное демократическое понятие так называемой «воли народа» является абсолютно безосновательным и должно быть заменено понятием моментальной уравновешенности воли многих более или менее объединенных между собой индивидуумов: так водопад издавна нам представляется неподвижным и единым, но вблизи заметно, что он состоит из бесчисленных, находящихся в постоянном движении элементов. Поэтому вся демократия – это лишь замаскированный либерализм и атомизм.

На воззрениях, вращающихся вокруг ирреальности бытия народа, бытия нации и т. д. и вокруг алогичности плюральной действительности и ограничивающихся их конкретностью, никогда нельзя слишком настаивать, если не проявлена сила сверху и не пробуждено могущество верности. При этом важно, однако, что, если тезисы этих «популистских» и «националистических» концепций еще могут быть оправданы в демократическом учении об организации снизу как самоуправлении «народа» или «нации», то они становятся совершенно противоречивыми и фиктивными в случае некоторых движений, стремящихся быть анти-демократическими. Мы имеем в виду различные современные теории, делающие из государства фетиш, и, в особенности, неогегельянские¹ теории «абсолютного Государства» или сверхгосударства, утверждающие, что высшей реальностью является только оно, а не индивидуумы, которые – кем бы они ни были, включая вождей – должны исчезнуть за его действительностью.

Подобные феномены одержимости представляются нам наиболее нелепыми из всех, и их абстрактность, без сомнения, намного более зловредна, нежели абстрактность демократии. Действительно, как мы уже видели, в демократии «народ» служит лишь маской, и за конкретной идеей «общественных интересов», и особенно в либеральных формах, там признается действительность отдельных личностей, на которых переносится центр, пускай даже и на уравненных и анти-имперских началах. Но в учении об «абсолютном государстве» сама эта действительность исчезает, поглощается голой идеей; в этом учении нет центра ни сверху ни снизу, так как вожди этих одержимых сами являются одержимыми, инструментами всеподавляющей безличности.

Мы достаточно ясно выразились в отношении прагматической ценности идей-сил или «мифов», и мы могли бы добавить, с должными ограничениями, что идея «абсолютного государства» относится к их числу. Но ни в коем случае подобные вещи не должны превращаться в *marche des dupes* («Способ одурачивания» – фр.). Всякий истинный Империализм должен быть абсолютно позитивным и поэтому признавать одну единственную реальность: реальность личности. Империя будет существовать для личности, для высшей личности, для личности, которая может сказать: «Государство – это Я», а не наоборот. Иерархия будет существовать постольку, поскольку существуют вожди, а не вожди будут существовать постольку, поскольку существует

¹ Мы говорим «нео-гегельянские» потому, что в первую очередь мы хотим возразить некоторым новейшим политическим направлениям, чьи апелляции к учению Гегеля могут быть оправданы лишь частично. Так как Гегель написал (в «Энциклопедии философских наук» параграф 539): «Государство является живым духом только тогда, когда единая мысль организует в особом действии различные отдельные» – и добавил (параграф 542): «...В совершенной форме государства, в которой все моменты мысли получают свободное существование, эта субъектность является не моральной личностью или личностью, выбираемой решением большинства – т.е. формой, в которой единство решающей воли не имеет действительного бытия, – а истинной индивидуальностью единой решающей воли – т.е. Монархией», – наша критика не может быть направлена непосредственно против него. Мы имеем в виду, в первую очередь, некоторые новые итальянские толкования мыслей Гегеля, в которых идея «государства» объединяется с тенденцией к безличной централизации, к абсолютной «социализации» всякой деятельности, и которые отмечены крайней нетерпимостью ко всем традиционным представлениям о кастовой системе и аристократии: даже в такой мере, что они считают возможным в рамках фашизма примирение не только с марксизмом, но и с Советизмом.

иерархия. Прочная печать, организующее господство, всепобеждающее достоинство завоевателей, придаст смысл так называемому «национальному единству» и так называемой «нации», а не миф об интенсивной жизни тех, которые никому не нужны. Государство, нация, и даже «традиция» – это только абстракции (и, в лучшем случае, задачи). Они становятся реальными только в реальности отдельных личностей, которые выдвигают себя, которые создают пути там, где их никогда не было, и которые делают единством то, что было множеством, хаосом, смешением, господством безличной силы.

В исчезновении этой реальности, этого высшего уровня Силы, Жизни и Света (передача которых в элитах и династиях сквозь поколения и временные границы и является тем, что в высшем и позитивном смысле можно назвать Традицией), в функции, продолжающей существовать лишь в силу инерции, в пустой форме имперской или национальной организации, которая ничем более не может быть оправдана, в центре монархии с пустым тронном – в бессмысленном пережитке, претендующем на самостоятельность и выступающем против высшего индивидуума, достойного поклонения и обладающего наибольшей реальностью, против того высшего индивидуума, чьей тенью является сама Монархия вместе со своим утверждением, – в этом вырождении кроются истоки идеи «абсолютного государства» и «нации», а также всей остальной аналогичной риторики Нового времени.

И этот предрассудок гегелевского политического учения стал вершиной философской системы. С ним и со всеми его отголосками мы должны решительно покончить, чтобы вернуться к нордическо-арийскому пониманию свободных и живых существ, ничего не знающих о голосе нивелированной толпы, ниспровергающих и осмеивающих глиняных идолов современной идеологии и свободно входящих в иерархию в соответствии с единственно возможным принципом дифференциации – обособления, определяющимся естественным, динамическим соотношением интенсивности их экзистенции, их духа, их жизни. Люди – как вожди людей и люди – как подчиненные людям, люди – как чистые силы, а не как тени теней.

Против коллективистской, централизованной, униформистской идеи государства и нации мы утверждаем плюралистическую, индивидуалистическую и реалистическую идею как единственно возможное основание для восстановления в могущественно-иерархическом и интегрально анти-демократическом смысле. Не следует забывать: «нация» – это современное изобретение, французское изобретение. Рождение идеи «нации» произошло в эпоху упадка наших феодальных, аристократических и имперских идеалов. Для германской прарасы нацией являлась совокупность свободных господ властвующего племени – господ, связанных кровью, связанных действиями на едином фронте, готовых с гордостью дисциплины подчиниться воинскому порядку и в одно мгновение, вместе со своими вассалами стать мужами *dux* (вождя), однако, всегда сохраняя при этом независимость, чувство одиночества, принципы различия и соблюдения обособленности в коллективе. То же самое можно сказать в отношении ранних римских аристократических законов. То же самое, *mutatis mutandis* («Внося соответствующие изменения»- лат.), можно сказать и об индусских ариях: они не знали «нации», о них знали только касту, и каста была для них высшим, духовным, нерушимым принципом порядка и иерархии. То же самое можно сказать и об ариях Ирана: божественный огонь, – *hvareno* или *farr*, – несомый их расой, состоял из трех видов огня, соответствующих трем высшим классам – классу жрецов, господ жертвы, классу воинов и классу глав семейств, связанных между собой, но отнюдь не коллективистскими и «общественными» узами.

Главной чертой нордическо-арийских народов является стремление к индивидуальности, к анти-коллективности, выразившееся в их культуре и в их «форме» – вопреки стремлению к смешению, которое характерно для южных народов и рас и для низших форм общества.

Когда властители Запада сделали феодальную аристократию своими врагами, когда они систематически стали направлять свои усилия на создание «национальной» централизации, – Франция была первой в этом процессе, – они начали сами себе рыть могилу. «Общественные власти» – как идущее от короля абсолютистское нивелирование, сопровождавшееся уничтожением всяких преимуществ и отличий и ведущее к установлению единого закона для всех классов – погубили в дальнейшем сам королевский принцип, стали воплощением голоса «народа», массы и, следовательно, их тиранией. Всякое абсолютистское государство есть анти-аристократическое государство. Всякая централизация пролагает путь демагогии, деградации личности до коллективного уровня.

Индивидуальность, различие, разделение, порядок, основывающийся только на личности и на ясных, чистых, мужественных отношениях между личностями, – таковы наши идеалы. Национализм – это возврат к тотемизму.

Сверхгосударство как воплощение «абсолютного духа» – маска левиафанической идеи Советов.

АНТИ-ИСТОРИЦИЗМ

Рассмотрим демократическое учение в его историцистском аспекте. Предметом нашей критики в качестве отправной точки будет служить идеология итальянца Джузеппе Мадзини. Эти соображения можно было бы применить и ко всем остальным концепциям, пропитанным тем же духом. Но идеология Мадзини особенно интересна тем, что она пытается объединить в себе весьма различные течения, не исключая самой римской идеи.

Воля к демократии, преобладающая в этом направлении, породила «философию истории», что уже достаточно ясно было показано в предыдущих рассуждениях. Она не только вывела «народ» на передний план, но и сделала из него теоретическую категорию: согласно этому учению, бытие народа это мистическое тело, в котором отражается и социализируется должным образом сама божественность, нисходящая с небес, и в этом бытии – в согласии с законом прогрессивного развития – эволюция человечества в течение многих циклов является «откровением» божественного понимания.

Это – убогая современная мифология, которой не поверит ни один серьезный человек, и ее семитско-протестантский характер сразу бросается в глаза. Повторим, что бытие народа, если понимать его только в смысле абстракции, есть ничтожное, иррациональное, «демоническое» бытие, которое само по себе, без господствующего влияния высшего существа, не может иметь никакого отношения к божественности. Мы считаем извращением идею того, что божественное должно открываться каким-либо образом в смешении, в элементе массы, а не в том, что, собственно, наиболее близко к природе самой божественности. Мы остаемся верными дорическо-олимпийской идее о превосходстве «богов» над становлением и называем суеверием, порожденным низами, анти-аристократический миф о «прогессе» и об «эволюции человечества»; мы называем фантазией слабых душ идею о провиденческом или вообще о каком-либо разумном плане истории, – идею, что все происходящее разумно, оправдано и подчинено реальности трансцендентных целей, идею, которую всегда можно найти в основе системы того или иного философа истории. Как свободные люди мы видим в истории свободу и отказываем в правомочности идее «философии истории», служащей лишь маской детерминизму, неспособности видеть и желать живую, индивидуальную, единственную реальность исторических событий. Верные аристократическому духу, мы противопоставляем современному мифу эволюции и развития традиционный идеал стабильности и традиционный миф инволюции, деградации, который – от Гесиода до иранцев, от халдеев до индусов, от египтян до нор-

дического понимания *gaug-rokk* как единственного «смысла истории» – запечатлен в учениях о «четыре века».

Но какую действительную цель ставит перед собой философия Маццини? Только одну: показать, что то, что должно быть, в согласии с «целенаправленностью» самого исторического прогресса и воплощаясь в символе пророческой миссии «третьего Рима», есть Анти-империя, т.е. идеал единства человечества, осуществленного через братство разных народов, через безличное объединение и анти-монархическую федерацию, враждебную любой иерархии; идеал, сопровождающийся иллюзией того, что мифическая «воля народа» есть выражение «божественной воли». Очистите эту идеологию от всех мифологических аспектов, присмотритесь к ней внимательней, выделяя все скрытые и бессознательные импульсы, которыми она инспирируется, и вы увидите все те же софизмы демократии и анархии, все те же оптимистические иллюзии в отношении разумности масс и истории; вы увидите все тот же двусмысленный идеал «экклезии», который семитско-плебейское восстание противопоставило римскому идеалу; и поэтому вы увидите дух Реформации, все тот же дух Реформации, лежащий в основе современной организации: анти-имперской, анти-аристократической, анти-религиозной – так как она ограничивает религию простой социальностью – и анти-качественной организации, соответствующей англосаксонским обществам. Идеал Маццини в действительности тождествен демократическому и лютеранскому идеалу, воплотившемуся в «Лиге Наций», т.е. в международной конфедерации, превыше всего ставящей не могущество и индивидуума, не сверкающую реальность одного единственного существа – Императора во вселенско-гибеллинском понимании Данте, – который, «обдумывая различные проблемы мира, управляя различными необходимыми службами, имеет абсолютное, универсальное неоспоримое право приказывать» (Conv.IV, 4), – а народ, да, народ, «человечество». В сущности, «избранный народ» (избранный народ! – еще одно еврейское изобретение: мы не знаем никаких «избранных народов», мы знаем лишь народы, превзошедшие других или вступившие в борьбу за превосходство), согласно Маццини, сам должен отказаться от своей миссии и принудить всех к принятию Нового Евангелия: Евангелия свободы и братства всех народов. Националистические поползновения Маццини утвердить за каждым народом особую функцию и миссию сводятся на «нет» дальнейшим утверждением, что эта миссия с необходимостью должна осуществляться во имя общих интересов человечества. И так как при этом во всем политико-религиозном Евангелии Маццини основным пунктом является конфедерация, основанная на системе анти-монархической и анти-католической революции, то мы можем ясно увидеть в нем предвозвестие различных современных анти-аристократических, пацифистских и демократических направлений, вплоть до так называемой «Пан-Европы». Последователи Маццини не стыдятся даже истинный Рим, «римский» Рим, рассматривать как нечто преодоленное «прогрессом». Их слепой эволюционистский априоризм делает их жертвами того суеверия, согласно которому римское язычество исчерпало свою чисто юридическую и материальную действительность и уступило христианству все привилегии в отношении духовных ценностей. «Миссия» языческого Рима, согласно их учению, исчерпывалась созданием юридического единства и материальной, основанной на насильственной власти Империи. Второй, католический Рим создал духовную Империю. И синтезом должен явиться третий Рим, который установит социальное единство, и в котором осуществятся идеалы бесцветного объединения и федерализма, упомянутые нами выше. Последователи Маццини считают, что римское право ввело фактор «свободы» и подготовило на материальном уровне почву для равенства, которое впоследствии в христианстве распространилось и на духовную область. Они предрекают приближение новой эпохи, когда оба понятия – свобода и равенство – объединятся в нерушимом синтезе через идею единого человечества.

Как непреклонные защитники ценностей языческой традиции мы отбрасываем все эти исторические софизмы. Нет! Рим одновременно был и материальной и духовной реальностью, идеальным, сверкающим целым, которое либо утверждается, либо нет, и которое по самой своей сути противоречит попыткам спекуляции им в игре произ-

вольной, прогрессистской диалектики. Рим был августейшим могуществом, установленным «для покорения земного царства народов высшей властью, для соблюдения дисциплины в мире, для мягкости к побежденным и неумолимости к сопротивляющимся» (Виргилий Эн. VI, 852-854), и вместе с этим он являлся сакральной культурной формой, в которой не существовало ни одного жизненного поступка, как в общественном, так и в личном, как в войне, так и в мире, не направляемого обрядом или символом, – культурной формой тайного происхождения, в которой были свои полубоги, свои божественные короли, в которой существовали арийские культы Огня и Победы, и эта форма была кульминацией *paх augusta et profunda* («августейший и глубокий мир» – лат.), где даже материально реализовалось универсальное отражение вечности (*aeternitas*), благоговейно почитавшейся в самой имперской функции.

Нет! Новая азиатская вера не была «продолжением» Рима, она была искажением Рима, – и сама она ничуть не стеснялась отождествлять город Цезаря со Зверем еврейского Апокалипсиса и с Вавилонской Блудницей. Рим не знал «равенства» таким, каким его понимает современная чернь. Равенство (*aequitas*) римского права было аристократическим понятием: оно соответствовало классической идее справедливости, вытесненной христианскими идеалами сострадания, прощения, раскаяния, жалости и любви. И только сведение этих земных ценностей к земным порокам и идея равенства всех существ по отношению к «Творцу», к «первородному греху», к произволу благодати еврейской веры привели Запад к принципам уравнивания, которые были совершенно неизвестны в высших формах языческой культуры. И этот принцип, даже на материальном уровне иерархической организации, полностью противоречит воинственным отношениям, наличию господ и рабов, элитарным привилегиям.

Риму совершенно не нужен был приток семитов для того, чтобы признавать и осуществлять свой универсальный идеал. То, что осталось великого в последующие времена, принадлежит ему. Как мы уже говорили, Великий Рим, выросший из сил нордических ариев, создал последнюю вселенскую эпоху Запада, феодальную культуру Средневековья. То, что еще оставалось при этом непосредственно от темной палестинской секты, смогло на одно мгновение в форме Церкви причаститься к нашим универсальным ценностям. Но наша универсальность – это не универсальность Маццини: последняя есть только интернационализм, только расцвет того нивелирующего, социалистического, фратернистского, демократического направления, в котором нет ничего римского, чья свобода не есть наша свобода, и чьим последним словом является не организм, а агрегат, не универсальность, а коллективность.

Члены псевдо-синтеза Маццини: Рим и социализм – это два несовместимых понятия. Между ними возможен выбор – но не синтез или компромисс.

В «смысле истории» ищет свое оправдание чернь, разрушившая все цепи, перелившаяся через все дамбы, отравившая все колодцы, замарав своей бездуховностью всю науку, политику, религию и культуру, создав мир, в котором нет больше царей и пастырей. И она все более способствует убыстрению ритма истории, адской эволюции, приближению к сияющей цели своего «прогресса» – к «солнцу будущего», и вместе с достижением этой цели разразится последняя катастрофа, которая погребет ее под развалинами.

Но мы принадлежим к иному миру, к миру, который незыблем и постоянен, как само бытие. У нас есть истина, а не только риторика.

У нас есть традиция. Рим остается для нас тем неизменным, наполненным, сверх-историческим символом, о котором даже Галилеец сказал, что «пока Рим стоит твердо, не надо бояться судорог последнего века – но когда Рим падет, человечество приблизится к своему у концу».

ИНДИВИДУУМ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Другая форма оправдания скорее эволюционистского, нежели исторического характера, которую может взять на щит демократия, вытекает непосредственно из воззрений герцога Г. Колонна ди Чезаро. Эта форма имеет преимущество в том, что ее можно рассматривать не только на основании условных подтверждений *ad usum delphini*, но и как возможное законченное мировоззрение само по себе, она безусловно поэтична, но как раз поэтому в ней легче выявить стремление приблизиться к тому, что принадлежит к идеалу иерархии.

Эта теория утверждает, что социальность является отнюдь не конечной точкой идеального развития, а напротив, его исходной точкой. Согласно этой теории, она есть состояние примитивных народов, где отдельные люди еще не осознают себя в качестве особых существ и живут как части нераздельного коллективного бытия своего племени или народа.

Ди Чезаро видит прогресс в преодолении этого «социального» прасостояния и считает необходимым утверждение себя как отдельного и сознательного центра вопреки человеческому человечеству. Но от людей в дальнейшем потребуются, как нечто третье, новое объединение в универсальный союз человечества, который более не будет данностью, как в природе, где отдельные существа ощущают себя непосредственно связанными со всем остальным, а, напротив, явится тем, что установят сами люди – спонтанно, посредством свободного волевого действия. Эта третья фаза соответствует демократии, т.к. в ней утверждается идеал социальности, основанной на отношениях равных, свободных и автономных существ.

Для критики этой теории, в первую очередь, необходимо выяснить: в чем конкретно состоит различие между социальностью как конечной точкой и социальностью как исходной точкой всего развития.

Ди Чезаро связывает свою теорию с законом прогрессивной индивидуализации, который представляет вещи совсем в ином свете. Согласно этому закону, низшие уровни реальности отличаются от высших тем, что, если разделить индивидуума низшего уровня на части, то каждая из них сохранит свои качества (к примеру, как это происходит у минералов; и нечто похожее можно также обнаружить у некоторых видов растений и в партеногенезе низших животных), тогда как на высшем уровне это более невозможно потому, что в этом случае индивидуум представляет собой высшее органическое единство, разделение которого на части разрушит его, и эти части полностью потеряют живое и специфическое значение, качество, которым они обладали до сих пор. Природа показывает нам ход прогрессивной индивидуализации, направленной от минерально-физической системы к высшей индивидуальности, которая есть нерушимая простота отдельного человеческого сознания.

Согласно ди Чезаро можно все же представить себе и последующую фазу этого процесса, когда закон прогрессивной индивидуализации приведет к преодолению человеческого индивидуума во всеобъемлющей форме организации, являющейся социальным индивидуумом, социальным и духовным единством человечества; единством, отличающимся от всего того, что относится к примитивной социальности как к исходной точке, тем, что оно есть завершение процесса индивидуализации.

В общем, всего этого вполне достаточно для того, чтобы поставить демократическую позицию с ног на голову. В чем состоит в этом случае истинное бытие индивидуума? Это уже было сказано: в том, что простой агрегат, состоящий из отдельных частей (стадная форма минеральной индивидуализации), прекращает существовать, и устанавливается высший принцип, подчиняющий себе все части этого агрегата и организующий их в согласии с определенным законом. И чем дальше зашел процесс индивидуализации, тем совершеннее господство этого высшего принципа. Подобно тому,

как мы наблюдаем тот факт, что единство химических компонентов означает господство над различными элементами и над чисто физической силой (низшего уровня), а вегетативное единство, соответственно, означает господство над различными химическими соединениями и установление закона, высшего по сравнению с химическими законами и т.д. – мы можем заметить, что, в согласии с этим развитием, единство «социального индивидуума» есть господство над отдельными индивидуумами – не демократическое единство представителей многих, а имперское единство властелинов над многими, Империя, аналог гегемонии сверкающей живой души, госпожи как себя самой, так и тела.

Если мы предположим, что закон прогрессивной индивидуализации истинен, то станет очевидным, при четком разделении исходной и конечной точек развития и при допущении того, что само это развитие есть нечто большее, нежели гигантский *circulus vitiosus* («порочный круг» – лат.), это разделение может состоять только в следующем: в начале каждое «Я» само по себе являлось ничем и было тождественно всему остальному, как некий медиум, в котором отражается коллективная жизнь общества – и тогда человечество существовало; а в конце, при возрастании дистанции между «Я» и «Я», при отделении высших уровней самосознания и человеческого могущества от низших, и при создании иерархии, должно возникнуть то, что более нельзя будет назвать человечеством, и что будет Господином человечества.

Только таким образом следует понимать закон или, вернее, волю к прогрессивной индивидуализации в отношении единственно возможного развития вне формы, принадлежащей к обычному человеческому сознанию. Надо заметить, что идея «Господина человечества» никоим образом не изобретена нами самими. Она точно соответствует древне-арийской идее Чакраварти, которая в символических описаниях саг и мифов всегда тесно связана с реальными или легендарными образами великих властителей: от Александра Великого до короля Артура и императора Фридриха Второго.

При поверхностном рассмотрении может показаться, что все это несколько односторонне – так, как если бы какая-нибудь отдельно взятая часть тела присвоила право подчинить себе все остальные его части. Однако эта односторонность полностью исчезнет, если понять, что властелина над людьми нельзя более назвать «человеком»; что он является существом высшего уровня, – если даже внешне он и сохраняет некоторое подобие человека, – если понять, что иерархия, чьим единственным элементом является сознание, не материальна и не характеризуется никакими физически наблюдаемым признаком. Властелина над людьми нельзя сравнивать, к примеру, с рукой, возомнившей себя госпожой всего тела – напротив, он подобен органичному единству самого тела, объединяющему в высшем сверх-телесном синтезе как руку, так и все остальное.

Как унифицирующая и организующая функция природы, соответствующая минеральному соединению, изменяется и (в идеальном, а не в историческом смысле) восходит к своей высшей потенции, в которой минеральные элементы и законы становятся подчиненными средствами вегетативного индивидуума, и т.д. – так же следует понимать и восхождение потенции, связывающей совокупность свойств и элементов, соответствующих личности обычного человека, к высшей потенции, в которой этими элементами, находящимися в аналогичном соотношении становятся уже законы и воля отдельного человеческого или расового сознания.

При этом – надо заметить – отнюдь не должен уничтожиться «человек», т.е. то сознание свободы, индивидуальности, автономии единиц, которое подавило примитивную, неразделенную социальность посредственностей. Истинный король хочет иметь подчиненных, являющихся не тенями, не марионетками, не автоматами, а личностями, воинами, живыми и могущественными существами; и его гордость заключается в том, чтобы чувствовать себя королем королей.

В другом месте мы уже говорили, что мы являемся непреклонными поборниками необходимости установления иерархии, и мы утверждаем, что такая иерархия должна свободно и динамично строиться на естественном соотношении индивидуальной интенсивности. Так создавалась ранняя аристократия – даже там, где она не основывалась непосредственно на сверхъестественном принципе, – не через выборы и признание низов, а через прямое самоутверждение индивидуумов, способных к сопротивлению, к ответственности, к героической, мужественной, разносторонней и опасной жизни, недоступной для других, вступивших в борьбу. Они оставались вождями, которым массы поклоняются и повинуются вполне естественно и добровольно, пока не появятся другие, еще более сильные, и предыдущие вожди сами передадут им права и полномочия, без злобы и зависти, а честно, по-военному. Только при таком понимании иерархии наилучшим образом сохраняется ценность индивидуума. В демократическом решении этой проблемы индивидууму грозит исчезновение за безличной действительностью нивелирующего всех закона, который ни в чем не индивидуализируется, ничем не оправдывается и служит взаимной поддержкой, взаимной защитой и взаимным рабством существам, ни одному из которых не достаточно самого себя.

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ РАВЕНСТВА

Возвращаясь к тому, о чем говорилось в начале этой главы, мы за демократическим понятием «народ» снова встречаем неявно выраженную идею «многих» – понимаемую (и в этом состоит отличие) в смысле «многих равных», т.к. в ней вожди определяются не качественным, а количественным образом (большее число голосов, большинство, выборная система). Но количество только тогда может быть критерием, когда признается равенство отдельных людей, которое делает одинаково значимым голос каждого из них.

Именно этот вечный закон равенства и следует опровергнуть в первую очередь. Неравенство людей – это настолько очевидная вещь, что не хочется тратить слова на ее доказательство: для того, чтобы понять это, надо лишь раскрыть глаза. Но те из наших противников, которые согласятся с этим, могут поставить, однако, принципиальный вопрос: хорошо, люди неравны, но они могут быть равны. Неравенство несправедливо, и не признавать его, не следовать ему – в этом и состоит ценность и преимущество демократических идеалов.

Однако это – только пустые слова: дело в том, что понятие «многие» логически противоречит понятию «многие равные».

Во-первых, согласно закону Лейбница об идентичности неотличимого, который гласит: существо, абсолютно идентичное другому, является с ним одним и тем же существом. Кант старался опровергнуть этот закон, указывая на то, что в пространстве, по его мнению, могут находиться две одинаковые, но все же отличающиеся друг от друга вещи: но даже если отбросить абсурдность перенесения в духовную область того, что касается только физического мира, современное представление о пространстве полностью вскрывает заблуждение Канта, так как согласно этому представлению, каждая точка имеет различное качество при принятии функции 4-мерного пространственного континуума Минковского. Понятие «многие» уже включает в себе принципиальное различие: так как «многие равные», абсолютно равные, были бы не многими, а только одним. Желать равенства многих – это чистое противоречие.

Во-вторых, согласно закону достаточного основания, который гласит: в каждой вещи должно быть основание тому, что она есть именно эта вещь, а никакая другая. Если бы и существовало нечто, абсолютно тождественное чему-нибудь без «достаточного основания», то это нечто было бы в действительности лишь бессмысленным дублем.

Из этих законов вполне последовательно вытекает идея того, что «многие» не только не равны, но и что они должны являться таковыми, и что неравенство de facto истинно только потому, что оно является неравенством de jure. Оно существует только потому, что оно необходимо.

Но установление неравенства означает переход от количества к качеству. При этом оно оправдывает возможность и необходимость иерархии и доказывает, что критерий «большинства» бессмысленен, и что всякий закон и всякая мораль, основывающиеся на допущении равенства, неестественны и насильственны.

Повторим еще раз, что только вышестоящие должны судить о нижестоящих, а никак не наоборот. Как отличительной чертой заблуждения является непризнание самого себя заблуждением, а отличительной чертой истины – очевидное самообнаружение себя самой как истины, и одновременно признание заблуждения заблуждением, так и отличительной чертой того, что является вышестоящим, служит непосредственное, очевидное самообнаружение себя как вышестоящего по отношению к нижестоящему, которое становится нижестоящим именно за счет проявления этого вышестоящего. Вышестоящее не может ни у кого испрашивать санкций или признания, оно должно основываться единственно на прямом превосходстве сознания тех, кто обладает превосходством, и кто утверждает свое превосходство вопреки любым доводам.

С этой точки зрения так называемый критерий «пользы» полностью теряет смысл. В первую очередь, надо спросить: не что полезно, а для кого или для чего это полезно. К примеру, при демократической системе продолжает существовать некоторое подобие власти – власти, ограниченной установленными рамками, следствием чего является ее подотчетность государственной казне, гражданским и уголовным законам. Такую власть нельзя называть властью, т.к. она существует для принесения пользы большинству. Но кто определяет и оправдывает эту пользу, кто проводит эту знаменитую линию раздела между «легальным» и «нелегальным»? То, что масса не может сделать этого в соответствии с разумным порядком вещей из-за недостаточности и непостоянства своих рациональных, рассудочных возможностей, мы уже показали. И если не удастся перенести центр в сферу качества, то все уничтожится в ужасающей тирании, при которой большинство подавит качественно превосходящее меньшинство и безжалостно вовлечет его в ставший законом передаточный механизм, в детерминизм ничтожной жизни и организованного «общества», как это происходит на современном Западе.

Конечно, и в самом принципе «пользы» гораздо меньше абсолютного, чем обычно думают, даже если взять этот принцип сам в себе. Из-за вышеупомянутого иррационального характера массовой психологии, то, что совершает масса, очень редко является правомочно «полезным», и еще реже это происходит в соответствии с автономной волей многих. Намного чаще она лишь подчиняется могуществу и гипнотизирующей силе отдельных личностей, и если последователи таковых составляют большинство, то это является лишь следствием. Обладающие могуществом индивидуумы могут вести массы, туда, куда они хотят, выбрасывая при этом за борт все посредственные, мещанские, точно высчитанные нормы «пользы». История показывает нам это везде: загоревшись воодушевлением одного человека, одного символа, одной идеи миллионы, людей разбивали рамки рассудочной нормальности и жертвовали собой, и сжигали себя, и уничтожали себя.

Демократия знает об этом. И поэтому она постепенно предусмотрительно старается уничтожить во всей Европе вождей, людей способных вдохновить и очаровать массы, и стремится к полному нивелированию, к ограничению всякой автономии, к превращению людей в простых членов предоставленного самому себе хозяйственного механизма. И в последнее время эта игра удается им в устрашающих пропорциях. Большевицкая Россия и демократизированная и механизированная Америка представляют собой два символа, два полюса одной и той же опасности.

Этой воле к упадку, этим сумеркам, в которых растворяется западная «цивилизация», противостоям мы. Мы, еще раз вслед за Ницше призывающие одуматься и объединиться. Наши нации могут сказать большевистско-американским силам – «Только досюда и ни шагу дальше!» Без слов, угроз и бессмысленных объяснений, молчаливо, мы должны создать аристократию, элиту, основывающуюся, в живой реальности высшего существа, на ценностях нашей традиции.

И все остальное будет лишь естественным следствием этого.

ОТ КЛАНА К ИМПЕРИИ – НАШЕ РАСОВОЕ УЧЕНИЕ

При разборе идей герцога ди Чезаро мы упоминали о «социальной форме», соответствующей примитивным обществам. По ходу дела мы также коснулись соотношения тотемизма и национализма, соотношения, которое многим может показаться странным. Этот пункт необходимо разъяснить, и при этом мы также рассмотрим проблему различия между идеей клана и Империи, между идеей расы и культуры.

Некоторые абстрактные, рационалистические формы универсализма признают право крови и желают возвращения к истинам и ценностям как к вибрирующему выражению нашей жизни и, вследствие этого, к ценностям, связанным с кровью и расой, вместо бесцветного и «общедоступного» объединения. Конечно, это – справедливое требование. Однако в этих воззрениях расовая теория является лишь начальной предпосылкой, требующей дальнейшей индивидуализации.

Не следует забывать, что говорить о крови по отношению к людям – это не то же самое, что по отношению к животным. Если под кровью понимать биологическое наследие расы, то для животных раса – это все, тогда как для людей она является лишь частью. Заблуждение некоторых расовых фанатиков, считающих, что восстановление расы в ее этническом единстве означает *ipso facto* («Уже в силу самого этого факта»- лат.) возрождение народа, состоит в том, что они рассматривают людей так, как можно было бы рассматривать «чистопородных» лошадей, кошек или собак. Сохранение или восстановление расового единства в строгом смысле слова будет являться всем для животного, но не для человека, для человека высшего типа. Для него оно также служит условием со многих точек зрения необходимым, но отнюдь недостаточным, потому что раса – это не единственный фактор, которым определяется человек.

Но для того, чтобы подняться на более высокий уровень, и чтобы покончить с пред-рассудками биологического материализма, еще не достаточно приписывать каждой расе некую мистическую душу, некий свойственный лишь ей «дух». При этом мы в действительности поразительным образом снова возвращаемся к примитивной форме общества тотемистского типа. Как известно, в таких обществах тотем является мистической душой группы, клана или расы. Отдельные члены этих обществ ощущают себя в своей крови и в своей жизни лишь воплощением коллективной духовной силы, при отсутствии каких бы то ни было следов личности.

Если тотемическая сила остается в этом же состоянии, так сказать, в растворенном и безличном, если вследствие этого полностью отсутствуют начальники и подчиненные, и отдельные члены группы являются не более чем членами, – это означает, что мы находимся на низшей ступени человеческого общества, на ступени, граничащей с недочеловеческим, т.е. животным миром. Об этом свидетельствует и то, что тотемы – мистические души кланов – часто представляются в виде «духов» определенной породы зверей. Интересно также, что тотемы в виде мужчины характеризуют общества теллурически-матриархального типа неарийских и в особенности южных рас. Коммунистический принцип играет в этом решающую роль. Этот тип на духовном уровне соответствует «пути предков» – *pitri-yana* индийской традиции, называемому также

путем Земли или Матери, последователи которого после смерти полностью растворяются в праплемени, в силе крови и расы, считающихся единственными, обладающими истинным бытием. Однако этому пути противостоит солнечный путь или путь богов – deva-yana – называемый также нордическим, северным (тогда как первый – путь тотема – называют путем Юга). Этот путь мы также можем назвать олимпийским, и вступившие на него становятся бессмертными, становятся богами, и они «уходят, чтобы больше не вернуться назад».

Эти два противоположных типа служат ключом к нашей проблеме. Культура в истинном и высшем смысле – как в отношении отдельных личностей, так и в отношении народов – возникает только там, где преодолен уровень тотемизма, только там, где расовый элемент, даже понимаемый мистически, не является последней инстанцией; только там, где помимо крови проявляется сила высшего, метабиологического, духовного и «солнечного» типа, не исходящая из жизни, а, напротив, предопределяющая жизнь, и при этом изменяющая и преображающая ее, придающая ей форму, которой она ранее не имела, освобождающая ее от всяких примесей животности и прокладывающая различные пути для реализации различных типов личности. В этом случае этническая традиция не разрушается: она остается основанием, неотделимым от духовной традиции. В соотношении биологического и духовного фактора, именно второй является поддержкой первого, и никак не наоборот.

Это справедливо как в отношении народов, так и в отношении индивидуумов. Даже социология примитивных форм общества часто демонстрирует нам примеры самовыделения из племени особой группы, характеризующейся инициацией, и те, которые прошли ее, впредь подчиняются иному закону и пользуются высшим авторитетом. Главной отличительной чертой таких обществ является чисто мужской характер, принцип исключения женщин. Но именно таким образом дело обстояло и во всех великих традиционных цивилизациях: от Китая до Греции, от Рима до нордических праплемен и далее до ацтеков и инков. Везде аристократ характеризовался не тем простым обстоятельством, что у него были предки, а тем, что предки аристократа – в отличие от плебея, который также мог иметь предков и оставаться верным чистоте своей крови (и при кастовом режиме принцип наследственности распространялся не только на высшие касты, но и на низшие) – были божественными предками. Аристократы вели свой род от «полубогов», т.е. от существ, реально причастных к трансцендентным формам жизни и основавших то, что в высшем смысле этого слова можно назвать традицией; от существ, передавших своим потомкам обожествленную кровь и вместе с ней ритуалы, т.е. определенные операции, тайну которых хранили все аристократические семьи, и которые служили для открытия перед потомками пути к духовному завоеванию, впервые совершенному этими предками, и для постепенной актуализации скрытых потенций.

Традиционное отличие плебея от патриция состояло не столько в неимении предков, сколько в неимении ритуалов. В арийской иерархии отличие высших каст от низших состояло в основном во Втором Рождении. Арья в отличие от шудры (слуги) был дважды – «дважды рожденный». И показательно, что в Манавадхармашастре (11, 172) утверждается, что брахман, не прошедший инициацию, ничем не отличается от шудры. Точно так же в древнем Иране три высших класса характеризовались тем, что каждый из них соответствовал одному определенному небесному «огню». Нордические аристократы были аристократами потому, что в их жилах текла кровь Асов, «небесной» силы, находящейся в постоянной борьбе с существами стихий. И аристократизм великих средневековых институтов рыцарства, среди которых наиболее значимой была организация тамплиеров, был связан с инициацией. Одним из наиболее уязвимых пунктов учения Ницше является именно его биологический натурализм, который в большинстве случаев принижает и извращает его аристократическую идею, перенося ее на уровень «белокурой bestии».

Это существенно. Переходя от классов к расам, следует сказать, соответственно, что различие между расами обусловлено отнюдь не натуралистическими и биологическими факторами, а лежит гораздо глубже – это различие есть различие между расами, имеющими в своей крови гены господствующей «солнечной» элиты, и расами, не имеющими в крови ничего подобного, в которых доминирует смешение и связь с силами Земли, животного мира и коллективного, биологического наследия. В организации последних господствует тотемизм и полностью отсутствует как истинное различие, так и истинная личность. Культ растворяется в них в экстатически-пантеистической тоске или в лучшем случае в «религиозности» лунного, коммунистического типа.

Для нас различие между благородными расами Севера и расами Юга состоит только в том, что оно является не столько различием между расами, сколько различием между расой и сверхрасой. Каким бы скандальным это ни показалось современной профанической плебейской ментальности, но мы решительно утверждаем, что некоторые расы могут обладать божественным характером – в буквальном смысле этого слова – в противоположность другим, не имеющим в своей крови никаких сверхбиологических, и можно сказать, сверхчеловеческих факторов.

И с нашей точки зрения, учение графа Гобино имеет только видимость истины и не больше. Ухудшение качеств и факторов, составляющих величие расы, не является – вопреки его мнению – следствием ее смешения с другими расами, следствием ее этнического, биологического и демографического упадка. В действительности раса только тогда приходит в упадок, когда приходит в упадок ее дух, когда ослабевает то внутреннее напряжение, благодаря которому сохранялась ее изначальная форма и духовный тип. И только тогда раса, оторванная от своих тайных корней, изменяется и деградирует, тогда она теряет ту невидимую, непобедимую, преображающую добродетель, в силу которой другие расы, приходящие с ней в соприкосновение, не только не заражали ее, а, напротив, постепенно принимали форму ее культуры и увлекались ею, как мощным широким потоком.

Вот почему возвращение к расе для нас не может означать возвращение к крови – особенно в наши мрачные времена, когда восстановление должной расовой чистоты уже почти невозможно. Оно должно означать возвращение к духу расы, не в тотемистском, а в аристократическом смысле, т.е. к зародышу нашей «формы», нашей культуры.

Когда мы утверждаем возвращение к расе и к традиции, в центре этого утверждения стоит идея вождя. В своей солнечной индивидуальности вожди являются для нас конкретными реальными выражениями духа как расы и расы как духа. Они суть новое оживление самой праидеи, спящей в глубинах нашей крови, как принцип установления победоносной Формы над хаосом и животным миром, спящей в глубинах крови тех, кто сознательно или бессознательно, актуально или потенциально избежал тлетворной деградации. Вожди снова создадут внутреннее напряжение, пробудят к жизни «божественные» компоненты нашей крови. И это является магией власти, но не насильственной или тиранической, а королевской, магией действия «присутствия», непобедимого «деяния недеяния» – согласно выражению Дальневосточной традиции. Отсюда начинается путь к Новому Рождению. Разнообразные силы рода, с необходимостью склоняющиеся к фальсификации и разложению, лишенные внутреннего притока и сдерживаемые совокупностью материальных, этнических и политических условий, снова найдут тогда сакральное и живое единство и примут участие в высшей реальности: как тело животного, в которое вливается могущество души.

Любая апелляция к расе, не удовлетворяющая этим высшим требованиям, любая присяга в символах «расы», «народа» или «группы» лишь простому закону крови и наследственности означает не более и не менее, как возврат к тотемизму, склон-

ность к деградации до уровня социальной формы, присущей лишь низшему типу человечества. Именно к установлению такого порядка стремится социалистическая, демократическая и коммунистическая идеология – и Советы показывают нам пример осуществления этой идеологии, которая была разработана евреем (Марксом), и которая в рационализированной форме оживила древний, варварский, славянский коллективизм, став угрозой отравления для всех последних остатков традиционной Европы.

Но это отнюдь не является стремлением в будущее, – с идеальной точки зрения, – а стремлением в прошлое, стремлением к тому, что было преодолено созданием истинной традиционной культуры и Империи. Как бы ни окружали «социалистический» и демократический, националистический идеал блеском святости – он все равно остается, *mutatis mutandis*², отражением низших общественных форм анти-арийского и анти-нордического типа. И когда стремящиеся к этому идеалу течения требуют подчинения отдельных людей и даже высших духовных потенций праву наследства крови, они тем самым проповедают «мораль», ничем не отличающуюся от «морали», которую установило бы получившая сознание раса животных.

В противоположность нашей истине – повторим еще раз – подобные течения только усугубляют процесс инволюции и полностью отказываются от истинного утверждения. Они являются тем, что пробуждается в моменты усталости и бессилия, в моменты, используемые заключенным в Космосе элементом Хаоса. Они – это явления, возникающие тогда, когда эпоха более не может создать существ, в которых индивидуализируется, собирается и освобождается в трансцендентной, солнечной форме все напряжение, вся традиция высшей расы.

Отнюдь не демократическая или «националистическая» идея, основывающаяся на простой общности страны, крови или рождения, – а аристократическая идея традиции вождей должна быть основой и осью любого правильно понимаемого расового учения, основой и осью нашего Восстановления.

ЧАСТЬ IV. КОРНИ ЕВРОПЕЙСКОГО НЕДУГА

Мы уже говорили о том, что в современном мире сложилась такая ситуация, в которой бесполезно предаваться иллюзиям о возможности реального противодействия, не коренящегося в глубочайшем духовном перевороте. Излечиться от изнуряющего нас недуга можно только путем тотального отрицания, путем духовного взлета, который превратит нас в новое существо и даст нам возможность узнать новый мир, вдохнуть воздух новой свободы и который при этом должен разрушить все то, чем гордятся сегодня ничтожные люди Запада.

Сознавая, что наш мир – это мир развалин, мы должны снова обратиться к тем принципам, которые позволят нам выяснить причины такого положения вещей.

Первым корнем европейского упадка является «социализм», анти-иерархия.

Из этого развились следующие основные направления:

Кастовая деградация.

Засилье позитивистской науки и философии. Техника и иллюзия механического могущества. Новый романтический и активистский миф.

² «Внося соответствующие изменения» – лат.

Рассмотрим последовательно эти основные причины европейского упадка и противопоставим им наши иерархические ценности.

При этом мы представим в общих чертах иное мировоззрение и иную систему ценностей, которые должны быть тайной силой и душой нашей борьбы.

КАСТОВАЯ ДЕГРАДАЦИЯ – ДЕНЬГИ И ТРУД

Мы уже указывали на то, что, если нужно вывести закон, обобщающий «смысл истории» последних веков, то мы должны говорить не о прогрессе, а, напротив, об инволюции.

С этой точки зрения можно выделить один наиболее объективный и наиболее показательный процесс: процесс кастовой деградации. Начиная с доисторических времен «смысл истории» состоял именно в последовательном нисхождении четырех главных каст – 1) «солнечной» «королевско-сакральной» касты; 2) воинственной знати; 3) мещанства, «торговцев» и 4) рабов, – в которых в традиционных культурах и, в особенности, в арийской Индии, находила свое выражение качественная дифференциация человеческих возможностей.

Вначале произошел закат эпохи королевской божественности. Вожди, являвшиеся божественными существами, вожди, объединявшие в себе оба вида могущества, – королевскую и жреческую, понтификальную власть, – отошли в далекое, почти мифическое прошлое. Эта первая катастрофа произошла вследствие фальсификации культурной, творческой, нордическо-арийской силы. В германском идеале Священной Римской Империи мы видим последний отголосок этой традиции, этого «солнечного» уровня.

После исчезновения этой верховной касты власть перешла к низестоящей касте воинов. К этой касте принадлежали властители, являющиеся только военными вождями, господами временного правосудия, политически абсолютными правителями. Иногда кое-где еще сохранялась форма «божественного права», но лишь в качестве бессодержательной и пустой реминисценции. За государственным устройством, лишь формально сохраняющим аристократически-сакральные черты, часто уже в древности мы сталкиваемся с правителями именно такого типа. А после падения вселенского единства Средневековья это стало уже повсеместным явлением.

Второй катастрофой было падение аристократии, исчезновение рыцарства, «национализация» и деградация великих европейских монархий, которые вследствие революций и введения «конституций» – там, где они не были заменены другими формами правления (республикой, федерацией) – превратились в пустой, бессмысленный пережиток, подчиненный так называемой «воле нации». Сопровождающееся парламентаристскими, республиканскими или националистическими формами демократии установление капиталистической олигархии знаменует собой переход власти и авторитета от второй касты к современному эквиваленту третьей касты, от воинов к торговцам. Вместо могущественного принципа верности и чести появляется новое учение об «общественном договоре». Социальный союз является только утилитарным и экономическим союзом: он является соглашением, выработанным в соответствии с интересами и выгодой отдельных лиц. Таким образом, этот союз с необходимостью от личного переходит к безличному. Деньги становятся при этом главным посредником, и тот, к то сможет завладеть ими и максимально увеличить их количество (капитализм, индустриализм), тот, уже в силу самого этого факта, потенциально получает в свои руки бразды правления. Место аристократии занимает при таком порядке плутократия, а место воинов – банкиры, евреи и промышленники. Торговля со своими процентами, сконцентрированная ранее в гетто, становится славой и высшей точ-

кой последней эпохи. Тайная сила социализма, анти-иерархии начинает открыто заявлять о своем могуществе.

Кризис мещанского общества, пролетарское восстание против капитализма, манифест «Третьего Интернационала» и последующая постепенная организация масс и групп в чисто коллективное и механизированное существо – в форме новой «культуры труда» – возвещают нам близость третьей катастрофы, вследствие которой вся власть грозит перейти к последней традиционной касте, к касте рабов и людей толпы: вместе с соответствующим ограничением всех горизонтов и ценностей уровнем количества и материи.

Если сверхчеловеческая духовность и «Слава» характеризовали «солнечный» период, героизм, верность и честь – период проявления воинов, а деньги – период власти евреев и торговцев, то рабы с приходом к власти должны установить свой рабский закон: труд, возведенный в степень религии. И ненависть рабов садистически провозглашает: «Кто не работает, тот не ест»; и их тупость, прославляя саму себя, готовит священный фимиам из чада человеческого пота: «Труд облагораживает человека», «Труд – это величие», «Труд – это этическая обязанность». Итак, каста рабов и эпоха труда окончательно заставляет человечество сойти в могилу, и цикл деградации завершается окончательно.

Именно такой идеал готовит будущее жрецам «прогресса». А сегодня еще продолжается борьба между евреями, всемогущими обладателями денег, и восставшими рабами-пролетариями. Та «культура», которой так гордятся современники, еще более способствует функционированию чудовищного механизма, приводимого в движение грубыми, безличными силами: силами денег, капитала, машин.

И цепи зависимости отнюдь не ослабли, напротив, они стали более крепкими. Но власть теперь более не соответствует авторитету, подчинение признанию, а ранг превосходству. Господин носит это имя более не потому, что он – господин, а потому, что он имеет больше денег, даже если в действительности он видит лишь узкие горизонты повседневной жизни, которые полностью детерминированы материальными условиями. И при этом он еще имеет возможность подчинить себе и обезвредить тех, кто обладает несравненно более могущественным духом, нежели он сам: возможность подлого обмана и гнусного порабощения. Могущество и узы зависимости, обезличившись и механизировавшись, превратились в капитал и машины. И это не парадокс: об истинном рабстве стало возможным говорить только сейчас, – и говорить о нем значит говорить о современной хозяйственно-механической иерархии Запада, идущей по пути огрубления, прекрасным примером которого является «свободная» Америка.

И возможно, что уже через несколько поколений, воспитанных на научных правилах «социальных служб», смысл индивидуальности будет уничтожен полностью, а вместе с ним и последние остатки сознания, необходимого для того, чтобы хотя бы смутно понимать, что такое рабство. И, быть может, тогда наступит состояние обновленной невинности, отличающееся от невинности мифического Эдема тем, что только труд станет той единственной и всеобщей жизненной целью, о которой в «Бесах» Достоевского говорил Шигалев, – и это идеал Советов.

Полная социальная зависимость при отсутствии истинных вождей, организация, лишённая всякого качественного начала – такой «социальный» идеал реализуется сегодня с помощью грубой, безличной, чисто количественной силы денег.

Мы сказали «при отсутствии вождей». Мы не оговорились. Повторим, что, если род вождей и не исчез полностью, то это, во всяком случае, произойдет очень скоро. И все устремится в торопливом крещендо к нивелированию материальной и безличной жизни. Так называемые «высшие» или «правлящие» классы – это сегодня звучит как

ирония: заправили интернациональных финансовых организаций, а также промышленники и чиновники, являются в действительности не более, чем вольноотпущенниками, которых господа отправили присматривать за своими слугами и управлять своим хозяйством. И это ярмо надето на гигантскую, слепую, автоматизированную массу рабочих и служащих. Но даже над этим уровнем не веет свободный воздух ни для рабов, ни для вольноотпущенников, надсмотрщиков над рабам и – все это не принадлежит никому, и в этом ужасная истина «цивилизации»!

И как суетливый и лихорадочный, насыщенный обязанностями день господина денег и машин внутренне бесконечно более стеснен, зависим и убог, нежели день простого ремесленника – так же дело обстоит и у «высших» классов, которым деньги служат только для того, чтобы их жажда «развлечений», комфорта, удовольствий или дальнейшего накопления денег переросла в патологию и болезнь.

И во всем этом никаких следов господства. А при его отсутствии и никакого смысла во всей этой псевдо-организации. Спросите у миллионов запертых в бюро и прикованных к машинам людей: «Зачем?»; спросите у них: «Чем все это оправдывается?». И кроме эфемерного стремления подражать «респектабельности» высших классов вы не получите никакого ответа. И если подняться выше и спросить о том же у «заправил экономики», у избирателей, у господ стали, нефти, угля, народов (разве мы не видим, что политические проблемы сегодня ограничиваются одной экономикой?!), золота – снова никакого ответа. Средства к жизни стали сейчас важнее, чем сама жизнь. Да, они превратили жизнь в свое средство. И вот великие сумерки поглотили свет чудесной иллюзии «западной» гордости; сумерки новейшего и чудовищнейшего мифа: мифа о работе во имя самой работы, мифа о работе как о самоцели, как о единственной ценности и всеобщем долге.

Несметное количество людей на отравленной, обезличенной Земле, людей, опустившихся до уровня простого количества – чистого количества!; людей, уравненных в материальной идентичности зависимых частей предоставленного самому себе механизма, который не останавливается, и с которым никто ничего не может поделать – такова картина, открывающаяся за хозяйственно-промышленным увлечением, охватившим весь Запад.

И тот, кто ощущает, что это означает конец жизни и начало царствования грубых законов материи, триумф того рока, который особенно страшен тем, что он безличен, тот ощущает также, что осталось только одно лекарство: разбить семитское ярмо денег, преодолеть фетиш социальности и закон взаимной зависимости, возродить аристократические ценности, те ценности качества, дифференциации и героизма, тот смысл метафизической реальности, которым противоречит сегодня все, и которые мы, однако, вопреки всему отстаиваем.

И поэтому: только тогда, когда революция понимается как революция против хозяйственной тирании, против такого положения вещей, при котором правит не индивидуум, а груды золота, при котором забота о материальных условиях существования уничтожает само существование; только тогда, когда стремление к хозяйственному равновесию имеет целью создать основу, способствующую освобождению и развитию различных форм жизни – тогда и только тогда мы можем признать за определенными крайними революционными течениями некоторую оправданность и возможность будущего успеха.

Причина отсутствия в современной жизни качественной дифференциации кроется в том обстоятельстве, что для активности, не ведущей непосредственно к практической выгоде и не служащей на благо «обществу», сегодня фактически не осталось места. Хозяйственные предрассудки продолжают нивелирование. Они все уравнивают, так как в деньгах и в хозяйственно-механической иерархии нет и не может быть никакой качественной дифференциации: все здесь находится на одном и том же

уровне, все имеет одно и то же качество. И помимо этого уровня, взятого в тотальности всех его возможных модификаций, необходимо, чтобы наличествовали иные уровни, которых, однако, сегодня нет: иные уровни, совершенно независимые и подчиняющие себе хозяйственный уровень, а не наоборот – не так, как это происходит в современном обществе.

Поэтому когда гипертрофия этой болезни в чудовищном банко-промышленном тресте присваивает себе название «империализм», мы не можем не улыбаться. И хладнокровное утверждение идеи радикальной революции против власти золота, капитала, машин, процентов и мифа труда неизбежно должно являться предпосылкой истинной Империи. Отмечая эту линию, которая проходит через все революционные идеологии как признак восстания против современного рабства, мы идем дальше и утверждаем, что она сама страдает тем же недугом: она сама остается лишь на уровне хозяйственных и социальных проблем, она не ставит своей целью освобождение от хозяйственного ига во имя дифференцированных, сверх-экономических и метафизических ценностей, освобождение, при котором избавленные от хозяйственного рабства глубинные силы снова смогли бы выйти на поверхность – напротив, ее целью является лишь «социалистическое» освобождение, т.е. просто улучшенная систематизация тех же хозяйственных проблем, определяющихся чисто материальными и утилитарными потребностями масс. Отсюда недоверие, нетерпимость и скрытая злоба в этих тенденциях по отношению ко всему «духовному» и «интеллектуальному» как к «ненужной роскоши»: вне хозяйственного уровня они не видят и не хотят ничего замечать, с тем же духом плебейской нетерпимости, который уже проявился во времена падения Рима.

Против этого первого корня европейского недуга необходимо бороться двумя видами оружия. О первом виде мы не будем широко распространяться: он состоит в создании элиты, в строгом и жестком выработывании из недифференцированной субстанции сегодняшних индивидуумов новых отличий, новых интересов и новых качеств. И при этом должна возродиться аристократия, поколение господ и повелителей. И это прежде всего.

Во-вторых, нам необходимо восстание, принципиальная революция, которая освобождает нас от машин, от внешней, неорганичной, автоматической и насильственной зависимости, которая сбросит еврейское хозяйственно-капиталистическое ярмо, которая осмеет обязанность труда, возведенную во всеобщий закон и поставленную как самоцель, которая освободит нас, которая вскроет отверстие для воздуха и света, чтобы на основе этой свободы – не через насилие, не через спекуляцию на потребностях, не через игру на жалости, интересах и амбициях, а через спонтанное осознание, порожденное ощущением ценностей и сверхрациональных сил, порожденное верностью особому виду бытия, знанием природы, достоинства и качества создать иерархию. Органичную, прямую, реальную иерархию: более свободную и более строгую, нежели какие-либо другие.

И как при этом не увидеть, что действительность Прошлого является одновременно пророческим мифом лучшего будущего? Возврат к кастовой системе есть возврат к системе истины, оправданности и формы в высшем смысле этих понятий.

В кастах мы видим идеал общности активности, призвания, крови, наследия, законов, прав и обязанностей, точно соответствующий типам человеческого бытия, органичным проявлениям близких по духу натур. Предпосылкой такой общности служит непосредственно воля человека быть тем, кто он есть, качественная воля к реализации своей особой природы и особой судьбы, и при этом заглушаются все индивидуалистические и карьеристские поползновения – принципы любого беспорядка и любой дезорганизации. В кастах осуществляется преодоление количественной схожести, централизации и стандартизации. Касты являются базисом социальной иерархии, прямо отражающей иерархию типов бытия, ценностей и качеств, восходящих

постепенно от материального к духовному, от бесформенного к обладающему формой, от коллективного к универсальному.

Древняя Индия показывает нам совершенный образец этого идеала, который также, только в различных формах, встречается и в других культурах, вплоть до культуры нашего нордическо-римского Средневековья.

И наша отправная точка не может быть никакой иной. В самом низу иерархии стоит здоровое трудолюбие низших классов (шудры), не анархизированных демагогической идеологией и управляемых сведущей в товарообмене и торговле, упрощенной, за счет упрощения потребностей, хозяйственно-промышленной организацией (вайшьи). Над ними стоят кшатрии, воинственная знать, осознающая ценности и цели войны, в героизме, в славе и в триумфе которой пылает высшее оправдание всего народа. Над кшатриями стоят брахманы, солнечный род духа и мудрости, те, которые «видят» (rshi) и «могут», и их жизнь является свидетельством того, что мы не принадлежим к этой темной Земле, и что наши жизненные корни теряются в вышине, в блеске «Небес». И надо всем этим, как миф и граница, высится идеал Чакраварти, «Короля Мира», невидимого Императора, обладающего оккультной, всемогущей и безусловной силой.

НАУКА ПРОТИВ МУДРОСТИ

Подобно тому, как могущество, обезличившись и социализировавшись, стало деньгами, капиталом, так и Мудрость, обезличившись и социализировавшись, стала «рассудочностью», «рациональностью». И это второй корень европейского недуга.

Как философия, так и позитивная наука Запада являются по своей сущности социалистическими, демократическими, анти-иерархическими. Они понимают под «истинным» то, с чем каждый может согласиться, то, что каждый – так как предполагается, что все живут одинаковой жизнью и имеют одну и ту же конституцию – может признать. Так же, как политическая демократия устанавливает критерий «большинства», так и современная наука утверждает равенство и подчиняет критерию количества все принадлежащее к области качества, его нередуцируемость, его приоритет.

И не следует выдвигать новые индивидуалистические или релятивистские учения, так как сам способ их выдвижения, который с необходимостью окажется абстрактным приемом профанической философии, уже выдает то, что они основываются на демократических, безличных, коллективистских предпосылках, являющихся общими предпосылками всей этой философии. Следует идти совершенно иным путем. – Если вы не хотите впасть в заблуждение, утверждая такой Империализм, который вместо того, чтобы быть образованным посредством иерархии, будет в качестве оправдания прибегать к признанию народа, то надо в первую очередь вступить в борьбу с самими этими предпосылками. И тогда вы начнете понимать – с каким врагом вам предстоит бороться. И тогда вы начнете понимать тот ужасающий факт, что вся сегодняшняя «культура», а не только «общественный строй», является демократией. И тогда вы начнете понимать, от чего вы должны отречься, чтобы восстановить свое здоровье.

Как деньги являются реальностью безразличной по отношению к качеству индивидуума, который ими обладает, так же дело обстоит у современных людей и со «знанием». Подчиняясь воле к равенству, к анти-иерархической нетерпимости и, следовательно, к социалистическим предрассудкам, знание европейцев с необходимостью должно быть обращено к тому, в чем действительность индивидуального различия и обусловленности, активная индивидуальная дифференциация сведена к минимуму. Поэтому обычно в первую очередь апеллируют к физическому опыту, приблизительно-

но одинаковому у всех людей постольку, поскольку они являются «человеческими животными» («позитивистская» наука) или к миру абстракций и вербальных условностей (философия и рационализм).

Социализация знания с необходимостью привела к возникновению таких абстракций, и она создала непреодолимую пропасть между самим знанием и жизнью, между мыслью, бытием и тем, что является качеством явления и «метафизической» реальностью. И мысль на Западе, будучи сведена до инструмента, описывающего условную, наиболее внешнюю, общеколичественную и однообразную сторону материальных вещей, превратилась сейчас в созидательницу ирреальности, «наглядно представляемых» слов и пустых логических схем, даже там, где она еще не полностью растворилась в псевдоинтеллектуальном спорте. И она тем смехотворнее, чем больше в ней веры в собственную значимость.

Отсюда вся ирреальность современного духа: отделенный от жизни, человек сегодня – это только тень, мечущаяся между схемами, программами и интеллектуальными надстройками, неспособными подготовить его к реальности и к самой жизни. И в то же время он становится все более зависимым от науки, ведущей от абстракции к абстракции и являющейся рабой феноменологических законов, которые открыты, но непонятны, и которые полностью исчерпываются описанием механической поверхности и не открывают никаких духовных возможностей и не несут в себе никаких ценностей для внутреннего бытия человека.

Из-за ограничений, накладываемых на нас темой данной работы, мы не можем разобрать этот вопрос более подробно. Однако не следует думать, что он не относится к проблеме Империи: мы утверждаем, что проблема Империи является проблемой *par excellence*, и что, напротив, нет никакой возможности рассматривать ее самостоятельно, в отрыве от всех остальных проблем. Партикуляризм, взаимная несвязанность различных форм человеческой деятельности – здесь политика, там наука, здесь практика, там религия и т.д. – является еще одной отличительной чертой европейского упадка и несомненным симптомом полной неорганичности европейской культуры.

На знании должна основываться имперская иерархия: «Править должны знающие», как сказал Платон – и это является центральной, абсолютной, конечной точкой любого разумного порядка вещей. Но ничего не может быть смешнее, чем смешивание такого знания с технической компетенцией, «позитивной» наукой или философскими спекуляциями: оно скорее совпадает с тем, что мы назвали Мудростью, в том смысле, в котором ее понимали на классическом Западе и на Востоке. И если Мудрость есть нечто в высшей степени аристократическое, индивидуальное, реальное, субстанциальное, органичное и качественное, то знание современных «цивилизованных» людей есть нечто демократическое, социальное, универсалистское, абстрактное, нивелированное и количественное. И снова здесь два разных мира, две разные перспективы, два разных воззрения, которые абсолютно противоположны и несовместимы друг с другом.

Знать, согласно Мудрости, – это не означает просто «думать», а, напротив, это означает быть познанной вещью: жить ею, внутренне реализовывать ее. Тот, кто в действительности не знает вещи, тот не может активно преобразить в ней свое сознание. И поэтому только то, что получено непосредственно из индивидуального опыта, можно считать знанием или познанием. И современному мышлению, согласно которому все то, что испытано непосредственно самим индивидуумом, является «феноменом», «субъективным» взглядом, и которое за этим как «истинную реальность» воздвигает нечто иное, лишь «мыслимое и предполагаемое» («вещь в себе» философов, «абсолют» профанической религии, «эфир» или «энергия» науки), противостоит мудрость абсолютной духовной позитивности, называющей реальным только

то, что может быть испытано путем прямого опыта, а все остальное считающей ирреальным, абстрактным, иллюзорным.

Могут возразить, что, с этой точки зрения все знание будет ограничиваться конечными, случайными, физическими вещами – в действительности так и обстоит дело, и оно должно обстоять именно так для большинства людей. Только полностью отказавшись ото всех современных «научных» псевдообъяснений, обычные люди могут сказать о себе, что они действительно нечто знают. Но на более высоком уровне мы встречаемся с возможностью таких форм опыта, которые в корне отличаются от чувственного опыта обычных людей, которые не являются ни «данностью», ни «нормальностью», и которые достигаются только путем определенного активного процесса внутреннего преобразования. Особенность таких трансцендентных опытов (символами которых у традиционного человечества являлись «Сверхмир», «область Бытия», «Семь Небес», «Огненные Сферы» и т.д.) состоит в том, что они являются непосредственными, конкретными и индивидуальными, как и сам чувственный опыт, и одновременно с этим охватывают иную реальность, нежели реальность случайной, пространственно-временной стороны бытия, к которой относится все чувственное. Выйти за эту грань бытия пытается и сама наука, чтобы ценой полного отрицания того, что действительно является знанием – т.е. индивидуальной и живой очевидности – лишь прикоснуться к иному через несостоятельные гипотезы, смутные уподобления и абстрактно разъясненные принципы.

Именно в этом смысле мы говорим о «метафизической» реальности. Но надо твердо понять, что при этом мы имеем дело с опытом и только с опытом. С точки зрения Традиции, не существует конечной реальности и абсолютной реальности, а существует только конечный способ и абсолютный способ постижения реальности, конечный взгляд и абсолютный взгляд. Вся так называемая «проблема познания» заключена внутри каждого существа. Она зависит не от «культуры», но от способности освободиться как от всего человеческого, так и от всего чувственного, рационального и эмоционального и идентифицироваться с той или иной формой «метафизического» опыта – в соответствии с иерархией, которая восходит к кульминационной точке состояния совершенного отождествления, духовного прозрения, полной сверхчувственной актуализации вещи в «Я» и «Я» в вещи; состояния внутреннего могущества в отношении и этой вещи и одновременно состояния абсолютной ясности в отношении ее внутренней природы; состояния, наличие которого не оставляет желать ничего сверх него, и в котором вся деятельность разума предоставляется излишней и бессмысленной, не говоря уже о словах.

В этом, в общих чертах, и состоит смысл той Мудрости, которая является осью метафизического учения и традиционной духовной науки (обряд инициации изначально как раз и призван был осуществлять необходимое для «знания» и метафизического «видения» преобразование сознания), и традиция передачи Мудрости, хотя и по подземным артериям, сохранилась на Западе и после семитизации и падения его античной культуры. Следует уяснить себе, что священная наука Мудрости не является профаническим «мышлением»; напротив, она является бытием, и ей нельзя научиться читая книги и обучаясь в университетах, ее нельзя передать в словах. Чтобы постичь ее, необходимо преобразиться, чтобы постичь ее необходимо суметь перейти от обычной жизни к высшей жизни. Она зависит непосредственно от качества и реальности индивидуального бытия и является его неотъемлемой привилегией и органичной частью, а отнюдь не понятием или мыслью, которые человек может взять себе в голову так, как он засовывает вещь в мешок, абсолютно не изменяясь и не перестраивая в них самого себя. Отсюда естественный аристократизм Мудрости. Отсюда ее решительная невульгаризуемость, непередаваемость. Следующим «табу» для европейцев является собственно возможность передачи знания: они убеждены, что ментальное бытие и его словесное выражение – это одно и то же. Они не понимают, что, если и можно передать интеллектуальные абстракции, основанные на физическом опыте, который приблизительно одинаков у всех, то там, где эта одина-

ковость прекращается, там, где снова утверждено качественное различие, дискурсивная передача полностью теряет смысл.

Основываясь только на очевидности реального опыта, намного превосходящего опыт обычных людей, Мудрость открывает один единственный путь: посредством свободного и творческого действия достичь того уровня, на котором открывается смысл учения, чтобы через опыт узнать, что стоит за словами других, и что остается только словами. Против социализации и обезличивания знания, против демократической склонности к «вульгаризации», к сведению высшего до уровня низшего, чтобы оно стало доступно всем, не изменяя и не возвышая при этом никого, мы непримиримо выдвигаем противоположное аристократическое утверждение: иерархия должна быть и в самом знании, должно существовать много истин, отделенных друг от друга глубокими, широкими, непроходимыми бороздами, много истин, точно соответствующих качеству жизни и потенциам различных индивидуумов. Должна существовать аристократия знания, и демократическая, униформистски понимаемая «универсальность» не должна более являться критерием. Мы не можем опускаться до подобных критериев, напротив, они должны возвыситься до нас и сделаться реальными, серьезными, – в согласии с их местом в иерархии, – если они хотят принять участие в высших и метафизических формах, которые являются критерием как для них самих, так и для низших и физических уровней.

Мудрость порождает свободу, предоставляет открытое поле для действий, дает возможность дышать. В социализированном знании вместо этого всегда скрыто «ты должен», тайная, бескомпромиссная, моральная обязанность: то, что является «научной» или «философской» истиной, должно быть – постольку поскольку она истина – признано каждым. И этим полностью закрывается возможность иметь какие-либо иные мнения.

Как выражение коллективного деспотизма такое знание хочет деспотично править над всеми индивидуумами, делая их равными по отношению к нему самому. И именно на базе этого желания оно организуется, выковывает свое оружие, основывает свои доказательства, вырабатывает свои методы и поддерживает свою власть. В Мудрости, напротив, индивидуум освобожден, реинтегрирован, возвращен самому себе. Он имеет свою истину, являющуюся точным и глубоким выражением его жизни, с помощью которой эта жизнь познается и выражается особым, присущим лишь этому индивидууму образом, причем, все другие различные образы этого познания и выражения отнюдь не исключают и не противоречат его собственному. Все они возможны при дифференциации, на которой покоится иерархия Мудрости.

И этим сказано достаточно по поводу второго корня европейского недуга и пути избавления от него. Уже из этих замечаний становится ясным, почему «править должны знающие». В области Мудрости иерархия знания связана с иерархией силы и превосходства индивидуумов. Знание есть Бытие, Бытие есть возможность, могущество, почему оно и несет в себе спонтанно достоинство Империи. Это и есть основание традиционной идеи «Царствия Божьего».

И этому противостоит, повторим еще раз, вся Европа со своим столетним наследием и организацией: всему этому противостоит, как мы уже сказали, мир профессоров, «интеллектуалов», слепых провидцев, «образованный», академический мир университетов, который в своих нелепых притязаниях на знание и дух только показывает до какой степени может дойти упадок и абстрагирование современного человека.

ТЕ, КОТОРЫЕ ЗНАЮТ, И ТЕ, КОТОРЫЕ ВЕРЯТ

Но существует и еще одна великая узурпация: та, которую совершила религия – в узком и современном смысле этого слова – узурпация области «священного» и «божественного».

Священное и божественное – это предмет веры: эта истина была навязана Европе за последние века. Наша истина – иная: лучше знать, что ты ничего не знаешь, чем верить.

В современной ментальности существует один центральный пункт, в котором положения материалистической науки совпадают с религиозными воззрениями: они совпадают в одном и том же отречении, в одном и том же пессимизме, в одном и том же агностицизме в отношении духовного, неприкрыто и методично в одном случае, неявно в другом.

Предпосылкой материалистической науки служит в действительности то, что наука – в смысле реального, позитивного, материального знания – компетентна только в физических вещах. Применительно к тому, что не является чисто физическим, не может быть никакой науки, научные методы там абсолютно неприменимы, и наука передает это, в силу своей собственной некомпетентности, вере, мертвым и произвольным абстракциям философии или сентиментальным и «моралистическим» разглагольствованиям.

Религия, в свою очередь, исходя исключительно из веры, и не допуская никаких эзотерически-инициатических учений, кроме профанической, доступной для масс доктрины, никакого гнозиса, кроме ханжеских суеверий, совершает то же самое отречение. В действительности, человек верит только тогда, когда он ничего не знает и думает, что так и не сможет никогда ничего узнать. И при этом он впадает в тот же агностицизм «позитивистов» по отношению ко всему тому, что не является материальной и доступной органам чувств реальностью.

Мы же, основываясь на гораздо более древней и более истинной традиции, нежели традиция, оправдывающая «веру» западных людей, на традиции, засвидетельствованной не в книгах, а в деяниях могущества и ясности, мы остаемся верными возможности и истинной реальности того, что мы называем Мудростью. Это означает, что мы остаемся верными той идее, что и в «метафизической» сфере возможно такое же позитивное, прямое, методичное, экспериментальное знание, как и опытное знание науки в физической области. Такое метафизическое знание стоит выше веры, выше всякой морали и выше всякой человеческой философии.

И мы утверждаем, что во имя этой Мудрости и во имя обладающих этой мудростью, необходимо разоблачить и сорвать маски с тех, кто в области религиозных суеверий, в силу простого «волнения души», в силу догм и обычаев, в силу галлюцинаций и действия слепой веры, провозгласили себя единственными хранителями священного и божественного. Они являются узурпаторами тех, которые знают, и, следовательно, тех, которые могут, тех, которые есть – как человеческие боги, которых знали и чтити во всех великих античных традициях.

В контексте всего нашего изложения, в контексте формулировки тех принципов, которые должны лечь в основу борьбы против демократии, против современной Европы и ее декадентской культуры, мы должны центральное место отвести именно уяснению того, что в действительности является Мудростью. Без утверждения необходимости синтеза двух видов могущества, сакрального и светского, жреческого и царственного, в единой максимально индивидуализированной иерархии, наши имперские проекты не могут быть ни поняты, ни оправданы. Более того, без этого непонимание и искажение нашей мысли будут неизбежными. Но как только будет понятно,

о чем здесь идет речь, наше утверждение о том, что мы, негибкие и радикальные сторонники Империи, должны начинать отнюдь не с религиозной иерархии (противоречащей гностической и инициатической), будет оправдано и обосновано. Религиозная иерархия, становясь во главе материальной и чисто светской организации, на самом деле вообще не способна ничего исправить. Она в таком случае лишь породит пустую оболочку форм, смутные фантазии, основанные на слепой вере и на человеческих сентиментах, огрубив свои противоречивые догмы, символы и обряды, заимствованные из других традиций и постепенно утратившие всякий смысл. Короче говоря, такая чисто религиозная иерархия не будет той высшей, солнечной, основанной на могуществе реальностью, которую мы язычески понимаем под духом, напротив, она будет абсолютной ирреальностью, антиарийской и анти-римской риторикой, питающей, при переходе в этическую область, все то, что женственно, «романтично» и трусливо в европейской душе. Итак, нам необходимо полное преодоление как религиозного ирреализма так и материалистического реализма посредством трансцендентной, мужественной, олимпийской позитивности.

МЕХАНИЧЕСКАЯ СИЛА И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ МОГУЩЕСТВО

Третья европейская иллюзия – это механическое могущество, которое является следствием технического приложения профанической науки. Это могущество большинства современных людей единодушно считает гордостью и триумфом западной цивилизации. Что касается демократии, на основе которой покоится идеал «универсальности» западной науки, и которая явно выражается в социалистических и нивелирующих притязаниях семитской веры, то мы можем увидеть ее правозвездие уже в сократическом методе и в некоторых аспектах последующего греческого интеллектуализма. Присоединяясь в этом вопросе к точке зрения Ницше, мы рассматриваем их как первых посланцев иудео-христианского духа, так как только в этом духе мы видим в высшей степени конкретное и несомненное проявление универсализма и нивелирования. Сама греческая культура отражала скорее, напротив, аристократическое понимание знания, и ее основные мотивы были почерпнуты непосредственно из традиции Мудрости. Учение о том, что условием реального знания является действительная активная личная инициатива в совокупности с традиционным могуществом «ритуала», и что такое знание отнюдь не является делом разума и еще менее – если мы перейдем к другому аспекту – делом веры и чувства, есть основная тема классического мира, вплоть до неоплатонизма. В пассивной позиции приверженцев новых верований, в их ненависти к любым героическим методам и к автономной дисциплине индивидуума, понимаемых как путь к «гнозису», к реальному духовному опыту, – в скрытой нетерпимости учений об «откровении», «милости» и о порочности прямой, конкретной, основанной на чисто человеческих силах инициативы, – преобладает тема капитуляции перед роком, тема, которая, в совокупности с демократическим и нивелирующим пафосом равенства, является плодом влияния христианства, породившего социализированное, неорганичное, безличное сугубо современное знание. Помимо дурного универсализма, в современной науке есть еще один, намного более глубокий принцип, привнесенный христианством – мы имеем в виду идею дуализма. В современной науке природа мыслится как нечто неодушевленное, поверхностное, отдельное от человека. Ее покорение, вернее, мнимое покорение, представляется как познание реальности в себе, полностью независимое от познающего и его духовного мира. За всем этим явно проглядывается ирреалистическая религиозная позиция и противоречие языческому мировоззрению. Здесь речь идет о противопоставлении духа действительности. Здесь речь идет о дуализме: духовная субъективность против природной объективности. Здесь речь идет об утрате смысла того, что является духовной объективностью. При принятии этой точки зрения природная реальность представляется чуждой, немой, бездушной, поверхностной, материальной – и именно такая природная реальность служит предметом изучения новой науки, профанической науки Запада.

Хотя языческое мировоззрение и не исчерпывалось натурализмом, – как утверждает сегодня некоторые либо некомпетентные, либо сознательно извращающие истинный смысл вещей люди, – хотя ему и было известно об идеале мужественного преодоления и абсолютного освобождения, тем не менее в согласии с ним мир был живым телом, пронизанным таинственными, божественными и демоническими силами, полным смыслов и символов: «чувственным выражением невидимого», по словам Олимпиадора. Человек жил тогда в органичной бытийной связи с силами мира и Сверхмира, так что он мог бы по праву сказать о себе, в согласии с герметическим выражением, что он есть «все во всем, составленный из всех сил»: именно эта идея пронизывает арийско-аристократическое учение об «атмане». И именно на основе этого мировоззрения развивалась совершенная, законченная, сакральная традиционная наука.

Христианство нарушило этот синтез, создало трагическую пропасть. С одной стороны, дух «потустороннего», ирреального, субъективного – первый корень европейской абстрактности. С другой стороны, идея природы – материи, замкнутой в себе поверхности, загадочного феномена – сделало возможным профаническую науку³. И как полученное посредством мудрости внутреннее прямое интегральное знание заменилось внешним, интеллектуальным, дискурсивно-научным и профаническим, так и место органичной, бытийной связи людей с сокровенными силами природы, которая была основой традиционного ритуала, могущества жертвы и самой магии, заняли поверхностные, опосредованные, насильственные отношения машин и техники. Таким образом, сама семитская революция содержала в себе зародыш механизации жизни.

В машине мы видим безличную, нивелирующую силу науки, которая и породила ее. Как деньги являются сегодня механизированной и безличной стороной зависимости, как современная культура обладает универсалистским, глухим ко всему знанием – так и в мире машин мы видим безличную, неорганичную силу, покоящуюся на автоматизме и выполняющую одни и те же действия абсолютно независимо от того, кто ей управляет. Полная имморальность такой силы, которая принадлежит всем и никому, которая является ценностью, которая не имеет оправдания и которая может сделать человека могущественным вне зависимости от его реального превосходства, очевидна. Из этого также следует, что такое положение вещей возможно лишь потому, что при таком порядке не может быть и тени истинного и свободного действия: ни одно следствие в мире техники и машин не может быть непосредственно зависимым от «Я» как от причины. Между ними существует, как условие действия, целая детерминированная система законов, которая может быть описана, но не может быть понята, и которая не выходит за рамки индивидуума, за рамки чисто индивидуального могущества. Да, в своем знании феноменов, в своем окружении бесчисленными дьявольскими машинами индивидуум сегодня еще более убог и бессилён, чем когда-либо, более обусловлен и ограничен, нежели сам способен обуславливать и ограничивать. При этом он вынужден желать ограничиваться минимумом и постепенно подавить ощущение самого себя, неугасимый огонь индивидуального бытия в усталости, в капитуляции перед роком, в разложении.

³ Нас нельзя обвинить в односторонности или в партийной предвзятости, приводя в пример различные формы дуализма, известные восточному миру. Ни одна из этих форм не имеет ничего общего с дуализмом христианским. Платон также знал об «Ином», но это «Иное» рассматривалось им как нечто несуществующее, как нечто непостижимое и иллюзорное, а не как реальность в себе, и сама идея материи появилась в Греции впервые лишь у поздних стоиков. Восточная магия также не имеет отношения к дуализму, так как она утверждает наличие духовного присутствия в вещах, чувственный аспект которых является лишь покровом скрывающим сущность. Иранские учения также говорят о борьбе двух космических сил, но они находятся на одном и том же уровне и стремятся к синтезу, который произойдет за счет окончательной победы одной над другой. Простая, бездушная и лишенная «Я» природа появилась только тогда, когда дух условно был помещен в абстрактное «потустороннее», т.е. когда возобладало иудео-христианское сознание.

Даже если ему и удастся с помощью открытых его наукой «законов», которые в наших глазах являются простыми статистически-математическими абстракциями, создать или разрушить мир – все равно его реальное отношение к различным событиям при этом, строго говоря, не изменится: огонь так же будет жечь его, органические трансформации будут так же помрачать его сознание, время, страсть и смерть так же будут устанавливать над ним свои законы – в общем, он останется тем же существом, что и раньше, погруженным в ту же случайность, что и раньше, т.е. он будет так же занимать место в иерархии существ, которое соответствует человеку вместе со всем тем, что является чисто человеческим.

Преодоление этого уровня, интеграция самого себя, осуществление деяния освобождения не под, а над природным детерминизмом, не среди феноменов, а среди причин феноменов, прямо, с легкостью и правом того, кто обладает превосходством – таков путь к истинному могуществу, который тождественен пути к самой Мудрости: потому что там, где «знать» означает «быть», там уверенность означает могущество. Но такая задача, в первую очередь, требует преодоления дуализма, восстановления языческого понимания природы – того живого, символического, мудрого понимания, которое было знакомо всем великим культурам древности.

Когда призрачный современный человек снова станет реальным, и когда он восстанавливает контакты и симпатии с тайными силами природы, тогда ритуал, символ и сама магия перестанут быть простыми «фантазиями», как называют их сегодня те, кто, ничего о них не зная, считают их простыми предрассудками, преодоленными наукой, тогда человек узнает то могущество, которое является оправданностью, санкцией достоинства, естественным атрибутом интегрированной жизни, ее органичной, индивидуальной, неотъемлемой частью.

Повторим еще раз то, что мы сказали вначале: Европа создала мир, который во всем является неизлечимой, абсолютной антитезой традиционному миру. Никаких компромиссов не существует, примирение невозможно. Оба мира стоят друг против друга, разделенные бездной, всякий мост через которую есть чистая иллюзия. И семитизированная цивилизация мчится в головокружительном темпе к своему логическому завершению – и даже не желая быть пророками, мы вынуждены заметить, что это завершение не заставит себя долго ждать.

Те, кто предвидят это завершение и ощущают весь заключающийся в нем абсурд и трагизм, должны набраться мужества и сказать НЕТ всему.

Все – это сегодняшний мир. Эти замечания по поводу науки и машин показывают достаточно ясно, как далеко может зайти отречение, и как оно, одновременно с этим, необходимо и неизбежно. Отречение, которое, однако, не является прыжком в пустоту. Эти замечания показывают также, что возможна иная система ценностей, иных путей и иного знания, совершенная и тотальная, что возможен иной человек и иной мир. И они, действительно, могут быть вызваны к жизни, когда новая волна начнет подниматься из бездн беспокойства и бессмысленности Запада.

АКТИВИЗМ И ГУМАНИЗИРОВАННЫЙ МИР

Появление машин на Западе тесно связано с так называемым активистским, апеллирующим к становлению, «фаустовским» миропониманием. Романтическое воодушевление по отношению ко всему тому, что является нуждой, поиском, трагизмом; религия жизни или, как сказал Генон, суеверие жизни, понимаемой как постоянное напряжение, беспокойство, которое никогда не находит освобождения и, в вечном пресыщении, переходит от одной формы к другой, от одного ощущения к другому, от одного открытия к другому; одержимость «созданием» и «завоеванием», страсть к новому рекорду – все это составляет четвертый аспект европейского недуга: аспект,

который наложил неизгладимый отпечаток на лицо европейской цивилизации, и который в наши дни достиг апогея своего пароксизма. Мы уже упоминали, что корень этого извращения также следует искать в семитском племени. Его духом, его основным элементом был дух мессианизма. Мечта об ином мире, идея Мессии, бегущие от настоящего, являются потребностью в постоянном движении разбитых, лишенных наследства и проклятых людей, которые неспособны утверждать и желать свою собственную, особую реальность. Это – недостаточность душ тех убогих, чье бытие есть жадность, страсть и отчаяние. Постепенно бережно хранимая отпрысками семитской расы и становящаяся все более дерзкой и более необходимой по мере политических удач «избранного народа», эта сомнительная реальность вырвалась из низов Империи и стала мифом великого восстания рабов, мифом яростной волны, захлестнувшей языческий Рим. И позднее, выйдя за рамки католической организации и оставив ее в стороне, она расширилась и превратилась в хилиастический мираж. Сама вожденная перспектива, таким образом, бесконечно отодвинулась, а потребность и отчаяние стали еще более жесткими и жестокими, она превратилась в становление без конца, в чистое напряжение, в гравитацию пустоты. Бегство от этого мира и постоянное отодвижение иного – та боязнь мира, которая является тайной современной жизни и которая шумно объявляет себя ценностью, чтобы оглушить самую себя – является также тайной христианства после банкротства его эсхатологии. Это – внутренне присущее христианству проклятие, которое оно несет в себе, и которое передается народам, его принявшим и изменившим тем самым олимпийскому, классическому, арийскому идеалу. Первая тема, которая, как мы уже видели, возникла в связи с банкротством мессианизма – тема ставших экклезиастическими законов социальной зависимости – тесно связана с этой второй темой и имеет с ней одно и то же происхождение. Объединив эти две темы в одну, мы получим тем самым закон, который определяет сегодня все общество и всю культуру: на низшем уровне – индустриальный оргазм, средства, ставшие целью, механизация, система хозяйственных и материальных детерминант, развитию которых отбивает такт наука вместе с карьеризмом, с погоней за успехом людей, которые не живут, а проживают отпущенное им время и, в конечном счете, сверхновые и уже упомянутые мифы «вечного прогресса» на основе «социальных служб» и ставшего самоцелью и всеобщей обязанностью труда. На высшем уровне – совокупность «фаустовских», привязанных к становлению, бергсонских учений, о которых мы уже говорили, и базис социальной истины, «будущее науки», универсализм и имперсонализм философов. И все это подтверждает и свидетельствует только об одном: о падении на Западе ценности индивидуальности – той ценности, о которой с такой навязчивостью и так много пустословят. Только жизнь того, кто не достаточен для самого себя и кто удален от самого себя, в действительности стремится к «иному»: такой человек нуждается в обществе как в поддержке и коллективном законе; такой человек хочет быть ничем хочет быть поиском, неудовлетворенностью, зависимостью от будущего; хочет быть становлением. Подобные люди испытывают ужас перед всем тем, что является естественным жизненным пространством человека: перед молчанием, перед одиночеством, перед незаполненным временем, перед вечностью. Они заботятся, волнуются, бросаются безостановочно от одного к другому, занимаются чем угодно, только не сами собой. Они делают нечто, чтобы доказать себе, что они есть, но, желая получить от всех своих действий особое подтверждение, в действительности, они ничего не делают, в действительности, они просто одержимы делом. В этом состоит смысл активизма. Активизм – это не действие, это лихорадка действия. Это – безумная суматоха тех, кто отброшен от центра колеса, и их суета становится все более стремительной и бессмысленной по мере того, как расстояние до центра увеличивается. И с убыстрением этой суеты, этого «темпа», все большей становится роковая тирания социальных законов по отношению к хозяйственной, индустриальной, культурной и научной областям, по отношению ко всему порядку вещей, созданному после того, как индивидуум отделился от самого себя, после того, как вместе со смыслом центральности, стабильности и внутренней самодостаточности был потерян смысл того, что в действительности является ценностью индивидуальности. Крушение Запада несомненно произошло из-за крушения индивидуума как такового.

Мы уже сказали вначале, что сегодня люди больше не знают – что такое действие. Тот, кто интересовался традиционными индийскими учениями, – хотя те же идеи можно найти и на нашем классическом Западе, – наверняка был удивлен тем, что все являющееся движением, активностью, становлением и изменением принадлежит к пассивному женскому принципу (шакти), в то время, как позитивный, мужской, солнечный принцип (шива) связан с неизменным. И также вряд ли он смог бы подыскать подходящее объяснение тому, что означает положение широко известной Бхагаватгиты (IV. 18), где подчеркивается различие между недеянием в деянии и деянием в недеянии. Но в этом выражается не квиетизм, не созерцательная «нирвана». В этом скорее выражается знание того, что такое подлинная активность. Эта идея строго идентична идее Аристотеля о «неподвижном двигателе»: тот, кто является причиной и истинным господином движения, сам неподвижен. Он пробуждает, подчиняет и направляет движение. Он заставляет делать, но сам не делает, т.е. он не захватывается, не увлекается действием, он – это не действие, а непоколебимое, спокойное превосходство, от которого исходит и зависит действие. Как раз поэтому его приказание, могущественное и невидимое, можно назвать как Лао-Цзы деянием недеяния (вэй-вувэй). Ему противостоит тот, кто действует; тот, кто движется; тот, кто захвачен, опьянен делом, «волей», «силой» в натиске, в страсти, в воодушевлении – тот, кто является только инструментом; тот, кто не делает, а претерпевает действие. И поэтому в этих учениях он представляет собой женский принцип и отрицание высшего, трансцендентного, неподвижного, олимпийского принципа, стоящего над движением.

Но сегодня в Европе превозносится именно такое негативное, эксцентричное, низшее действие: опьяненная спонтанность, которая неспособна владеть собой и создать для себя центр; спонтанность, закон которой находится вне ее самой и тайной волей которой является стремление оглушить и уничтожить саму себя. И это называют позитивным и мужским, хотя, на самом деле, это – лишь прославление того, что является наиболее женским и негативным. В своем ослеплении современные люди Запада уже ничего не видят и абсолютно безосновательно полагают, что внутреннее действие, тайная сила, исходящая не из машин, не из банков, не из обществ, а из людей и богов, есть не действие, а отрешенность, абстракция, потеря времени. И человек тем самым все более ограничивает себя, видя в «силе» синоним власти и отождествляя волю с простой животностью и телесностью, с тем, что имеет антитезу, противоречие (внешнее или внутреннее) уже в самой предпосылке, которой человек руководствуется. Напряжение, борьба, усилие, стремление – *nisus, struggle* («потуги» – лат., «борьба» – англ.) – вот лозунги такого активизма. Но все это не является действием.

Действие – это нечто изначальное. Нечто простое, опасное, не допускающее сопротивления. В действии нет места ни страсти, ни антитезе, ни «усилию» – в действии полностью отсутствует «гуманность» и «чувство». Оно исходит из абсолютного центра, без ненависти, без жадности, без жалости; оно исходит из спокойствия, которое поражает и подчиняет. Оно исходит из «творческого безразличия», которое выше любых противоречий. Действие – это приказание. Это – грозное могущество Цезарей. Это – оккультное и беззвучное деяние повелителей Дальнего Востока, роковое, как силы природы, и обладающее той же «чистотой». Это магическая неподвижность египетских изображений, чарующая сдержанность ритуальных поз. Это обнаженный, свежий маккиавелизм во всей своей жестокости и бесчеловечности. Это – то, что пробуждается когда – как это было еще в позднем феодальном Средневековье – человек остается один, когда человек с человеком или человек против человека поступает, опираясь лишь на свою силу или слабость, без всякого оправдания, без всякого закона. Это – то, что разражается когда – в героизме, в жертве или в великом святотатстве – в человеке возникает сила, стоящая над добром и злом, над жалостью, страхом и счастьем, сила, взгляд которой направлен ни на самого себя, ни на другого, и в которой пробуждается примордиальное могущество вещей и элементов. То, что в физике называется энтропией, европейцы называют «героизмом,» и при этом хвалятся им, как дети. Мучение истерзанных душ, пафос глуповатых жен-

щин, неспособных владеть сами собой и подчинить себя молчанию и абсолютной воле – все это на Западе стало восхваляться как «трагическое восприятие жизни» с тех пор, как в душе поселились неуравновешенность, дуализм, «нечистая совесть» и ощущение «греховности». И из-за одного осложнения возникло другое: действие исчезло за безволием чувства и боли. Противоречие и, в особенности, бессилие стали условиями для ощущения себя самого, откуда и пошла потребность усилия, романтическое прославление насильственного, бег по кругу, суета, суеверия, ценности не достижения, а движения, не обладания и господства, а утомительного завоевания, не практической, обнаженной, законченной реализации, а «вечной задачи». И христианство своим отрицанием классической гармонии, своим отрицанием смысла автаркии и абсолютного ограничения, смысла олимпийского превосходства, дорической простоты и активной, позитивной, жестокой, имманентной силы, подготовило почву для мира закабаленных и одержимых. Запад знает все об оковах, о крови и о помутнении – но ничего о свободе. Крик о свободе, который можно услышать повсюду, – это крик из тюрьмы. Это вой зверей за решеткой, это – голос низа. Современный «волюнтаризм» – это не воля, а риторика отчаяния, заменившая собой волю; ментальное распутство, направленное на приписывание себе того, чего нет в действительности. И лишь знаками одержимости, характерной чертой робости, подтверждением того, что это – только нужда, потребность произносить слова для собственного успокоения – являются все современные восхваления «могущества» и «индивидуальности»: аспект отчаяния, деградации Европы перед мучительным законом «серьезности» и «обязанности». И так, в Европе все ужасно серьезно, трагично... и несвободно. Все в ней выдает принуждение, выражающееся в одних через ригоризм, запретительство, императивизм, через моральную и рациональную нетерпимость, в других – через романтическое буйство и гуманистический пафос. Кристальная ясность, окрыляющая простота, легкость духовной радости свободной игры, ирония и аристократическое превосходство – всего этого более не существует, все это стало лишь мифом. Вместо этого надо всем царит закон идентичности, равенства и своекорыстных интересов. Это – мир микельанжеловской тюрьмы, отголоски которой сохранились в человечности Бетховена и Вагнера, улучшенной за счет «героизма» и «космического ощущения». И сколько строгости и романтической мучительности даже в «Веселой Науке» Ницше, даже в насмешках Заратустры! Проклятье распятого проникло во все и окутало всю Европу, этот блок из металла и крови, своей ревнущей болью. Это «гуманное» ощущение жизни, которое так типично для современного Запада, только подтверждает его плебейский и низменный аспект. То, что для одних являлось постыдным, – «человек,» – теперь громогласно прославляется другими. Античность возвышала индивидуума до бога, стремилась освободить его от страстей, отождествить его с трансцендентным, с небесным воздухом, как в размышлении, так и в действии. Ей была известна традиция нечеловеческих героев и людей божественной крови. Семитский мир не только обезбожил «творение», но и окончательно принизил бога до человеческого уровня. Оживив демонизм пеласгийского инфернализма, он заменил чистые олимпийские регионы, головокружительные в своем сверкающем совершенстве, на террористические перспективы своего Апокалипсиса, своего ада, своей предопределенности и своей обреченности. Бог не был более аристократическим Богом римлян, Богом патрициев, к которому зывали стоя, в сиянии огней, с поднятым челом, и который находился во главе победоносных легионов. Он не был более Донаром-Тором, победителем Тима и Химира, «Сильнейшим из Сильных», «Незнающим Сопротивления», Господином, «неведающим страха», грозное оружие которого – молот Мьелнир есть символ молнии, (как и ваджра Шивы), осветившей божественных королей ариев. Он не был более Одним-Вотаном, Приносящим Победу, Орлом, покровителем героев, в смерти на поле битвы празднующих высший жертвенный культ и преображающихся в фалангу бессмертных. Нет, Он стал, как говорил Ружье, прибежищем для убогих и обреченных, искупительной жертвой, утешителем подавленных, которому молятся в слезах экстаза, в полном забвении своего собственного особого бытия. И поэтому дух материализовался, напряжение ослабло. Люди знали теперь только страсть, чувство, усилие. И не только смысл трансцендентной, олимпийской духовности, но и смысл мужественного, нордическо-римского достоинства был постепенно утерян, и в общем обнищании на

место эпического, дорического мира вступил судорожный мир трагедии, жалости, серьезности – «человеческий» мир. «Гуманизм»: очень многие славословят его – этот мерзостный, поднимающийся от земли туман, мешающий взглянуть на небо – как высшую «ценность» Запада. Он действительно проник во все формы, он – это корень нового и старого романтизма, корень всякого сентиментализма, всякой современной жажды деятельности, всякой мечтательности.

И мы призываем: очиститесь от этого! Это не менее трудное задание, нежели выкорчевывание других, вышеупомянутых корней, которые привели к упадку Европы. «Человеческое» следует преодолеть полностью, безжалостно. Но для этого необходимо, чтобы индивидуум достиг ощущения внутреннего освобождения. Следует уяснить себе, что это освобождение не может быть объектом жажды, алчного стремления закрепощенных, потом у что им как таковым путь к нему закрыт. Либо это дается просто – и тогда об этом не извещают радостно, не убеждают никого в реальности происшедшего, не боятся это потерять – как естественная, элементарная, непреходящая очевидность избранничества, либо это не дается вообще. И чем больше человек стремится к этому и желает этого, тем дальше он от него удаляется, потому что желание освобождения подобно смерти. Необходимо прийти в себя: как тот, кто заметив, что он, задыхаясь, бежит в жару, говорит себе: «О? А что если я пойду медленно?» – и идя медленно: «О? А что если я остановлюсь?» – и остановившись: «О? А что если я присяду?» – и присев: «О? А что если я растянусь на земле, здесь, в тени?» – и растянувшись на земле, он ощутит бесконечную прохладу и с удивлением вспомнит свой бег, свою прежнюю спешку. Так и усталость современного человека, не знающего ни спокойствия, ни отдыха, ни тишины, постепенно пройдет. Люди должны возвратиться к самим себе, они должны в самих себе искать свою причину, и свою цель, и свою ценность. И тогда они научатся чувствовать себя одинокими, без помощи и без закона, и, впоследствии, они проснутся для действия абсолютного приказа или абсолютного подчинения. И при этом они, обратив спокойный взгляд внутрь себя, узнают, что никакого «куда?» не существует, что ничего не надо продвигать, не на что надеяться и нечего бояться. И при этом, освободившись от бремени, они снова вздохнут и увидят и в любви, и в ненависти лишь нищету и слабость. И при этом они снова возвысятся как простые, чистые и уже более не человеческие существа. В превосходстве аристократии, в высшем состоянии душ, властвующих сами над собой, подобные люди будут насмешкой над темной алчностью, с которой рабы рвутся к кормилу жизни. Они замкнутся в активном безразличии, которое может все, благодаря своей обновленной невинности. Возможность поставить свою собственную особую жизнь во главу угла и, смеясь, смотреть в бездну, возможность беспрестанно давать и одинаково относиться как к победе, так и к поражению, как к успеху, так и к неудаче родится из того превосходства, которое позволит отныне управлять своим собственным существом как вещью, и которое проснется в истинном познании принципа, более могущественного, нежели смерть и разложение. Ощущение оцепенения, усилие, грубое «ты должен» будут тогда только воспоминаниями об абсурдной мании. И когда избранные поймут, что все мечты об «эволюции», все «планы провидения», все историцистские идеологии, а также вообще все «цели» и «основания» являются только помочами для детей, еще не научившихся ходить, тогда они перестанут быть движимыми и начнут двигаться самостоятельно. И когда их «Я» станет центром, в них возродится как в людях, а уже более не как в призраках, действие, в своем изначальном, первичном и абсолютном смысле. И здесь, на этой стадии, когда ядовитый туман «человеческого» мира будет разогнан, над интеллектом, над психологией, над страстями и предрассудками людей снова откроется природа в своем свободном и бытийном состоянии. Все вокруг станет свободным, все, на конец-то, сможет вздохнуть. И тогда великая болезнь романтических людей, вера, будет преодолена – через опыт. И у реинтегрированных людей тогда реально, стихийно появятся новые цели, новые глаза, новые крылья. Сверхъестественное перестанет быть бесцветным бегством бесцветных душ. Оно станет реальностью, оно сольется с естественным. В чистом, спокойном, могущественном и бестелесном свете возрожденной нордической простоты, дух и форма, внутреннее и внешнее, действительность и сверхдействительность станут одной единственной вещью, в равновесии

двух членов, каждый из которых не больше и не меньше другого, и впоследствии наступит эра трансцендентного реализма: в энергиях, которые считают себя людьми, и которые не знают о том, что они спящие боги, вновь содрогнутся энергии стихий, вплоть до ужаса абсолютного Освящения и абсолютного Воскресения. И тогда будут разбиты другие человеческие оковы, оковы безличной социальной амальгамы. И когда будет ниспровержен закон, делающий людей частями механизма, частями булыжника, схваченного безличным цементом коллективного деспотизма и гуманитарной идеологии, индивидуумы снова будут иметь начало и конец в них самих. Они станут закрытыми в себе как мир, как скала, как вершина – имея дело только со своей силой или со своей слабостью. Каждый займет свой пост, – пост в борьбе; каждый обретет свое качество, свою жизнь, свое достоинство, свою особенную силу, ни на что не похожую, непреходящую. Мораль таких людей будет формулироваться так: ты должен возвыситься над потребностью «доверия» и «понимания», над скверной братства, над безволием любви и самолюбия, над ощущением себя похожим на других и равным другим – возвыситься над хитроумной силой разложения, которая разрушает и унижает смысл благородства. Непередаваемость, уникальность станет тогда ценностью во имя абсолютного и мужского уважения: долины и вершины, могущественные и слабые силы, находящиеся одни над другими или одни напротив других, честно признаваемые, тайно воспламененные в дисциплине духа, но внешне резкие и содержащие в сверкающей строгости полную меру неизмеримого, бесконечного: по-военному, как в походе, как в сражении. Точные отношения, Порядок, Космос, Иерархия. Предельно индивидуализированные группы, организующиеся в действии без посредников и смягчений, одни из них – как отдельные мужи, так и целые племена – блистательно возвысятся, другие будут безжалостно уничтожены. Сверху солнечные и самодостаточные существа, властелины с «глубоким, далеким и грозным взором», которые ничего не берут, а, напротив, дают от избытка света и могущества, и которые стремятся к решительному течению жизни со все более удивительной интенсивностью, одновременно с этим становясь все более неподвижными в своей сверхъестественной законности. И тогда от романтического мифа, от «человека» и «человеческого» ничего более не останется, и мы приблизимся к порогу великого освобождения. И в мире ясности отразятся тогда слова предвестника Ницше, понимаемые в трансцендентном смысле: «Как прекрасны, как чисты эти свободные, неразгоряченные более духом силы!»

ЧАСТЬ V. НАШ ЕВРОПЕЙСКИЙ СИМВОЛ

НИЦШЕ, НЕПОНЯТЫЙ

Следует подойти вплотную к двум идеальным мирам, и противоречие между ними нужно не сглаживать, а, напротив, делать еще более острым. Единственно возможное решение – это разрушение и тотальный переворот. В том положении, в каком мы находимся, нельзя более надеяться на действие прививок. На основе ценностей нашего сегодняшнего мира уже невозможно спасти труп, который день за днем играет в игру Воскресения и постоянно подменяет ужас пробуждения ужасом агонии. Следует уничтожить и обновить внутреннее зерно, начиная с самого основного, – без этого все, что предлагается как лекарство, не только не спасет, но и само заразится тем же недугом. Во всех областях – как мы уже видели – сегодня царит порядок, находящийся в абсолютном противоречии к духовным предпосылкам, лишь на основе которых возможно достичь возрождения в традиционном смысле. Потому нельзя медлить с утверждением: все, что в современном человеке связано с причинами, приведшими к сегодняшнему извращению, подлежит полному уничтожению. Но одновременно с этим должно быть утверждено следующее: мы желаем разрушения только потому, что мы знаем высшие, славные, живые формы. Мы стоим не за отрицание, мы стоим за Реставрацию. Существует совершенная, тотальная, позитивная система ценностей, развитая при учете других пришедших в современную профани-

ческую цивилизацию форм, которая является достаточным основанием для готовности к отрицанию – без опасения прийти к ничто – всего принадлежащего к европейскому упадку. В противовес демонизму коллектива, безымянности всемогущих финансов и тирании социализированного и семитизированного Запада существует идеал возврата к кастам и к качественной иерархии. В противовес позитивной науке и всем профанациям, которые – посредством этой науки – открыли шлюзы для рабочей и образованной черни, существует аристократический идеал Мудрости. В противовес ханжеской абстрактности и формализму анти-арийской веры существует сверхъестественный солнечный идеал инициации. В противовес люциферическому миру техническо-механической власти, этому плоду полного отречения, этому инструменту новой потребности и нового рабства, существует аристократический идеал метафизического действия, безусловного могущества, которое элите реинтегрированного человечества смогут предоставить ритуалы и священная традиционная наука. В противовес романтической, влюбленной в становление, «фаустовской» жизненной позиции существует освобожденный и повелевающий классический взгляд и идеал метафизического опыта на основе нового действия и нового размышления. Ритм убыстряется, круг западной цивилизации грозит замкнуться. По отношению к этому возможно выбрать одну из трех позиций. Либо человек уклоняется: возводит ограды, уступает заблуждению и предает самого себя; сжигает мосты – прежде чем «сыновья Муспелля» об этом подумают – чтобы закрыть своей заразе доступ в наши сокровенные тайны. Либо он ожидает развязки да убыстряет ритм «прогресса», чтобы досмотреть до конца или, если этого не достаточно, дожидаться пока все не определится и не подготовится почва для сияющего появления нового дерева. Либо человек призывает к осознанию и протесту, терпеливо, сурово, безжалостно, с разрушающей и творческой силой противостоит потоку, угрожающему увлечь за собой последние еще здоровые части Европы. Но основанием этому, – повторим еще раз, – вообще, предпосылкой любого внешнего действия должно являться внутреннее обновление. В первую очередь, человек должен обладать духовным мужеством, которое не допускает примирения и компромисса, и которое, позволяя относиться с совершеннейшим равнодушием к тем, кто считает нас оставшими от времени мечтателями и чуждыми реальности утопистами, неразрывно связывает нас с традиционной истиной. И кто еще не может дойти до всего этого сам, тому следует обратиться к единственному предвестнику, затерянному в этих мрачных временах, непонятному, ожидающему в тени Фридриху Ницше. Переживание Ницше отнюдь не исчерпано – оно еще не начато. Исчерпана эстетико-литературная карикатура Ницше, биологическо-натуралистическая редукция некоторых чисто временных сторон его учения. Но ценность, которую Ницше нес героически, ценой неисчислимых страданий, несмотря на все свое существо, которое протестовало и желало сдаться, пока, наконец, он не погиб страшной смертью, – эта ценность, стоящая вне его философии, вне его человечности, вне его самого, идентичная космическому значению, отражению эонической силы *hvareno* и ужасающему огню солнечной инициации – эта ценность еще ждет того, чтобы быть понятой и переданной современникам. И в ней содержится призыв к оружию, к вызову, к отвращению, к новому пробуждению – к великой борьбе: призыв к тем, в которых – как мы сказали – будет решаться судьба Европы: утонет ли она в сумерках или пойдет навстречу новой заре. Освободите учение Ницше от его натуралистической стороны, рассматривайте «сверхчеловека» и «волю к власти» истинными лишь как сверхбиологические и сверхъестественные ценности, и это учение сможет стать путем для многих, путем, который приведет к великому океану – к миру солнечной универсальности великой нордическо-арийской традиции, с высоты которой ясно ощущается абсолютная нищета, абсолютная незначительность и абсолютная бессмысленность этого мира закованных и одержимых. Именно так следует понимать предварительные, практические действия, исходящие из высочайшей точки соприкосновения, доступной на данный момент лишь небольшой элите. В то время, как для других, непонимающих этого, они могут быть лишь причиной смешения, которое принудит их отказаться не только от высших идеалов, но и от непосредственных, практических и реализуемых ценностей. Нордическо-языческие ценности суть ценности трансцендентные, и они получают смысл только за счет той всеохватывающей, анти-современной и анти-европейской концепции, которую мы

уже обрисовали в общих чертах. Но они могут быть и этическими законами, пригодными для образования базиса новых отношений и нового стиля жизни, освобожденного от лицемерия, трусости и мечтательности последних поколений.

Языческий эксперимент отнюдь не является невозможным и анахроническим экспериментом с той точки зрения, которой мы постоянно придерживаемся. Разве мы не слышим почти ежедневно, как представители европейской религии говорят о «язычестве» современного мира – и как они сожалеют об этом? По большей части это язычество воображаемое: здесь речь идет о недуге, в корнях которого тому, кто внимательно следил за нашей мыслью, нетрудно будет разобраться и узнать в них те же силы и те же положения, которые изначально фальсифицировали античный, дохристианский мир. В другом аспекте это язычество подлинное. Надо уметь видеть в нем стороны, которые могут служить средствами для достижения цели и таким образом превратиться в нечто позитивное. И это отнюдь не является синонимом материализма и коррупции, как, к сожалению, полагает большинство; в язычестве следует видеть подготовку к высшему и реальному духовному состоянию, которое заставляет нас оставаться верными силам нордическо-арийской расы – там, где эти силы подавлены, но не побеждены. Позитивная сторона современного язычества там, где существует реализм, означающий преодоление романтизма; там, где в новых поколениях осуществилась не теоретическая, а практически пережитая ликвидация различных трусливых образцов мысли, чувства, искусства и морали; там, где возродилось нечто изначальное и варварское, но совмещенное с упрощенными, ясными и господствующими формами внешнего модернизма; там, где появилась новая объективность, новая серьезность и новая изоляция, которая, однако, не исключает возможности сотрудничества в действии и для действия; там, где вещи снова более интересны, нежели люди, созидание более интересно, нежели отдельные характеры и «трагедии» их авторов – будь-то индивидуумы, расы или коллективы – там, где стремление «души» в широту, в вечность, в безразличие возрожденного мира по отношению к человеческому стало реальным: но не как бегство, а как возврат к нормальности, к естественности, к центральности. Все это может содержать принципы для предварительного катарсиса. Усилия должны быть направлены на то, чтобы путь такого «преодоления» проходил бы не только на уровне материи и «жизни», – как это происходит в большинстве случаев, – на уровне только «посюстороннего», чтобы окончиться в мерзкой убогости человеческих возможностей. Необходимо при этом, чтобы посредством тем нового реализма, нового нордическо-языческого классицизма, новой свободы в бытийном, в анти-сентиментальном, в «дорическом» и в объективном – которые появляются здесь и там в различных течениях молодого поколения, нередко сопровождаемые темами нового ницшеанства – чтобы посредством этих тем было осуществлено преображение, чтобы был достигнут уровень истинной духовности (и, следовательно, чтобы были найдены пути к тому, что стоит вне материи и вне «духа», как понимают его деятели современной культуры) и чтобы – за счет выдвинувшейся элиты – влиться в нечеловеческое через стиль ясного видения, господства и индивидуального совершенства. Когда на основе такой этики, которую мы можем назвать нордическо-языческой, наши здоровые расы очистятся и полностью пропитаются новым жизненным стилем, тогда будет готова почва для понимания и постепенного осуществления того, что стоит еще выше и о чем мы уже говорили; тогда станет очевидным, что пустота – это не то, что было раньше или будет позже, пустота – это то, что есть сейчас.

ИСТИННАЯ ПАН-ЕВРОПА

Остается прибавить еще несколько замечаний конкретного порядка о положении дел в Европе на сегодняшний день. Дело в том, что ранее распространявшиеся лишь на политическую и хозяйственную области, выступавшие лишь спорадически и находившиеся так сказать в диффузионном состоянии, определенные негативные силы сегодня организуются, приобретают власть в истинном смысле этого слова, и гегемонистские притязания, их разрушительный характер по отношению ко всему тому, что

в ограниченном смысле можно назвать европейской традицией, представляют для нас реальную угрозу, которая порождает политическую альтернативу. При таком положении вещей на передний план выступает следующая принципиальная проблема: сможет ли Европа несмотря на хозяйственный и политический кризис сохранить свою автономию по отношению к неевропейским и анти-европейским силам, или для того, чтобы спасти ее, необходимо объединение? Эта так называемая «пан-европейская» проблема была впервые поставлена графом Куденов-Калегри, и он рассматривал Россию, Англию и Азию как три основные силы, придающие этой проблеме реальную значимость. Впрочем, нельзя оспаривать то, что при общем ощущении кризиса и беспокойства, присутствующих даже на материальном уровне в западных обществах, лучшие головы вынуждены сегодня обратиться к идеалу высшей вселенской культуры, в которой должен снова организоваться новый, единый принцип европейских рас, в настоящее время разбросанных и испытывающих недостаток в силах и людях. Пан-европейская проблема может быть включена в наши рассуждения, и мы можем сказать, что она действительно имеет смысл и глубокое основание лишь постольку – *in primis et ante omnia* – поскольку она является выражением потребности защитить традиционную Европу. Практическая польза от пан-европейского союза обладает для нас лишь вторичным и условным интересом, так как величайшая опасность, грозящая Европе, является не столько материальной, сколько духовной опасностью. Не следует строить иллюзий о возможности объединения на уровне материи и «политики»: этот уровень, уже в силу своей природы, есть уровень случайности, относительности, иррациональности и компромисса: нелепо полагать, что на нем могла бы основываться живая, истинная, стабильная форма при отсутствии высшего принципа – при отсутствии души. Только на духовном уровне можно достичь истинного единства и преодолеть дух раскола и партикуляризма. Придерживаясь этой точки зрения, можно пойти дальше и – вместе с графом Куденов-Калегри – рассматривать Россию, Англию и Азию как основные центры сил, которым должен противостоять европейский блок: но лишь в смысле духовной опасности, которую представляет собой каждая из этих стран. В России мы имеем силу, реально угрожающую нашему будущему. Мы уже видели, как процесс духовной деградации – особенно в аспекте передачи власти одной древней арийской касты другой – ведет к началу нового, коллективно-пролетарского, механизированного варварства, явного врага свободы, духа и личности – именно это представляет собой Советская Россия. В темном, демоническом сознании Советы действительно взяли на себя пророческую миссию – принести будущему человечеству универсальную культуру пролетарскую культуру с ее мифом человека толпы. И Куденов-Калегри верно замечает, что, если вчера Европа по отношению к русской революции являлась порядком по отношению к хаосу, то сегодня истина состоит как раз в противоположном: Советы сегодня – это железный, одновременно политический, идеологический и хозяйственный блок, и когда варварская сила такого направления упорна в абсолютной организации всевозможных энергий, в рационализации и эксплуатации всех природных и человеческих ресурсов (первым проявлением чего является их «пятилетний план» и ссылки на определенные цели в достижении интернационального политического господства) – то для Европы, погрязшей в своих национальных и интернациональных склоках, со своим разрушенным хозяйством, и, что самое страшное, со своими разбитыми идеалами, это представляет опасность, роль которой трудно переоценить. Что касается второй силы – Англии, то ее обобщающий термин строго говоря, надо искать в Америке, чтобы иметь полное представление об анти-европеизме практицистской, меркантильной, демократически-капиталистической, профанической и протестантской культуры, которая именно в Америке нашла свое окончательное выражение: в маммонизме, в чрезмерной стандартизации, в тирании трестов и денег, в унижительной религии «социальности» и труда, в уничтожении всех метафизических интересов и в прославлении «звериных идеалов». И с этой точки зрения не Англию, мировое господство которой уже сходит на нет, а Америку – и Америку прежде всего – следует рассматривать как западный аналог той же опасности, которую на восточных рубежах представляет собой Советская Россия. Различие между этими двумя культурами состоит в следующем: те линии, которые Советы стараются провести с напряжением, как нечто трагическое и ужасающее, посред-

ством диктатуры и системы террора, в Америке вместо этого имеют видимость демократии и свободы, хотя и их спонтанным следствием с необходимостью является то же сведение интересов до уровня материальной и индустриальной продукции, отказ от всего традиционного и аристократического, создание химеры техничски-материального покорения мира. При рассмотрении третьей, азиатской, опасности очевидно, что речь идет не об европеизированной Японии, и еще менее о Китае и Индии. Заслуга Генона в том, что он показал, что, в действительности, имеет место как раз нечто противоположное – именно Запад представляет собой опасность для этих народов, заключая в себе принцип их возможного упадка: Запад ввел в жилы Востока вирус модернизации, способствовал быстрому разложению тех остатков традиционного и трансцендентного, которые эти великие народы еще сохранили в своей организации. Если завтра Восток, организовавшись по примеру Запада и заразившись скверной современного духа, будет представлять собой политическую опасность для Европы, то вина и ответственность за это целиком и полностью ложится на нее одну. Об азиатской опасности следует говорить совсем в другом смысле: речь идет об опасности, которую для европейской души, и особенно при сегодняшнем положении вещей, представляет собой двусмысленная, пантеистическая, запутанная, трусливая духовность, присутствие которой обнаруживается в тысячах неомистических и теософических течений и сект, почти всегда сопровождаемая темами гуманизма, пацифизма и анти-иерархии, напоминающая синкретическую азиатскую культуру эпохи александрийского упадка. Конечно, к традиционному и тем более к арийскому Востоку все это не имеет ни малейшего отношения: дело касается пафоса, уходящего корнями в глубинные слои низших рас, за счет покорения которых были созданы великие восточные культуры; пафоса, способствующего дальнейшему разложению семитизированного Запада. Очень жаль, что Восток известен сейчас именно с этой стороны, и что многие европейские течения питаются именно этими идеями. В этом смысле он действительно представляет собой опасность: опасность, состоящую в том, что человек, желающий бороться с западным материализмом, впадает в анти-западный и немужской спиритуализм. Таким образом, собрав воедино трехстороннюю опасность, проблема европейского объединения приобретает реальное значение. Бороться против этого – хорошо. Но главный вопрос: во имя чего бороться? Следует признать, что политической и хозяйственной России как федерации Советских республик и Соединенным Штатам Америки Европа противопоставляет анти-иерархические, светские идеалы, точно соответствующие обеим силам. И при этом выясняется, что позитивное решение совпадает с негативным. Такое сопротивление равнозначно отречению, скрытому распаду, переходу на сторону врага посредством действия, которое должно было бы воспрепятствовать его дальнейшему продвижению. Впрочем, было бы легкомысленно требовать от суммы того, что не содержится ни в одной из частей. Было бы нелепо вообразить, что какая-либо форма европейского единства сможет принести пользу, тогда как отдельные народы еще не готовы к противодействию, к духовной интеграции, которая уничтожила бы внутри них самих советизм и американизм, и при этом создало бы единый дух, позволивший бы этим народам спонтанно и органично возвыситься до качественно иного уровня. Душой такого отдельного противодействия и такой отдельной интеграции, которые изнутри подготовят почву для европейского блока, как духовно, так и материально, являются защищаемые нами идеалы, интегральное утверждение ценностей нордическо-арийской традиции, как основание аристократического возрождения. Куденов-Калерги считает компонентами «европейской души» – и следовательно, предпосылками будущей Пан-Европы – индивидуализм, героизм, социализм: ценности, которые современная Европа почерпнула из классических традиций – из нордической и христианской. Но объединение этих трех ценностей является компромиссом. Введение «социализма» как европейской ценности – все наши предыдущие рассуждения служат тому доказательством – равносильно троянскому коню, который раньше или позже откроет в европейский блок доступ тем силам, которые и составляют главную опасность, которым надо противостоять, против которых надо бороться. Куденов-Калегари впадает в эту ошибку потому, что он понимает компонент «индивидуализма» в его чисто плюралистском аспекте; поэтому он и признает как компенсацию за разделение и атомизм, которые несет в себе чистый индивидуализм,

право «социализма» как скрепляющего цемента. – В действительности же, существует такой индивидуализм, который уже в самом себе – через ценности верности, служения и чести – несет зародыш преодоления изоляции и эгоизма и открывает путь возможности ясной и здоровой иерархической организации. Ни римляне, ни нордическо-арийские племена не нуждались в христианском социализме для создания реальных, высших форм организации. Впрочем, существует социализм и социализм: существует арийский социализм, как воинственный идеал товарищества свободных господ, и семитский социализм, двусмысленный, тотемистский и немужской, состоящий из потребностей и пафоса, который нам совершенно не нужен и который мы определяем как осквернение европейской души. И если в нашем мировоззрении аристократическая идея является первым принципом традиционного возрождения, то мы также имеем принцип, ведущий не к практическому и политическому преодолению того, что сегодня в корне противостоит европейскому объединению. Этим принципиальным препятствием является национализм. Мы видим в действительности, что именно из-за национализма произошло крушение того вселенского единства, которое существовало в Европе в Средние века, когда пал иерархическо-аристократический идеал Средневековья, когда исчезли сословная дифференциация и товарищество, когда на их место вступили национальная централизация и создание «общественных властей», и когда вожди от высших, связанных с литургией могущества, функций перешли к прямому, абсолютистскому вмешательству в область политики, непосредственно касающейся хозяйства нации как страны и коллективности, – как раз тогда и начались материализация и деградация, открывающие дорогу разрушительному партикуляризму: тому партикуляризму, еще более озлобленному в наше время, из которого сегодня состоят различные европейские нации, противостоящие друг другу, вносящие раскол и, следуя противоречащей самой себе идее, борющиеся за гегемонию пошлого политического, хозяйственного и территориального типа. Поэтому только при выборе кардинально противоположного пути – естественно, без возвращения к обусловленным временем формам, а в новом восприятии этого духа – возможно осуществление идеала европейского единства. И пока – как это происходит сегодня – дух является лишь инструментом политики; пока аристократия перемешана с плутократией и с руководителями чисто хозяйственной, административной или милитаристской организации; пока государство есть только нация, а не иерархия каст, не дифференциация ценностей, корысть, эгоизм, конкуренция, планы алчной промышленности и т.д., в своей иррациональности и разрушительности, остаются силами, обладающими таким могуществом, что об него разобьется всякая попытка объединения. Сейчас прежде всего необходимы децентрализация и хозяйственное разоружение, чтобы государство как духовный принцип отделилось от своей материальной стороны, чтобы, ограничив эту сторону, оно смогло подняться над ней через интегрально понятый иерархический идеал, который как таковой стоит выше всех партикуляристских, материальных, этнических и географических условий. Тогда в различных государствах возникнет аристократия, которая, оживляясь одной и той же традицией и одной и той же литургией могущества, и внутренне придерживаясь реальных, сверх национальных ценностей этой традиции духа, действительно осуществит объединение сверху, создаст такое сверхнациональное единство, которое будет объединено духом без смешения тел. Только в этом смысле можно образовать Пан-Европу, и, следовательно, только в этом смысле можно определить, что является полезным для решения европейского кризиса и создания европейского блока против опасностей, угрожающих уничтожить даже материальные остатки нашей древней культуры. В одном случае европейское единство могло бы оставаться в состоянии живой реальности, не требующей никаких внешних установок. Но в другом случае, оно могло бы динамически проявить свое могущество, охватить в едином неудержимом потоке и в единой воле различные расы и традиции и повести их к той цели защиты и покорения, которая, побуждаемая сверху, намного превышает слепой детерминизм политических страстей и повинуетя только идеалу; повести их к универсальности, к преображению: так, как это было в крестовых походах, в которых Европа в первый и последний раз совершила особое действие, выходящее за пределы страны и крови. А по поводу политической формы такого единства, соответствующей европейской традиции, мы можем еще раз указать на этику, на которой поко-

илось древнее нордическо-языческое мировоззрение. Мы считаем, что это должно быть товарищество свободных существ, в мирное время представляющих парламент равных, внутренне независимых господ, а в военное время или для достижения общей цели и во время общего действия готовых по зову преобразиться вместе со своими людьми в верных воинов единого вождя.

МИФ О ДВУХ ОРЛАХ

Преыдушие рассуждения подвели нас вплотную к еще более конкретной проблеме: она состоит в выяснении того, что является исходной точкой нового европейского объединения. Мы убеждены, что начало этому может положить лишь объединение двух орлов: германского и римского. Ленин однажды сказал: «Римско-германский мир есть величайшая преграда для осуществления пролетарских идеалов.» Это признание для нас очень ценно. Когда возникла необходимость создать крепкий единый лагерь европейских стран, могущий говорить о себе с достоинством, могущий утвердить традицию против тех, которые ее не имеют, против тех, которые отреклись от нее, забыли ее, и против тех, которые предоставляют для нас ту или иную форму опасности, – по нашему мнению, сердцем такого блока может быть только объединение Италии с германскими странами. Римско-германский мир является символом и сутью того, что на Западе называют «культурой» в истинном, качественном, традиционном смысле, по сравнению с которой социалистическое, механическое, плебейское направление представляет собой убогую пародию. Италия, Германия и Австрия вместе составляют традиционный полюс Запада. С Востока и с Запада теснят нас анти-традиционные народы: славяне никогда не имели традиции. Америка также начисто лишена ее. Республиканская, деградировавшая, негроизолированная и семитизированная Франция – первый очаг современного восстания рабов – больше не знает традиции. Древняя аристократическая Англия в руках демократии и постепенно приближается к концу своей нисходящей траектории. Различные малые государства Средиземноморья, Балкан и Севера тоже в различной степени приспособились к общей ситуации, и у них нет никаких возможностей приблизиться к тому, что обладает ценностью универсального символа. Мы не побоимся утверждать, что в той мере, в какой стремление к возвышению и возрождению, под сенью истинно языческих, арийских символов (с одной стороны, Орла и Свастики, с другой – Орла и Фасции) проявляется в германском и итальянском народах, оно обладает высшим значением и отнюдь не исчерпывается так называемым «*sacro egoismo*» («Священный эгоизм» – лат.). Мы должны призвать германскую и итальянскую нации к союзу, направленному не только на политические, хозяйственные и милитаристские интересы, – как это имеет место в имморализме тех, кто сегодня держится только за нацию, – а к органичному, интегральному союзу духа и тела. Мы не побоимся утверждать, что восстановление в иной форме того, что перед войной было предупреждением – «тройственного союза» – является также проблемой нашего лучшего будущего. От этого зависит возможность создания в Европе первого центра, здорового основания для ее истинной защиты. Предпосылкой этого является осуществление в обеих странах того процесса мужской, «солнечной» реинтеграции, о которой мы уже говорили и по отношению к которой все, что предлагают сегодня Италия и Германия в смысле новых политических идей, следует рассматривать только как подготовку. Во всяком случае, Италией уже сделан значительный шаг вперед в том, что она расчистила себе путь, уничтожив последние пережитки той Ризорджименто-идеологии, которая упорно видела в Австрии и Германии своих «кровных врагов», а во всех остальных латинах – «братьев». И когда Италия не на словах, а на деле присягнет имперскому идеалу, древнему римскому идеалу, тогда мысль о ведении войны во имя романтической «патриотической» идеологии покажется ей смешной. Скоро приблизится день, когда, помимо поверхностных и иллюзорных причин, Мировая война откроет свой смысл, который не имеет ничего общего с ханжескими поводами гуманитарной, анти-аристократической идеологии. Муссолини уже пояснил, что «Мировая Война была революционной, потому что она в море крови потопила век демократии, статистики, большинства и количества». Действительно, Мировая война означа-

ла восстание и коалицию плебейского национализма и современной мировой демократии против тех народов, в глубине которых сохранились остатки древних, монархо-феодальных порядков и которые сражались скорее во имя феодального права и наследия, нежели во имя плебейских, современных, территориальных и «национальных» принципов. Конечно, существует противоречие и в немецких народах. Если Италия от национального идеала, в котором очень мало что осталось от древней традиции и который поэтому скорее примыкает к новой французской идеологии, должна перейти к универсально-имперскому идеалу, утвержденному в идее Рима, то Германия должна выйти за рамки того расового фанатизма и национализма, из-за которого можно впасть в материалистический и анти-традиционный партикуляризм. Необходимо также, чтобы Германия вспомнила, как о своей лучшей традиции, о сверхнациональной Священной Империи Германских Наций. И тогда она сможет следовать по пути к «Третьему Рейху», о котором пророчествуют многие современные направления германского возрождения; по пути к той точке, где – как в эпоху средневекового вселенского единства Европы – римский Орел снова соединится с нордическим. И если Германия хочет защищать нордическо-арийскую традицию, то следует отличать – как это делаем мы – ее низшее, биологически обусловленное, и поэтому случайное и партикуляристское значение от высшего и духовного значения, не исключая первого, а интегрирующего его и сводящего к идее типа, образа примордиальной силы, творческой силы, которая должна быть пробуждена для новой культуры и нового единства Европы. Когда человек находится на уровне, где миф крови и расы является последней инстанцией, само собой разумеется, что перед присущим высшей расе стремлением к универсальности возникают принципиальные преграды. С нашей точки зрения, некоторым немецким националистическим кругам следует преодолеть этот уровень, но не в смысле отказа от этой линии в целом, но в смысле утверждения высших, свободных от природы и случайности идеалов. Когда Мюллер ван ден Брук сказал, что после того, как Германия проиграла войну, она должна выиграть Революцию, – эти слова нам следует понимать в том смысле, что Германия должна отказаться от тех реформационных посылок, которые приводят ее к принятию политической идеи своих бывших противников. И если сегодня некоторые жалуются, что Германия не является «нацией» в смысле анти-иерархического объединения всех классов, то мы, в свою очередь, видим в этом только ценность и позитивную, анти-современную сторону этого народа. Всякий «социализм» следует отвергнуть и при этом дать решительный отпор некоторым склонностям современной молодежи. Часто нам приводят характерные, но недобросовестно проработанные доводы, утверждающие, что германская традиция есть традиция лютеранского восстания и крестьянской войны (и на этом основании некоторые доходят до того, что провозглашают ее «вестницей Востока», которая должна объединить «социалистическую Германию» с Советами в походе против Рима и остатков «феодализма!»), вместо того, чтобы искать ее истинные принципы в Средневековом мире и арийско-германской этике. И если говорят об анти-римстве гибеллинского Императора, вступившего в борьбу против ига, которое принявший семитскую религию Рим хотел наложить на него, то оно отнюдь не являлось анти-римством лишнего традиции мятежника, в соответствии с текстами семитского «откровения», потому что император боролся именно за остатки Империи, иерархии и авторитета, вопреки всему сохранные Римом. Следует твердо понять, что, как христианство означает великое падение римско-языческого человечества, так и Реформация означает падение нордическо-германского человечества, и что восставать против этого надо не во имя Церкви, а во имя самой нордической традиции, во имя интегрального языческого духа. И когда это будет понято, многие искусственные антитезы, подчас даже высшего, духовного и культурного уровня, возникающие вследствие смешения духовного мужества и сектантского духа Рима, будут автоматически сняты. Лютер так же далеко отстоит от истинной германской аристократической организации, как и «социализм» еврея Карла Маркса. Перейдем теперь к более эмпирической стороне: в Италии фашизм уже ведет борьбу против парламентаристской язвы, против демократии и социализма. Воля к порядку и к иерархии, к мужественности и к авторитету должна привести к новой национальной реальности. Признание позитивной стороны этого движения не исключает, однако, многих присущих ему ограничений, и если

таковые не будут преодолены, то тогда они лишь еще более отдалят Италию от истинного, традиционно-аристократического возрождения. Фашистская склонность к государственной централизации действительно ценна как противоядие демократическому либерализму и анархическому, разрушительному индивидуализму, но ее все же следует ограничить, чтобы воспрепятствовать деспотизму «общественных властей», который с необходимостью повлечет за собой нивелирование и превращение общества в безличный механизм. И точно так же корпоративные идеи фашизма, хотя они и ценны своим преодолением ложного марксистского учения через высший идеал справедливого и благородного сотрудничества классов, не должны вести ни к усилению политики за счет хозяйства, ни к перевороту в синдикалистском смысле, ни к ограничению государства хозяйством – как того хотят некоторые фашисты, считающие свое движение усовершенствованным вариантом русской революции. Нам нужно, в первую очередь, восстановить и оживить качественную и плюральную систему Средневековых сословий и гильдий, с их относительной автократией и, прежде всего, с их внутренней духовностью, с их превосходством над простой службой и... активистски-производительным оргазмом, естественно, в той мере, в какой это возможно в сегодняшнем мире, разрушенном машинами и закрепощенном невидимым детерминизмом всемогущих международных финансов. Фашистская Революция поддержала Монархию, – и это уже много, – но, однако, она ничего не сделала для того, чтобы эта Монархия из простого символа снова превратилась в живую власть. Монархия в рамках фашизма, к сожалению, осталась функцией, которая «царствует, но не правит». Кроме того, так называемая иерархия фашизма состоит скорее из простых партийных руководителей, – часто людей, пришедших снизу, лишенных истинной, духовной традиции и обладающих, в большинстве случаев, лишь способностью к внушению, свойственной «народным ораторам» и «кондотьерри», – нежели из истинных аристократов. Погрязший в борьбе и заботах конкретной политики фашизм, по-видимому, не интересуется созданием иерархии в высшем смысле, покоящейся на чисто духовных ценностях, презирующей скверну современной «культуры» и современного интеллектуализма и озабоченной в первую очередь созданием центра, который поднялся бы над всеми светскими и религиозными ограничениями. Фашистская клятва римскому символу еще очень далека от клятвы римско-языческой, не просто милитаристской, а сакральной идее Империи, которая сделала бы очевидной компромисс и оппортунизм соглашательства интегрального фашизма с какими бы то ни было разновидностями семитско-христианской религии. Тот факт, что фашистская идея государства является только светской, «политической» и, в лучшем случае, «этической», вынуждает нас, языческих Империалистов, рассматривать ситуацию как «лучше чем ничего», и мы отдаем предпочтение фашизму, несмотря на все его противоречия, по сравнению с Римской Церковью – носителем универсального, сверх-светского авторитета, – так как пока ничего другого нет. Если бы эти ограничения были бы преодолены, то итальянцы, следуя по пути, восходящему над фашизмом, смогли бы оказаться в числе первых народов, призывающих к традиционному и аристократическому восстановлению. Что касается Германии, то она находится сегодня в состоянии борьбы, и, в первую очередь, ей необходимо сейчас ясно осветить те идеалы и мифы, которые смогут лучше сориентировать враждующие между собой течения. Если Свастика, арийско-языческий символ солнца и его сияющего пламени, принадлежит к символам, которые скорее, нежели какие-либо другие, смогут привести к истинному германскому возрождению, то, что касается названия партии, выступающей под этим знаком и совершающей сегодня в Германии фашистскую революцию, то оно оставляет желать лучшего. В действительности, не говоря уже об апелляции к рабочему классу, элементы «национализма» и «социализма» вовсе не согласуются с благородной германской традицией, и следует уяснить себе, что Германии необходима революция именно против демократического социализма. Восстановленный «гарцбургский фронт» представляет собой правильный путь: движение анти-марксистского и анти-демократического восстания, которое является фронтом всех консервативных и традиционных элементов. Необходимо следить за тем, чтобы «социалистический» момент не становился центральным, даже когда он является «национал-социализмом» – и чтобы все то, что сейчас группируется вокруг престижа вождей, не вылилось бы в реальности в движение масс. Дей-

ствительно, многие притязания на «социальную оправданность» справедливы, и восстание против капиталистической олигархии является предпосылкой восстановления качественного и аристократического порядка. Однако нельзя забывать, что, когда дело идет только об этом, то подобное восстание – и также взятое с противоположным знаком – остается на уровне, на котором разворачивается марксизм, и не имеет права быть перенесенным за пределы этого уровня. На немецком народе еще лежит отпечаток традиции порядка, дисциплины и аристократии. Следует оставаться верными этой традиции и снова утвердить сверхполитические элементы, в которых она сможет найти свое оправдание. То, что демократически – республиканский режим в Германии является только междуцарствием, переходным периодом, становится все более очевидным для лучших умов Европы. Диктатура при определенных, особых и революционных обстоятельствах может стать необходимым явлением, но, однако, она никоим образом не является истинным и достаточным решением. Она может иметь силу лишь как путь к восстановлению того, что было разрушено внешней властью – как фатальное следствие проигранной в колоссальном напряжении войны. Но возникает вопрос о типе режима. Как мы сказали в начале: Монархия, (как кайзерство), которая в своей высшей власти над отдельными государствами являет собой образ того, чем могла бы быть интегральная, сверхнациональная, европейская функция, есть самое здоровое основание для длительного поддержания традиции и для образования предельно персонализированной, мужественной иерархии; такой иерархии, которая покоится на арийско-феодальной основе службы и верности, а не на каком-либо «законе» или «социальной истине», характеризующих узурпацию власти классом торговцев и, в конечном счете, рабов. Следующим условием для Германии является, естественно, вычищение всей той гнили, которая появилась в различных формах пораженчески-пацифистских, расплывчатых, грубых и пошло реалистических писаний. Саму антитезу, представляющую, с одной стороны, профессорский, бескровный, профанический и дилетантский рационализм, а с другой – современный романтизм жизни и иррационального, следует преодолеть через возвышенное стремление к новому реализму трансцендентного характера, в котором сможет найти себе новую форму культурный идеал духа в классическом, сверхрациональном, дорическом смысле; духа, с молчаливым достоинством устанавливающего свой точный закон над душой и телом; духа, полного отвращения к миру литераторов, ученых и ничтожных людей, танцующих вокруг комплекса Эроса и хозяйственного механизма. Принимая во внимание вышеприведенные замечания относительно односторонне понимаемого расового учения, следует сказать, что следующим пунктом подготовки германского восстановления является антисемитизм. Но следуя этому пути до конца, становится ясным, что иудейство, против которого в Германии уже ведется борьба, является только одной стороной гораздо более могущественного врага: антисемитизм с необходимостью приводит к альтернативе, которая, с одной стороны, предлагает признание христианской религии, а с другой – верность нашей истинной традиции, волю к новой, интегральной, солнечно-нордической и поэтому языческой духовности, как к высшей интеграции наших ослабших рассеянных в темной эпохе сил. Радикальный антисемизм невозможен, если он не является в то же время анти-христианством⁴. Только на основе арийско-языческой духовности можно выдвинуть универсальную антитезу семитизму, как, в свою очередь, универсальному феномену, современные, хозяйственные и социальные проявления которого суть его частные аспекты материального характера. Способствовать на этой основе объединению двух Орлов – римского и германского – это первый этап решения проблемы будущего Европы. Посмотрим, хватит ли мужества и непреклонности у мужей, способных встать на вершину этого «мифа» и твердо заявить о нем: «Это должно стать новой реальностью!» И осознание того, что тогда только два наших народа могут защитить древнюю Европу, должно придать нам достаточно сил для преодоления всего, что на расовом или политическом уровне препятствует нашему взаимопони-

⁴ Подтверждением этого для нас является признание иудея Бенджамина Дизраэли (в «Сибиле»): «Христианство является усовершенствованным иудейством – или оно вообще ничто; христианство без иудейства непонятно, а иудейство без христианства несовершенно.

манию. Ожидая политического переворота, который укажет Европе путь к ее высшей судьбе, следует, между тем, стремиться к внутреннему действию, такому, каково оно есть в действительности: следует стремиться к достижению такого духовного состояния и созиданию такого стиля жизни, которые все более и более приближались бы к традиционному типу. Только в глубине могут быть найдены точки соприкосновения и изначальные силы, способные за кулисами, благодаря тем «невидимым вождям», о которых мы говорили вначале, задержать падение и противостоять тому, что привело Европу к катастрофе.

ГИБЕЛЛИНСКОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Заканчивая наши рассуждения, мы должны углубить упомянутую несколькими строками выше проблему соотношения между идеалом новой европейской культуры и католицизмом. С чисто доктринальной точки зрения вряд ли нужно говорить, что недвусмысленный ответ на этот вопрос дан во всем нашем изложении. Здесь же мы спустимся до более условного уровня, имея перед глазами принципы, которые смогут поддержать некоторые современные движения политического характера. Во-первых, следует сконцентрировать внимание на том, что мы хотим говорить специально о католицизме, а не о христианстве вообще. Конечно, католик не был бы католиком, если бы он не утверждал, что католицизм является христианством, и что Церковь – это законная и единственная наследница Христа. Однако такое «ортодоксальное» убеждение отнюдь не меняет того факта, что христианство вместе с иудаизмом явились почвой для возникновения – прямого или косвенного – совокупности таких вещей, которые далеко выходят за рамки простого католицизма. Мы уже упоминали, в каких силах надо искать семитско-христианский фактор, сильно разнящийся с течением, которое было до определенной степени романизировано городом Орла и Фасции. И мы, кроме уже высказанного отношения к этим силам, не хотим более тратить на это слов. Сейчас мы хотели бы заняться только католицизмом в строгом смысле этого слова. Дело в том, что католицизм со своей огромной иерархической машиной, со своей кажущейся стабильностью, вечностью и универсальностью, со своей верностью, в некотором роде, неземным ценностям, в наши мрачные времена для многих еще является чарующим соблазном. Это заходит подчас так далеко, что многие саму идею традиции отождествляют с католической традицией, и еще совсем недавно огромное количество итальянцев не стеснялось официально заявлять, что, если Рим и остается до сих пор центром универсальной идеи, то лишь за счет католической Церкви. Впрочем, вплоть до вчерашнего дня большая часть великих традиционных европейских Монархий была католической, и все легитимные идеи защищались на основе католицизма. Многие современные устремления к возврату вселенского Средневековья исходят именно из той предпосылки, что католицизм был главной силой этого периода. Все это верно, но, однако, все это только показывает, насколько сузились горизонты современных людей. Признание католицизма возможно тогда, когда полностью утерян смысл системы ценностей совсем другого порядка и гораздо большей чистоты. Мы уже говорили об этом выше: для тех, кто не знает ничего другого, католицизм – это уже нечто. По сравнению со «светским» или «этическим» государством, государство, признающее, по меньшей мере, высший и универсальный авторитет, представляемый Церковью, обладает для нас несомненно большей ценностью. Несмотря на это, необходимо набраться мужества и выяснить сущность тех элементов, которые представляют собой ценность католицизма. И тогда уже с полной ясностью посмотреть – обладают ли эти элементы в католицизме такой формой, выше которой быть ничего не может. Эти элементы – мы ограничимся основными – уже были нами упомянуты: Закон Порядка, признание Сверхъестественного, принцип Универсальности. Что касается первого пункта, то тот, кто ищет в Церкви принцип порядка, должен, естественно, учитывать, что в прошлом она не всегда выступала именно в этой роли. Но это еще не все. В большевистском идеале тоже имеет место принцип порядка – следовательно, надо уточнить, о каком принципе порядка идет речь, и проверить, до какой степени выбранный принцип связан с предпосылками католического учения. Ответ на последний вопрос

однозначен: надо только обратиться к некоторым цитатам из текстов, энциклик и силлабий, чтобы показать, что католический идеал порядка – это только координация, а отнюдь не иерархия, и что католицизм не интересуется специфически политической формой правления, установленной в отдельных государствах, – лишь бы они продолжали подчиняться Церкви и признавать католическую доктрину. По своей сущности католицизм все же остается христианством, так как «социализм» народов, под видом отеческого присмотра, помогающего нивелировать их дух, является идеалом порядка, более всего ему близкого. Может ли такой идеал привлечь к себе лучшие силы европейского возрождения? Силы, не забывшие о наследии своего арийского прошлого? – Конечно, нет. В той мере, в какой католицизм, несмотря на все, еще является воплощением иерархического идеала, эти силы могут найти в Церкви поддержку. Кроме того, все великое и позитивное, с этой точки зрения, что Церкви удалось совершить в течение столетий, имеет свое бытийное основание не столько в доктринальных утверждениях раннего христианства и даже не в православной философии, сколько в римском элементе, который, ассимилировавшись, частично обновил и оживил ее. Но если это так, то всякий сознательный возврат к католицизму должен являться лишь путем его преодоления, и при этом апелляцией к дохристианской, живой и творческой римской традиции, где компромиссу положен конец, и где в чистом состоянии хранятся те силы, которые, возвысив католицизм, были достаточными для подавления протестантской оппозиции. Выдвинутая Морассом оценка Церкви как принципа порядка была принята в весьма немногих идейных кругах. Итальянские фашисты – конечно, когда речь идет не только о вульгарных политических оппортунистах – смогли признать Церковь лишь постольку, поскольку католицизм связан с цезарской идеей Рима. Нетрудно найти и другие подобные примеры. Перейдем теперь ко второму специальному пункту: к католицизму, как основе закономерного учения относительно божественного права. Здесь также следует сделать разграничение. Прежде всего надо подчеркнуть, что именно Церковь впервые утвердила на Западе учение о природном праве, т.е. о «лаицистском» происхождении и светской природе Монархии, в противовес гибеллинскому тезису «двух солнц» и принципу сверхъестественности Империи. Это произошло потому, что Церковь прекрасно понимала, что в рамках интегрально понятого учения о божественном праве – как это было в случае Гогенштауфенов – ее гегемонистическим устремлениям остается очень мало места. Когда же Церковь согласилась поддерживать тезис божественного права, то в этом состоял еще один компромисс. Это учение, признающее предпосылкой законной власти сверхъестественное основание, в действительности было только редукцией намного более конкретного, античного, традиционного учения о королевской божественности, о котором мы уже не раз упоминали. Может ли католицизм отказаться от слов Гелазиуса I-го, который сказал, что «кроме Христа, ни один человек не может одновременно быть Царем и Жрецом», хотя наша арийская, языческая традиция и утверждает противоположное? Может ли он понимать право властелина как-то иначе, нежели как то простое обстоятельство, что Церковь «признала» его таковым, номинально или через «помазание», которое – уже веками исключенное из числа истинных и настоящих посвящений – сегодня является ничем иным, кроме как пустым символом и простой церемонией? Еще раз повторим: католицизм – это слишком мало: принцип божественного права надо понимать конкретно, а не формально и условно. Его следует понимать в том смысле, что истинное и законное право господствовать имеет только реально божественное существо, которое как личность – помимо всяких условностей и признаний каких-то других внешних авторитетов – доказывает свою нечеловеческую природу. Поэтому и здесь то, что привлекает нас в католицизме, уводит нас дальше, за него, к концепциям великой дохристианской традиции, в которых представлена более совершенная, более определенная и более полная совокупность этих ценностей. Рассмотрим сейчас следующий пункт: ценность католицизма в том смысле, в котором он представляет сверхполитическую позицию и ведет людей к сверхъестественному порядку. Здесь также следует сразу отметить, что католицизм может признавать эту ценность лишь при отказе от всей предпринятой собственно христианством романтической, чувственной, сентиментальной и совершенной (за счет гуманизирования отношения к божественному) редукции. Несмотря на это, следует все же признать за ним – в про-

тивовес материализму и чистому профанизму, распространившимся повсюду, как инфекция – право на систему, центр тяжести которой действительно находится в сверхъестественном. Но, разумеется, это – только обещание. Помимо проблемы отношения к сверхъестественному, остается проблема выяснить – каково это отношение. И здесь мы сталкиваемся с величайшим и непреодолимым препятствием, которое не позволяет нам, империалистам, поддерживать католицизм. По отношению к сверхъестественному, как мы уже сказали, возможны две принципиальные позиции: солнечная, мужская, утверждающая, соответствующая традиционному сакральному королевскому принципу, и лунная, женская, религиозная, пассивная, соответствующая идеалу жреца. Жрец, как бы могущественен он ни был, постоянно осознает себя обращенным к Богу, как к Господину, которому он служит, и перед которым он преклоняется: от «Бога» вся его власть, и он сам – только посредник Духа. Семиты поставили такое положение вещей во главу угла и такими же мазохистскими цветами изобраили покорность тварей и пафос их принципиальной удаленности от Всемогущего. Традиционный сакральный король, напротив, сам был существом божественной природы и относился к «Богам» как к себе подобным. Он был «небесного» рода, как и они, имел ту же кровь, как и они, и вследствие этого он был центром, утверждающим, свободным, космическим принципом. Надо твердо знать, что только наша пратрадиция, традиция наших чистейших рас, является традицией «солнечного» типа: воля к возрождению, соответствующему этой традиции, рано или поздно вступит с католицизмом в борьбу – так, как это произошло в Средние века с гибеллинами. И тогда католицизм вынужден будет занять истинно иерархическое место, отведенное религиозной системе, на основе того, о чем пойдет речь ниже. Аналогичная проблема возникает, даже если эти две темы рассматривать отдельно друг от друга, и при изучении следующего пункта: ценность католицизма как принципа универсальности. Мы уже подчеркивали, что когда анти-католицизм ограничивается утверждением партикуляристских, вульгарно-расовых, национально-тотемистских принципов, мы несмотря на все, высказываемся в пользу католицизма. Но когда вместо этого, католицизм рассматривается как путь к признанию высших ценностей и высших прав свойственной ему универсальности, то встает иная проблема, поскольку есть универсальность и универсальность, так же, как есть солнечная и лунная форма отношения к сверхъестественному. После всего, что было сказано, вряд ли стоит настаивать на выводе, который уже должен быть ясен каждому: солнечная универсальность имперского и иерархического принципа, увенчанная идеалом королевской божественности, противостоит лунной универсальности экклизиастического и «социалистического» принципа, увенчанной идеалом жреца как слуги Бога. Какую универсальность выберем для новой европейской куль туры мы, арии, мы, потомки сакральных Цезарей и королевских сыновей Тора и Одина? Тайный голос нашей крови должен дать ответ на этот вопрос, и наше духовное мужество должно суметь отстоять его вопреки идейным шаблонам, предубеждениям, предрассудкам и ложным традициям, гнездящимся в различных европейских расах.

Какое место и какая роль будут предоставлены Церкви в имперской вселенской культуре? Постараемся ответить на этот вопрос самым недвусмысленным образом. Для этого мы должны вернуться к тому, что мы сказали по поводу соотношения между Мудростью и верой. Принцип неравенства, на котором зиждется традиционный дух, выдвигает как аксиому, что из-за различия людей и их природных возможностей существует очень много разных видов отношения к божественному. Лучшие, которые всегда составляют меньшинство, могут прямо вступить в контакт с божественным, преображаясь при этом и находясь в живом, конкретном состоянии особого опыта: это – солнечный путь, инициатический идеал. Другие, большинство, масса, не могут совершить такого преображения и такой реализации. Цепи человеческой природы в них слишком крепки. Для них открыт иной путь: связать себя обетом с тем, что им представлено в форме особого, реального и трансцендентного существа – Бога в понятии теизма. На место знания божественного вступает вера в него; на место опыта – догма; на место техники преодоления и реального участия – молитва, страх божий, смирение; на место чувства самодостаточности и сверхиндивидуальности – недостаточность и зависимость от Всемогущего. Все это являет-

ся «религиозной» системой, которая занимала свое место и имела свое основание быть и в традиционном мире, поскольку она вела массу и предлагалась как суррогат тем, кому путь к аристократической, сверх-религиозной и инициатической реализации был закрыт. Принцип иерархии, распространявшийся на духовную область, не имеющую никакого отношения к народной религии молитвы, к культам и верованиям масс, предоставлял абсолютное право господствовать инициатическому учению, эзотеризму, традиции мудрости и ритуала, которые всегда были приоритетом князей и аристократов. Таким образом, любая традиция в интегральном смысле без всякого пренебрежения проводила грань между знающими и незнающими, поскольку ось – только одна, поскольку уверток не существует, поскольку тот, кто не знает или просто предчувствует, всегда признает, чтит и благословляет стоящих над ним. В таком тотальном понимании система католической Церкви не могла быть ничем иным, кроме системы, соответствующей народной религии античных культур. Конфликт с католицизмом неизбежен только в той мере, в какой он не признает это «место» как свое; в какой он выдвигает притязания на то, что только он является высшей ценностью, религией *par excellence*, над которой ничего больше нет, а вне которой существует только ересь и заблуждение – короче, в той мере, в какой он не признает и не хочет признавать иерархию ценностей, стоящих объективно выше всего того, что является «религией». Вряд ли нужно подчеркивать, что именно этот дух нетерпимости и ограниченности проявился в раннем христианстве, и, в особенности, в иудаизме, в такой степени, что благодаря ему произошла полная подмена ценностей традиционной элиты ценностями низших слоев: поэтому языческие, аристократические добродетели и стали «явными пороками», тип мудреца и посвященного – типом «врага Бога», а качество достаточности, спокойной и сознательной силы для реализации самого себя – клеймом люциферической гордыни. Все это уже было разобрано Ницше и не нуждается в повторении. – В общем, здесь мы также сталкиваемся с феноменом узурпации – которая началась уже в античном мире – кастой жрецов сакральных функций, изначально являвшихся приоритетом королей. Возвращаясь к настоящему, следует четко объяснить, что те ценности, которым церковь через возвращение к нормальности и к истинной иерархии, должна была бы подчиниться, сегодня не являются реальными. Идеальный образ, который, как Церковь, имел бы сверхъестественное происхождение и сверхъестественную цель, воплотивший бы в себе не религиозный, а солнечный полюс духа и явившийся бы душой универсальности не социалистического, а имперского типа, полностью отсутствует в современном мире. Мы думаем, что достаточно ясно выразились для того, чтобы никто не заподозрил нас в чисто светском или сугубо политическом анти-католицизме, являющимся попыткой сделать временную или национальную власть духовным авторитетом, пусть даже религиозного типа. Несмотря на все, когда речь идет о принципе и о мифе нашего пробуждения, должны быть выдвинуты ясные идеи интегрального порядка, где Церковь – повторим это еще раз – может быть оставлена лишь постольку, поскольку она – как выражение духовности тех, кто может только «верить» – будет иерархически зависима от Империи, понимаемой как воплощение королевской божественности тех, кто «знает» и тех, кто «есть». Орел над Крестом. Солнечный символ права отца (Империя) над лунным символом права матери (Матерь Церковь). Только тогда можно говорить об интегральном традиционализме, и только тогда можно вернуться к оправданному и нормальному порядку. Логика самой истории подтверждает правильность этой идеи. Впервые, когда разделившиеся арийские праплемена индусов вступили в контакт с низшими силами местных рас Юга, пурохита, жрецы, изначально бывшие зависимыми, связанными с сакральным королем – в согласии с точными формулами ритуалов – и относившиеся к нему как супруга к супругу, как Земля к Небу, стали брахманами, т.е. господствующей жреческой кастой. В Китае, в Риме, в древней Греции ритуал был привилегией королей, и каста жрецов, если она не являлась в то же время аристократией, была подчинена такому порядку. То же самое можно сказать и о нордических племенах: нордические короли были единственными исполнителями ритуалов, и у германцев жрецы никогда не обладали той же высшей властью и тем же достоинством, как божественные короли и вожди. В Египте жреческой касте только к концу двадцатой династии впервые удалось захватить власть и основать династию великих жрецов Фив, ценой падения авторитета солнечных коро-

лей. В первом столетии христианства сама католическая Церковь была только официальным органом, зависимым от Империи, и на церковных соборах епископы предоставляли государю решающее слово не только в вопросах дисциплины, но и в вопросах догматики. Понтификат также отдавал дань признания меровингским и каролингским королям, как об этом говорится в формуле: «Melchisedek noster, merito rex atque sacerdos, complevit laicus religionis opus» – «vos gens sancta estis atque regale estis sacerdotium»⁵. И о Папе Льве III-ем говорят, что он пал ниц перед Карлом Великим, как перед воплощением древнейшей традиции, поддерживающей римскую корону. Post laudes ab apostolico more antiquorum principum adoratus est⁶, – гласит Liber Pontificalis. Эти примеры, выбранные из множества других, которые, без сомнения, также могли бы быть приведены в данном контексте, подтверждают традиционную ортодоксию наших гибеллинских убеждений. Они также показывают, что оправданность, функция и позитивная сторона додуманного до конца иерархического идеала Креста – как жреческого символа – существует только там, где он подчинен Орлу. В той мере, в какой Церковь не может или не хочет этого, она остается анти-традиционной, разрушительной и парализующей силой. Так как она при этом спускается на уровень сомнительных, семитско-христианских факторов, являющихся основной причиной падения нашего мира, то в нас, в людях, противостоящих современному миру, она найдет себе только непримиримых и безжалостных врагов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы полагаем, что сказали достаточно для того, чтобы прояснить основные принципы нашего имперского мифа. Здесь речь шла только о позиции. Систематическое и углубленное развитие, которое придаст этой позиции фундаментальную, законченную форму, а не только ее основные штрихи, как в настоящей работе, вы сможете найти в других наших книгах. Мы сказали вначале, что европейская культура нуждается в радикальном перевороте, без которого она обречена на гибель. Плебейское суеверие, заставляющее западного человека верить в химеру прогресса и прославлять материальное покорение мира, к счастью, разоблачено. Тема заката Запада больше не является, как это было вчера – в эпоху Просвещения и обожествления разума в яacobинском костюме – ересью. Уже почти повсюду стали видны следствия, к которым должна привести прославленная «цивилизация». Этим следствиям уже многие готовы противопоставить новые силы ради высшего оздоровления. И поэтому такой призыв, которым является настоящая книга, сегодня оправдан. Еще остались люди, не принадлежащие к современному миру и не дающие ему окончательно сбить себя с толку, могущие возвысить и унижить, готовые, когда придет время, бороться с этим миром всеми своими силами. Всем известно сказание о гибеллинском Императоре, который ожидает пробуждения в «горе», чтобы принять участие, вместе со всеми верными ему, в Последней Битве. Когда же дело, наконец, дойдет до этого? Когда орды Гогов и Магогов перейдут через символическую стену, преграждающую им путь, и когда они возьмутся всерьез за покорение мира? – Тот, кто перенесет смысл этого апокалиптического мифа на действительность, не сможет отделаться от мысли, что это мгновение уже очень близко. Орды Гогов и Магогов – это демонизм коллектива и начало социалистического царствования во всем мире всемогущего человека толпы, как в духе, так и в материи. Вопреки им имперский символ гибеллинов означает призыв к объединению всех еще здоровых сил. Мы не говорим о «политике», о социальных и хозяйственных реформах потому, что даже мысль о том, что этим путем можно достичь обновления просто смешна: также «полезно» было бы наклеивать на больные части тела рецепты в то время, как кровь заражена и отравлена. Единственно, что идет в счет – это выдвижение системы ценностей, осуществление которой сможет отворотить темный рок, тяготеющий над Европой, в том числе и

⁵ «Наш Мельхиседек, король и жрец, осуществляет светские и религиозные обряды» – лат.

⁶ «После славословий апостолам следует славословить древних королей» – лат.

на материальном уровне. Тому, кто нам возразит, что это не является политикой и реализмом, мы ответим, что он не знает, что такое политика и истинный реализм. Возникающие в минуты опасности, кризиса и тревоги вихри состоят из различных, иррациональных и противоречивых сил. При изучении разных социальных и культурных, реакционных и реформистских течений, наружу часто выступают нечистые, обусловленные низами факторы, аффекты, которые тем или иным образом принадлежат к тому же недугу, от которого эти течения хотели бы оградить себя. Во многих из них при этом можно найти нечто лучшее – волю, в которой пробуждается смутная возможность истинного возрождения. Этой воле надо указать путь. Для несломленных, непобежденных мы выдвигаем традиционный символ и говорим, что только через возврат к солнечной духовности, к живому мировоззрению, к мужской языческой этике и имперскому идеалу, к священному наследию нашей нордическо-арийской крови силы европейского возвышения смогут вспыхнуть, зажечься, пробудить душу, которой до сих пор им так не хватало. И только эта живая душа сможет дать им абсолютное самосознание, и только она может разорвать кольцо «темной эпохи» Запада.

1928 год

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ЮЛИУС ЭВОЛА, ЯЗЫЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИСТ

ПУТЬ КИНОВАРИ

Судьба итальянского барона Юлиуса Эвола, одного из наиболее известных и почитаемых традиционалистов нашего времени, в отличие от судьбы другого великого традиционалиста Рене Генона, была чрезвычайно насыщенной и богатой внешними событиями, приключениями, опасными путешествиями, политической борьбой и т.д. Это было классическое хайдеггеровское «бытие-без-укрытия-в-максимально-рискованном риске». Но несмотря на то, что Эвола являлся, без сомнения, одной из самых ярких личностей нашего века, его случай выходит за рамки «выдающегося индивидуума» – в нем, в его жизни, в его судьбе отразилась судьба Идеи, судьба определенной духовной позиции, судьба Традиции в Темные Времена.

Барон Юлиус Эвола родился в Риме 15 мая 1898 года в семье итальянских аристократов, чей род восходит к германской средневековой знати – к роду баронов Хевелар. Уже в юности Эвола ощутил внутри себя глубочайшую отстраненность по отношению к окружавшей его реальности, интерес к трансцендентным, запредельным сферам, но одновременно активное творческое стремление трансформировать внешний мир в согласии с внутренними идеалами. Сам Эвола в единственной биографической книге «Путь Киновари» пишет о своей юности: «Я почти ничем не обязан ни среде, ни образованию, ни моей семье. В значительной степени я воспитывался на отрицании преобладающей на Западе традиции – христианства и католицизма, на отрицании актуальной цивилизации, этого материалистического и демократического «современного мира», на отрицании общей культуры и расхожего образа мышления того народа, к которому я принадлежал, т.е. итальянцев, и, наконец, на отрицании семейной среды. Если все это и повлияло на меня, так только в негативном смысле: все это вызвало у меня глубочайший внутренний протест».

Такое отношение привело юного Эволу к радикальному нигилизму, проявившемуся в его раннем анархистском поэтическом и изобразительном творчестве. Эвола был одним из первых представителей дадаизма в Италии. Параллельно творчеству Юлиус Эвола изучал труды по религиозной, эзотерической и метафизической проблематике. Особенно интересовали его восточные доктрины – индийский тантризм, буддизм,

даосская традиция Китая, йога и т.д. Кроме того, он серьезно занимался также сугубо западным эзотеризмом – алхимией, герметизмом и сопряженными с ними дисциплинами. Когда анархические опыты достигли в жизни Эвола своего разрушительного пика, он окончательно выработал свою жизненную позицию, которую в дальнейшем лишь развивал и углублял: это была позиция «обособленного человека». Иными словами, ее можно определить как позицию Консервативной Революции. Смысл ее сводился к следующему. – От анархической и нигилистической направленности Эвола сохранил глубокую неудовлетворенность современным миром, его буржуазными, демократическими, плебейскими ценностями, но в то же время, в отличие от обычных «левых» нигилистов, Эвола на этом не остановился, но противопоставил «современному декадентскому миру» сакральный мир Традиции, с его инициатическими и гностическими ценностями, с его иерархией, с присущей ему трансцендентностью. «Обособленный человек», проблеме которого Эвола уже в конце жизни посвятил целую книгу «Оседлать Тигра», – это тип особого уникального существа, внутренне принадлежащего к миру Традиции, но при этом вынужденного внешне пребывать в антитрадиционном и десакрализованном мире, в «современном мире». Опыт тотального отрицания привел Эвола к тому, что он через травматические и трагические трансформации осознал всю полноту этих альтернативных, антисовременных ценностей, внутренне обнаружил их в глубине своей души как конкретное присутствие преобразующей, нечеловеческой силы, «силы Абсолюта». В этот же период Эвола познакомился с трудами Рене Генона, и это окончательно укрепило его «традиционализм», дало ясное и полное подтверждение его интуиций. «Нигилистический период» в судьбе Эвола не был ни случайностью, ни противоречием: это был закономерный и почти неизбежный этап консервативно-революционного становления его жизненной позиции.

Среди итальянских авторов юный Эвола читал Папини, Михельштедтера, д'Аннунцио, лично знал знаменитых футуристов Джакомо Балла и Маринетти. Среди немцев он, в первую очередь, выделял Ницше, а также труды Отто Вайнингера, и, несколько позднее, Эрнста Юнгера, Освальда Шпенглера, Стефана Георге, Людвиг Клагеса, Готтфрида Бенна и других консервативных революционеров. Его также очень интересовали русские консервативные революционеры, и особенно Федор Достоевский. Эвола также лично хорошо знал Мережковского. Но уже в первых постнигилистических книгах Эвола – «Теория Абсолютного Индивидуума», «Феноменология Абсолютного Индивидуума», «Эссе о магическом идеализме» и т.д. – звучат темы радикального и бескомпромиссного традиционализма, порывающего со всем полем профанической и декадентской культуры, с которой большинство консервативных революционеров все же продолжали быть связанными, несмотря на всю жесткость их критики культуры. Хотя в этих работах Эвола и апеллирует подчас к профаническим внесакральным философам – таким, как Гегель, Кант, Декарт, Фихте, Беркли и т.д. – он явно тяготеет к рассмотрению важнейших духовных проблем в контексте Традиции и традиционных сакральных учений.

В 1925 году появляется первая книга Эвола, целиком посвященная разбору традиционных доктрин индийской йоги – «Человек как потенция», которая во втором издании была названа «Йога могущества». Позже выходит труд по западной алхимической инициации – «Герметическая Традиция». Параллельно Эвола публикует сборник своих эссе относительно различных аспектов традиционных инициатических учений, а также тексты, переводы и комментарии членов небольшого эзотерического кружка, который сформировался вокруг него – «Группы УР». Этот сборник вышел под названием «Введение в Магию как в науку Я». Уже в этот период Эвола делает попытки реализовать определенные аспекты своей консервативно-революционной доктрины на практике. Он стремится повлиять в консервативно-революционном ключе, с особым акцентом на традиционализм, на итальянское фашистское движение. Но несмотря на определенное сходство между фашизмом и Консервативной Революцией, между этими идеологическими формами существовали и глубокие противоречия. В своей критике фашизма справа Эвола оставался таким же нонконформистом, как и в самые ранние периоды своего творчества. Хотя среди высших чинов

фашистского движения были люди, которые ему симпатизировали, – сам Муссолини не раз позитивно отзывался о работах Эвола, – у него было множество врагов, и не только его журнал «Ля Торре» («Башня») был закрыт по цензурным соображениям, но и многие его тексты публиковались в официальных фашистских журналах с большими осложнениями. Радикализм, бескомпромиссность и бесконечная преданность чистоте идеалов Традиции Эвола мешали многим фашистским чисто прагматическим идеологическим ходам (в частности, альянсу с Ватиканом), а также вызывали ярость у обычных «арривистов», конформистов и фашистских бюрократов. Но как бы то ни было, Эвола стремился придать своей деятельности не только чисто умозрительный, но активный, конкретный, созидательный характер, следуя пути традиционного воина, кшатрия, который может внутренне реализовать метафизические и трансцендентные ценности только через героическое, жертвенное, воинственное внешнее действие, действие Преодоления. Наиболее полным воплощением этого политического проекта Консервативной Революции в традиционалистском ключе было появление «Языческого Империализма».

В Италии «Языческий Империализм» особого отклика не вызвал, но совсем иначе обстояло дело в Германии, где перевод этой книги получил в конце двадцатых годов огромную известность. Так как Эвола стоял за итало-германский политический и геополитический альянс, а его позиция была начисто лишена шовинизма, узкого национализма и ксенофобии, которые были в целом не чужды итальянскому фашизму среднего периода, то немецкие консервативные революционеры увидели в нем автора, наиболее близкого к ним самим. С этого времени в Германии постоянно проходят конференции Эвола, он становится членом консервативно-революционных элитарных организаций – таких, как «Herrenklub» («Клуб Господ») Генриха фон Гляйхена и принца де Рохана и т.д. Параллельно этому укрепляются связи Эвола с французскими традиционалистами, последователями и учениками Рене Генона. Эвола сам знакомится с Геноном, переводит на итальянский его книги и статьи, – в частности, «Кризис современного мира» и др., – поддерживает с ним постоянные контакты посредством писем.

В 1934 году Эвола пишет свою главную книгу – книгу жизни – «Восстание против современного мира». В ней он подробно излагает принципы традиционалистской Консервативной Революции. В первой части разбираются позитивные иерархические ценности истинного мира Традиции, во второй описываются этапы деградации Традиции и генезис современного мира – через переход власти от одной касты к другой, через сменяющие друг друга стадии патриархального и матриархального строя, вплоть до возникновения «современного мира», два наиболее страшных и апокалиптических, вырожденческих лика которого Эвола видел в Советской России и в Соединенных Штатах Америки. До сегодняшнего дня эта книга остается центральным классическим трудом по традиционализму.

Эвола пишет также несколько книг, посвященных расовой проблеме, в которых он исследует точку зрения Традиции по этому вопросу. В них он жестко критикует расхожие в то время в Германии и Италии теории биологического расизма. Классическим в этой сфере стал приведенный им пример о скандинавских народах европейского Севера, которых менее всего можно назвать духовными арийцами, сознающими высшие ценности арийской Традиции, несмотря на то, что в чисто биологическом смысле они могут служить образцом белой расы. В работах «Синтез расового учения», «Замечания по поводу расового воспитания» и т.д. Эвола говорит о трех типах расы – о «расе тела», «расе души» и «расе духа», которые совсем не обязательно совпадают между собой. Довольно откровенно критиковал Эвола и биологический антисемитизм, указывая на этническую разнородность евреев, которая отнюдь не мешает всем им принадлежать к одной и той же «расе души», обладать одними и теми же психическими реакциями. Что же касается особой исторической миссии евреев, которая широко обсуждалась в ту эпоху в самых различных кругах, то Эвола в его предисловии к итальянскому переводу знаменитых «Протоколов Сионских Муд-

рецов» справедливо замечал, что сами евреи и еврейство в целом отнюдь не являются источниками антитрадиционной и антисакральной стратегии, но представляют собой лишь жертвы темного воздействия более страшных и более глубоко скрытых антидуховных сил. Сам Эвола заверяет в книге «Путь Киновари»: «Наконец, следует однозначно заявить, что ни я, ни мои друзья в Германии не знали о тех эксцессах, которые совершили нацисты по отношению к евреям, а если бы мы знали об этом, то ни в коем случае не одобрили бы этого».

В этот же период появляется и книга, посвященная буддизму – «Доктрина Пробуждения».

В конце Второй Мировой войны Эвола, исследующий в Вене масонские архивы, попадает под бомбежку и получает травму позвоночника. До конца своей жизни он остается парализованным. После войны он возвращается в Италию, где продолжает свою интеллектуальную и творческую деятельность. Он пишет книгу «Фашизм, критика справа», где разбирает позитивные и негативные аспекты этого движения, а также те пункты, в которых оно отклонилось от чистоты консервативно-революционных доктрин. Позже появляются такие книги, как «Человек и развалины», «Ориентации», «Оседлать тигра». Все они продолжают тему Консервативной Революции и ее перспектив, так как Эвола категорически отказывается считать поражение стран Оси синонимом поражения самой Консервативной Революции. Он полагает, что темные «подрывные» антисакральные силы были в фашистский и нацистский период не только внешними демократо-коммунистическими факторами, но и внутренними. Мужество и последовательность Юлиуса Эвола в защите тех ценностей, которым он служил всю жизнь, делает его уникальным примером среди других консервативных революционеров, и этим он от многих из них – и особенно от Эрнста Юнгера – выгодно отличается.

Но Эвола не оставляет и чисто традиционалистские исследования. Он пишет замечательную фундаментальную книгу «Метафизика Секса», где разбирает эту проблему в свете учений Традиции, ее эзотерических и инициатических аспектов. Этот труд стал классическим по данной проблеме, получил в Европе широчайшую известность. На него ссылаются и его цитируют даже те, кто принципиально не приемлют теорий Консервативной Революции или даже откровенно с ними борются. Кроме того, Эвола заново редактирует свою раннюю книгу «Мистерия Грааля» и выпускает книгу, направленную против нео-спиритуализма, – «Маски и лики современного спиритуализма», – где он жестоко критикует современные неомистические, псевдоэзотерические движения и секты. Занимается Эвола и переводами – он переводит на итальянский «Закат Европы» Шпенглера, а также многие романы австрийского эзотерического писателя Густава Майринка – «Ангел Западного Окна», «Вальпургиева Ночь», «Белый Доминиканец» и т.д.

Умер Эвола в 1974 году. Его прах похоронен на вершине горы Монте Роза, так как сам он очень любил альпинизм, в котором его привлекали риск, удаленность от всего человеческого, столкновение с чистыми, свежими и страшными силами мира – мира как энергии, как спонтанного и магического проявления того, что лежит По Ту Страну.

ЯЗЫЧЕСКИЙ...? ИМПЕРИАЛИЗМ...?

В конце жизни Эвола подверг серьезному переосмыслению многое из того, что он написал ранее. В результате, переиздания его трудов очень часто содержат многочисленные поправки, изменения и коррекции. В книге «Путь Киновари» Эвола пояснил, что некоторые его книги имели чисто прагматическую, политическую специфику, определявшуюся потребностью момента. У некоторых книг Эвола даже изменил названия. Показательно, что «Языческий Империализм» был единственным трудом, который Эвола переиздавать вообще отказался. Иными словами, эту работу он считал наиболее прагматической, невыверенной и полемически заостренной. Но в то же время именно «Языческий Империализм» содержал в зародыше все те темы, которые были позднее развиты им в «Восстании против современного мира» и в других политико-традиционалистских книгах.

«Языческий Империализм» в его итальянском варианте был полемическим завершением целой серии статей, опубликованных Эволой в различных журналах против «гвельфской» ориентации итальянского фашизма, то есть против «католического фашизма». Этот итальянский вариант имел подзаголовок «Фашизм перед лицом евро-христианской опасности – полемика против тезисов партии гвельфов». Книга изобиловала конкретными политическими подробностями, которые были сняты в немецком варианте, более общем, объективном и сдержанном. Сам Эвола позже признавался: «В книге – и я должен признать это – радикализм политической мысли и жесткий стиль сочетался с юношеским отсутствием меры и политического чувства, с утопическим неведением относительно реального положения дел». На самом деле, «Языческий Империализм» был написан не столько в защиту фашизма, сколько в целях его критики, в целях придания ему особого аристократического и традиционалистского характера, которым он никогда в действительности не обладал.

В принципе, это полемическое произведение содержало много моментов, от которых Эвола впоследствии отказался. Наиболее принципиальными погрешностями данной работы сам он считал чрезмерное восхищение «римской языческой традицией», которая в своем позднем историческом проявлении была отнюдь не так идеальна и полноценна, как казалось в то время Эволе. По его собственному признанию, позже ему стало ясно, что поздний дохристианский Рим был не столько выражением древнейших сакральных, солнечных арийских ценностей, сколько декадентским смешением выродившихся арийских культов с лунными и еретическими синкретическими культурами Востока. С другой стороны, сама христианская традиция, которую Эвола в юности был склонен рассматривать как «учение духовного пролетариата», тоже не была столь однозначной, хотя, несмотря на различные эпизоды его жизни, – одно время он даже пребывал в христианском монастыре в качестве монаха, – Эвола все же до конца не принял христианства как полноценной и аутентичной традиции (как это сделали многие другие традиционалисты, основываясь на тезисах Рене Генона).

Само название «Языческий Империализм», которое Эвола сделал прагматическим тезисом гибеллинской версии Консервативной Революции, было не слишком удачным. В «Пути Киновари» Эвола писал: «...ограниченность этого названия была очевидной, так как я вовсе не имел в виду ни «империализма», поскольку этот сугубо современный термин обозначает чисто негативную тенденцию, сопряженную с отчаянным национализмом, ни «язычества», поскольку этот термин является уничижительным и чисто христианским. Следовало бы в историческом контексте, скорее, говорить о «традиционности римского типа» («*tradizionalita romana*»)). Таким образом, словосочетание оказалось неудачным и популярным не стало, однако, комплекс идей, заложенных в данной работе, многим культурным и политическим деятелям той эпохи приоткрыл особое, сугубо традиционалистское и эзотерическое, видение консервативно-революционных перспектив. Что же касается Германии, то переработанный и во многом исправленный вариант этой книги («*Heidnische Imperialismus*»)

ложился на совершенно иную идейную и культурную почву, так как элементы индоевропейской, арийской традиции с дохристианскими корнями в архаичной и почвенной Германии были намного более органичными и конкретными, нежели в профанической, «культурной» и «модернистической» Италии. Показательно, что среди германских консервативных революционеров, а позже среди национал-социалистов, термины «фашизм», «фашист», «фашистский» имели бранный характер и обозначали «футуризм», «модернистский романтизм», нечто «индивидуалистическое», «утопическое» и «несерьезное».

Как бы то ни было, именно благодаря публикации «Языческого Империализма» на немецком языке немецкие интеллектуалы, политики, идеологи и т.д. впервые познакомились с традиционалистским направлением. Труды Генона и его последователей были в то время немцам совершенно неизвестны. Именно через Эволю, через его конференции, лекции, статьи и книги Германия стала открывать для себя традиционализм и свойственную ему уникальную и законченную позицию по отношению как к истории, так и к настоящему. До выхода в 1933 году «Языческого Империализма» в издательстве «Арманен-Ферлаг» в Германии наиболее духовные элементы консервативно-революционного движения основывались на «ариизированной» версии теософизма, нео-спиритуализма и оккультизма, что в подавляющем большинстве случаев вносило в их концепции непоправимые погрешности, неточности, заблуждения и даже крайне опасные искажения традиционных доктрин. Большинство же авторов оставалось на чисто профаническом, философском, культурологическом или историографическом уровне, что с необходимостью ограничивало общий горизонт консервативно-революционных идей.

Хотя «Языческий Империализм» в итальянской версии и не получил серьезного резонанса, хотя в названии и заключалась определенная двусмысленность и неточность, хотя многие тезисы этой книги и были явно преувеличенными, все это отнюдь не умаляет ценности этого важнейшего труда. Он остается классическим памятником традиционалистской версии Консервативной Революции, и именно в нем следует искать генезис многих идей, доктрин и учений, которые позже получили широкое распространение, хотя и в более сглаженной, фрагментарной и скрытой форме у самых различных европейских авторов подчас прямо противоположных направлений. Можно сказать, что «Языческий Империализм» – это нечто чрезмерное, но при этом, быть может, более насыщенное смыслом, подразумеванием, намеками, энергией, семенами неожиданной и блистательной идеологии, нежели другие выдержанные, но не столь яркие труды того же направления, и в том числе труды самого Эволю. Если чрезмерность – порок в политике, так как она искажает реалистические пропорции конкретных действий, то в идеологии – это, напротив, достоинство, поскольку только обобщение и обращение к принципам может осветить всю полноту идеологических соответствий и связей. Как бы то ни было, сам термин «языческий империализм» остается выразительной концепцией, даже в том случае, если в книге под таким названием и в соответствующем движении, строго говоря, нет ничего «языческого» и «империалистического».

ЯЗЫЧЕСКИЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ И ПРАВЫЕ АНАРХИСТЫ

В своей книге «Оседлать Тигра» Эвола в конце жизни писал, что в условиях полной деградации послевоенного мира, приближающегося к самой низшей циклической точке всей человеческой истории, в ситуации, когда сама возможность Консервативной Революции была исключена после поражения стран Оси, в той или иной степени связанных с этой Революцией, у «обособленных людей», т.е. у людей, внутренне принадлежащих к миру Традиции, а не к десакрализованному «современному миру», остается только один выход – « фронт катакомб», попытка преобразовать «яд в лекарство» путем личного неприятия всего окружающего извращенного бытия. Эвола вынес из своей активной, насыщенной, трагической и героической жизни ощущение

ние невозможности реализации традиционалистских консервативно-революционных идеалов в современном мире: там, где антидемократические и антикоммунистические силы смогли победить, там они, по большей части, остались глухи к Сакральному и не предприняли никаких серьезных попыток к подлинной традиционной Реставрации. Истинные традиционалисты так и продолжали оставаться на периферии в течение всей короткой истории существования государств Третьей Силы. С другой стороны, давление современного мира даже на эти половинчатые формы было столь велико, что и они не могли стать устойчивыми и переломить процесса «демократизации» и «коммунизации» современной цивилизации, которые для традиционалистов суть воплощение анти-Традиции, а следовательно, абсолютного зла. Более того, в результате многочисленных манипуляций с теми или иными консервативно-революционными концепциями, на идеологическом, партийном, политическом и даже культурном уровне стало невозможно отделить здоровое зерно от пародии, истину от имитации. «Правые» ценности – которые должны были бы быть близки традиционалистам – стали отождествляться с «капитализмом» или интересами государственной бюрократии, а среди «левых» ценностей – которые должны были бы быть чужды традиционалистам – появились мотивы справедливой, верной и глубокой критики современной анти-традиционной цивилизации. Таким образом, пропорции между «правым» и «левым» были смещены. Кроме того «подрывные» силы контр-инициации, той таинственной организации, которая, по мнению традиционалистов, управляет негативными процессами в цивилизации, стараются путем интеллектуального, финансового и пропагандистского контроля поставить себе на службу самые разнообразные концепции, исказив их изначальный смысл в соответствии со своими надобностями. Поэтому Эвола в конце концов пришел к убеждению, что единственным критерием «подлинности» для человека, стремящегося противостоять «современному миру», остается «качество внутренней обособленности», «дифференцированности», а также органическое неприятие всех ценностей актуальной цивилизации, всех ее мифов и лозунгов, всех ее псевдосвятынь и псевдозаконов. Трагический исход неудавшихся попыток Консервативной Революции в Европе еще раз подтвердил необходимость изначальной фазы «тотального отрицания», которую на практике познал Эвола в своей юности.

Эта центральность чистого типа «обособленного человека» по ту сторону партийной или групповой принадлежности, по ту сторону «правых» и «левых» проявилась, в частности, в том, что многие итальянские последователи Эволы, начиная с 60-ых годов, выбрали путь «правого анархизма». Такое понимание концепций Эволы отнюдь не было эксцессом или отступлением от ортодоксального традиционализма. Напротив, исчезновение из цивилизационного поля последних остатков Традиции, полная победа антисакральных космополитических «подрывных» сил на всей территории планеты, тотальность идеологической диктатуры Системы – все это заставляет людей, верных логике Консервативной Революции, то есть Революции против мира анти-Традиции и за сохранение, («консервацию»), мира Традиции, радикализировать отрицательный, «революционный» аспект своих доктрин, вплоть до принятия крайней «анархической» позиции. Но этот «анархизм обособленных людей» отличается от обычного анархизма тем, что он воспринимает тотальное отрицание как тотальное и героическое преодоление, где за пределом самого отрицания зияет не бездна, но горизонт «позитивного» блистательно мира Духа, мира Традиции, мира Абсолюта.

Некоторым исследователям творчества Юлиуса Эволы – в частности, переводчику его книг на французский язык и глубокому знатоку трудов и жизни Эволы Филиппу Байе – казалось, что «Языческий Империализм» или, точнее, статус «языческого империалиста» является в некотором смысле антитезой «обособленного человека» из последней книги «Оседлать Тигра», который, в свою очередь, гораздо ближе к раннему дадаистскому периоду. На самом деле, если проследить этапы жизни барона Эволы, то мы увидим, что логика пути от «правого анархиста» до «языческого империалиста» и снова к «правому анархисту» не является ни «порочным кругом» судьбы, ни признаком деградации, ни «рenegатством» по отношению к традиционализму.

Во всех случаях мы имеем дело с одним и тем же типом человеческой личности – с «обособленным человеком», с «дифференцированным человеком». Этот тип является принципиальной и неизменной точкой отсчета, неким «нечеловеческим» Присутствием внутри чисто человеческой личности, наличием высшей и спонтанной Силы-Сверху. В истории и во времени изменяется не сам этот тип, а внешний по отношению к нему мир, и это внешнее изменение вызывает соответствующие реакции, варьирующиеся в зависимости от обстоятельств. В тот период, когда в цивилизации налицо превосходство антисакральных и антитрадиционных, антидуховных процессов, когда эти процессы начинают преобладать, «обособленный человек» акцентирует свое неприятие внешнего мира, свое отрицание, свой «анархизм», свое «НЕТ». И здесь речь идет не о «разрушительной» или «созидательной» склонности той или иной натуры – речь идет о принципиальной и глубинной реакции, которую фактически невозможно ни имитировать, ни высчитывать. Неважно в этом случае, выдвигает ли человек альтернативные ценности или нет – он может оказаться в ситуации, когда у него не будет возможности найти адекватные интеллектуальные или культурные формы, чтобы выразить свои собственные внутренние идеалы. Важно лишь, что он органически не приемлет десакрализованный мир и отказывается подчиняться его законам, признавать его приоритеты, поддаваться гипнозу его увещаний и угроз. Но, в отличие от «чистых нигилистов», «анархистов слева», в случае возникновения во внешнем мире малейших признаков обратных, духовных, реставрационных процессов, ратующих за восстановление Традиции, за возврат к Сакральному, «обособленный человек» тут же обнаруживает «утвердительную», «созидательную» сторону своей внутренней природы, обнажает свое внутреннее великое «ДА», «вечное ДА Бытия» («ewige Ja des Seins»), как писал Ницше. И в такой момент пытающийся возродить свою утраченную Сакральность внешний мир обязательно дает «обособленному человеку» конструктивные термины для выражения его позиции, которые могут быть подчас неточными или прагматическими, но которые, в любом случае, отражают глубинный сакральный импульс – живой, конкретный и органичный. Таким образом, «обособленный человек» становится «языческим империалистом» тогда, когда тенденции к восстановлению Сакрального Порядка, – высшим символом которого является Империя, Священная Империя, – переламывают однонаправленность процессов исторической инволюции, деградации и цивилизационного декаданса, когда против «Заката Европы» поднимаются новые и свежие силы. Принимая все это во внимание, можно однозначно утверждать, что идеологические повороты в мировоззрении Юлиуса Эвола отражают не его частный и индивидуальный путь, но судьбу Архетипа, судьбу «обособленного человека» по преимуществу, логику трагической борьбы «защитника Традиции» в наш Темный Век.

Когда же попытка внешней реализации Консервативной Революции оканчивается неудачей, когда антисакральные силы вновь начинают всецело доминировать, не оставляя никакой внешней возможности к сопротивлению, тогда снова становятся актуальными «анархические мотивы», снова требуется Отрицание, причем еще более решительное и абсолютное, умудренное опытом крушения надежд. Но и это «НЕТ» не является окончательным и бесповоротным. «Обособленный человек» не может изменить своей внутренней природы и превратиться в классического нигилиста. Как только появится первая возможность снова изменить внешнее положение дел, по ту сторону «анархизма» откроется великая созидательная сила – имманентная и конкретная (а потому условно «языческая»), и глобальная, и всеохватывающая (а потому условно «империалистическая») сила нового «Языческого Империализма».

МИССИЯ ЭВОЛЫ

Тексты Эволы обращены не ко всем. Это он сам прекрасно осознавал, и более того, всегда подчеркивал аристократическую направленность своих книг. Если труды других консервативных революционеров призваны убедить читателя, доказать ему правоту консервативно-революционных доктрин, продемонстрировать кризисность «современного мира», Эвола пишет для тех, кто глубинно принадлежит к тому же типу, что и он сам, обращается к «обособленным людям», носителям Сакрального, хотя кое-кто из них, быть может, пока и не догадывается об этом. С другой стороны, в отличие от многих традиционалистов, он не ограничивает заведомо круг своих читателей кругом интеллектуалов, владеющих всем аппаратом традиционалистской терминологии. Поэтому его потенциальная аудитория является крайне своеобразной – его труды интересны как политикам, так и историкам религии, как эзотерикам, так и социологам, как специалистам в области эстетики, так и военным. Любопытно заметить, что определенные идеи Эволы – относительно порочности современного буржуазного строя, относительно «манипуляции» сознанием и мягкой диктатуры «демократических» режимов – были взяты на вооружение немецкими и итальянскими Новыми Левыми, которые, восприняв «критическую» сторону доктрин Эволы, отбросили «позитивную», традиционалистскую часть. Но естественно, не Новые Левые и не академические ученые, над которыми Эвола всю жизнь насмехался, являются адресатами его послания. Эвола заинтересован в пробуждении «спящих», то есть тех потенциальных носителей Сакрального Начала, которым необходим определенный внешний импульс, чтобы отдать себе отчет во всем объеме скрытых в глубине души трансцендентных сил, избежав при этом риска окунуться в гротескные доктрины неоспиритуализма, пародийной и «подрывной» современной псевдодуховности.

При этом крайне важно, что Эвола настаивает именно на тотальной «мобилизации» «обособленных людей». Сама его жизнь – это уникальный образец духовной и интеллектуальной последовательности, верности своим идеям, вопреки всем обстоятельствам. В ней высшее мужество в «экспериментальном доказательстве» Трансцендентной Силы, движущей «обособленными людьми». Он считает, что полноценный консервативный революционер должен подвергнуть переосмыслению все аспекты современного мира, современного духа, чтобы этот растлевающий яд не смог проникнуть в его внутренний антисовременный мир. Поэтому Эвола считает необходимой постановку под вопрос всех принципов, на которых стоит современная цивилизация – как в политике, так и в культуре, как в экономике, так и в эротике, как в сфере расы, так и в сфере этносов и т.д. Более того, «обособленный человек» – независимо от того, является ли он «языческим империалистом» или «правым анархистом» – должен начинать с некоторых фундаментальных принципов Традиции, со сферы традиционных эзотерических и инициатических доктрин, и заканчивать «обособлением» в повседневной жизни, которая также является полем борьбы и преодоления. Если «обособленный человек» ведет жизнь обыкновенного буржуа и лишь в мыслях отождествляет себя с солнечным арийским героем, то это свидетельствует о фиктивности его позиции, об имитации, о его сущностной поддельности. Сфера политики не является при этом исключением. В ней тоже необходимо активное и последовательное действие, хотя оно и не должно, по мнению Эволы, заменять собой все. Но главное – это именно тотальность опыта «обособленности» как в его разрушительных, так и в его позитивных аспектах.

Сегодня на Западе существует множество движений и организаций, которые продолжают и развивают идеи Эволы, остаются верными его миссии. «Эволаизм» характерен для определенных секторов европейского традиционализма, для некоторых эстетических и культурных течений. Существует даже понятие «эволюмании», так как некоторые последователи – как это произошло и в случае Генона – каждую заповедь Эволы понимают как откровение и считают кощунственным хоть в чем-то отступить от «буквы» учения Мэтра. Больше всего последователей Эволы в Италии, Франции и Испании, но есть они и в других странах – в Бельгии, Германии, Австрии,

Греции и т.д. Многие концепции европейских Новых Правых, которые являют собой сегодня наиболее широкое и значительное движение в рамках вновь возрождающейся на Западе Консервативной Революции, изначально разрабатывались, отправляясь именно от трудов Эвола. Так, к примеру, признанный глава и вдохновитель европейских Новых Правых Ален де Бенуа, утверждает, что для него ориентиром всегда был именно Эвола. Вообще говоря, если до Второй Мировой войны традиционалистское движение в Консервативной Революции, воплощенное в фигуре Юлиуса Эвола, было отнюдь не центральным в общем спектре различных консервативно-революционных мировоззрений, то после войны именно Эвола и его доктрины стали в центре всего того, что можно определить как Третий Путь, то есть как общее анти-демократическое и анти-коммунистическое движение. И это не случайно, так как у Эвола содержится наиболее глубокая, наиболее «трансцендентная», а потому и не подверженная временным обстоятельствам, концепция Консервативной Революции, в ее типологическом, архетипическом и предельно ясном виде. Оставаясь в течение всей жизни непризнанным и непонятым, этот удивительный автор стал после смерти мифом, героем, высшим авторитетом и примером для подражания.

Александр Дугин

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»



Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).